

Говорят, хорошие вещи
приходят к тому, кто умеет ждать...

ВСЕГДА Только Ты

Братья Бергманы #2

ХЛОЯ ЛИЕЗЕ

Приготовьтесь к эмоциональному путешествию из смеха, томления и сладкого слобёрна в этом спортивном романе о силе любви не вопреки различиям, а благодаря им.

Рен

В момент нашей первой встречи я сразу понял, что Фрэнки Зеферино стоит того, чтобы её подождать. Бесстрастная манера выражаться, тщательно скрываемое золотое сердце и редкая улыбка с одной ямочкой на щеке, от которой у меня слабеют колени. Фрэнки была под запретом с тех пор, как мы стали коллегами, а это значит, что мне придётся вести игру на выживание... в смысле, помимо хоккея.

Я игрок в составе команды, она в штате персонала, и пока мы работаем вместе, отношения между нами запрещены. Но терпение всегда было моей сильной стороной. Фрэнки здесь не навсегда — она стремится к более масштабным и хорошим вещам. Я лишь надеюсь, что когда она покинет команду, и я признаюсь ей в своих чувствах, она не захочет оставить меня позади вместе со всем остальным.

Фрэнки

Проблемы на работе у меня возникли с того самого дня, как Рен Бергман присоединился к команде: здоровяк метр девяносто ростом, состоящий из счастья и ослепительных улыбок. Я ворчливая ворчунья, и его абсурдно позитивное добродушие сводит меня с ума, но даже я не могу игнорировать этого сногсшибательного рыжего с льдистыми глазами, идеальной бородой плей-оффа и прямо-таки созданным для греха телом, которое он воспринимает с раздражающей скромностью.

Когда я была ещё дурочкой, я бы со всех ног бросилась к парню вроде Рена, но со своим диагнозом я быстро выучила, чем я являюсь для большинства людей в моей жизни — проблема, а не личность. И теперь открыть своё сердце — это последнее, что я готова сделать, каким бы милым ни был этот человек.

«Всегда только ты» — это спортивный роман о запретной любви, где противоположности притягиваются друг к другу. Вас ждет ботаник-звезда хоккея, достаточно поздно пришедший к своей карьере, и его суровая коллега, которая скрывает и свою мягкую сторону характера, и свой аутизм. Добавьте к этому лезущую куда не надо секретаршу, пытки тантрической йогой и томительно медленное развитие отношений, и это вторая книга в серии романов о шведско-американской семье из пяти братьев, двух сестёр и об их диких приключениях, пока все они находят любовь.

**Хлоя Лиезе — Всегда только ты
(Братья Бергманы #2)**

Глава 1. Фрэнки

Плейлист: Hey Violet — Better By Myself

Рен Бергман — слишком счастливый, чёрт возьми.

За те три года, что я его знаю, я два раза видела его не улыбающимся. Один раз, когда он без сознания валялся на льду, так что едва ли это считается, а второй — когда грубая фанатка протолкнулась через толпу и заорала, что сделала татуировку с его лицом на своём интимном месте, потому что, цитирую, «Мечтать не вредно».

Но за исключением этих двух нехарактерно мрачных моментов Рен был исключительным лучиком солнца с того самого дня, как я его встретила. И пусть сама я маленькая грозовая тучка, я понимаю, что способность Рена к доброте, достигшая уровня «Санта на стероидах», делает мою работу проще.

Я менеджер социальных сетей для команды «Лос-Анджелес Кингз», и фронт моих работ предельно ясен. Хоккеисты, как вы могли слышать, не всегда ведут себя лучшим образом. Когда им платят миллионы долларов за игру, которую они обожают, это раздувает их эго и пробуждает их внутреннего ребёнка. Толкаться. Бить. Колотить.

С богатством приходит популярность и пищащие поклонницы, прибегающие по первому же зову — и это тоже не помогает делу. Да, я в курсе множества слов на букву «п». Мне нравятся аллитерации, смиритесь.

Пока пиар-отделу достаётся восхитительная привилегия тушить скандалы, связанные с публичным имиджем, я делаю повседневную работу по выстраиванию присутствия нашей команды в социальных сетях. Приклеившись к команде и вооружившись айфоном, я делаю парней доступными для фанатов, внедряя одобренный пиарщиками «хайп» — неформальные интервью, шутки, умеренные розыгрыши, фотографии, гифки, время от времени даже виральный мем.

Я также документирую благотворительные мероприятия, направленные на недостаточно представленные категории наших фанатов. Вообще-то это не входит в мои обязанности, но я твёрдо верю, что надо ломать стереотипы вокруг отличий, которых мы склонны сторониться, так что я постепенно вклинилась в процесс. Я хочу, чтобы наша хоккейная команда не просто была более доступной для фанатов, но и вела самих своих фанатов к повышению доступности.

Из-за этого я кажусь милой, не так ли? Но правда в том, что никто из команды не назвал бы меня такой. Более того, у меня прямо противоположная репутация — Фрэнк-Ворчун. И пусть эта дурная репутация основана на частичной правде и куче недопониманий, я приняла прозвище и соответствую ему. В итоге всем так жить проще.

Я делаю свою работу с пассивно-агрессивным лицом. Я прямолинейна, сосредоточена только на деле. Мне нравится рутинная работа, я фокусируюсь на работе и совершенно точно не сближаюсь с игроками. Да, по большей части мы ладим. Но приходится устанавливать границы, когда ты женщина, почти постоянно находящаяся в компании двадцати четырёх мужчин-спортсменов, пропитанных тестостероном... так что эти спортсмены знают, что я на их стороне, но также понимают, что Фрэнки — это грозовая туча, к которой не надо приближаться, если не хочешь, чтобы тебя долбануло молнией.

Совсем как дождевые тучи и солнце делят небо, мы с Реном хорошо работаем вместе.

Всякий раз, когда пиарщики придумывают убийственную концепцию, а я изобретаю финальный штрих для социальных сетей, Рен — тот, к кому я иду.

Утрированная сценка в раздевалке, чтобы собрать средства на спортивные программы для неблагополучных районов города? Рен тут как тут, с ослепительной улыбкой, произносит реплики с естественным обаянием. Фотосессия для сбора средств в местном приюте для животных? Рен хохочет, пока котята царапают его массивные плечи, а щенята скулят, выпрашивая его внимание и облизывая его подбородок, пока он одаривает их той же широкой, солнечной улыбкой.

Иногда от этого моё нутро прямо-таки совершает кульбит. Мне до сих пор становится нехорошо, когда я вспоминаю тот визит Рена к юной пациентке, больной раком. Из-за своего страха перед иглами он сделался белым как простыня, рассказывал самые тупые в мире шутки, пока он сдавал кровь в качестве донора, а у неё брали кровь на анализы. Чтобы они могли быть храбрыми вместе.

И вот тут все женщины коллективно ахнули от умиления.

Я не должна жаловаться. Не должна. Потому что, ну правда, этот парень — постоянно забивающий, улыбающийся шкаф счастья ростом метр девяносто, который делает мою работу намного проще. Но ворчунья вроде меня может вынести лишь ограниченное количество такого сияния. И Рен уже три года испытывает мои лимиты.

В раздевалке я хмуро смотрю в телефон, разбираясь с засранцем-троллем в твиттере команды и одновременно лавируя по лабиринту из полуголых мужиков. Я всё это видела тысячу раз, и мне абсолютно плевать...

— Уф, — охаю я, когда моё лицо врежется в крепкую обнажённую грудь.

— Прости, Фрэнки, — сильные ладони поддерживают меня за плечи. Это то самое ходячее счастье, Рен Бергман. Но на сей раз он голый по пояс, чего не случается никогда. Из всей команды Рен самый скромный.

Я выше среднего, и потому мой взгляд утыкается прямым в вытесанные из камня грудные мышцы Рена. И плотные тёмные соски, которые напрягаются, пока воздух холодит его влажную кожу. Я пытаюсь отвести глаза, но они живут своей жизнью, опускаясь ниже к его шести... нет, восьми... нет, чёрт... к его куче кубиков пресса.

Я сглатываю так шумно, что звук натурально отражается эхом по всей раздевалке.

— Я... да всё в порядке.

«Ну привет, хриплый голос секс-эскортницы».

Я прочищаю горло и отрываю взгляд от его тела.

— Не беспокойся, — говорю я ему. — Моя вина, — подняв телефон повыше, я слегка покачиваю им из стороны в сторону. — Поделом мне за то, что иду не глядя, уткнувшись в Твиттер.

Рен улыбается, отчего моё настроение скисает ещё сильнее. Количество дофамина, которое производит мозг этого парня за день, наверное, равняется моему годовому объёму.

Пригладив ладонью свою бороду плей-оффа, он потом заводит руку за шею и почёсывается — за последние несколько лет я поняла, что это его нервная привычка. Его бицепс бугрится, одно округлое плечо напрягается, и я стараюсь не пялиться на его латеральные мышцы, которые придают его торсу мощную V-образную форму, оплетая его рёбра и длинную узкую талию.

Визуальное пиршество приводит к временному короткому замыканию, стирающему все мысли, кроме двух повторяющихся слов.

«Офигенные. Мышцы».

Наверное, это потому, что хоть остальные члены команды ведут себя почти как нудисты, Рен всегда ускользает в душ и возвращается уже в свежем костюме, чистой рубашке и галстуке. Я никогда не видела столько наготы Рена Бергмана. Никогда.

И я заморожена.

— Ты весьма раздет, — выпаливаю я.

Он краснеет и опускает руку вдоль бока.

— Верно, — наклонившись ближе, он приподнимает одну бровь и заговорщически добавляет: — Это раздевалка, знаешь ли.

Я подавляю свирепое желание выкрутить ему сосок.

— Не дерзи мне, Бергман. Я не закончила, — я делаю шаг назад, потому что, боже правый, как приятно пахнет этот мужчина. Свежее мыло и тёплая пряность. Нечто завораживающе мужское. — Обычно ты тут не вальсируешь голышом как...

Мимо проносится голожопый Крис, пронзительно визжа и мимоходом шлёпая Рена полотенцем. Я поднимаю руку в сторону этого дуралея.

— Шер продемонстрировал наглядно.

Рен краснеет ещё сильнее и отводит взгляд.

— Ты права. Обычно я так не разгуливаю. Просто забыл кое-что нужное.

— Что ты забыл? Твой костюм вон там, — я вижу его отсюда, он висит возле душевых. Умный парень. Горячий пар в воздухе разглаживает складки на ткани.

Чёрт возьми, теперь я думаю о том, как Рен принимает горячий душ.

— Ну, эм... — говорит он. — Я забыл то, что идёт под костюм.

— О.

Мои щёки заливают жаром. Боже милостивый. Ну конечно. Парень забыл свои боксёры... Ооо, может, брифы? Мне надо перестать думать об этом... а я тут задерживаю его как испанская инквизиция.

Словно прочитав мои мысли, Рен пригвождает меня взглядом этих неестественно пронизывающих глаз — кошачьих и светлых как лёд, по которому он катается.

— Я тогда просто пойду за ними...

— Отличная идея, — я делаю шаг в сторону, и Рен сдвигается в ту же сторону. Мы оба неловко смеёмся. Затем Рен пробует отойти в другую сторону, и я делаю то же самое. — Иисусе, — бормочу я. Как же стыдно. Если земля разверзлась и проглотила меня целиком, то этот момент значительно улучшился бы.

— Давай так, — тёплые ладони Рена снова опускаются на мои плечи; его прикосновение нежное, в отличие от большинства членов команды, которые как будто не в состоянии не врезаться в меня подобно Халку. Перед контактом с ними я вздрагиваю, но в Рене есть нечто грациозное и контролируемое.

— Я иду сюда, — говорит он. — Ты идёшь туда.

Нам наконец-то удаётся разминуться, выполнив движение сродни вращающейся двери. Мне хотелось бы сказать, что когда Рен уходит, я не оборачиваюсь через плечо и не пялюсь на очертания его задницы под полотенцем... но у меня нет привычки врать.

— Фрэээээээнки, — вопит беспардонный голос.

Это Мэтт Мэддокс. Злобное инь, контрастирующее с чистой ян-добротой Рена.

— Господи, дай мне сил, — бормочу я.

Продолжим нашу природную метафору, где я — грозовая туча, а Рен — солнце. Так вот,

Мэтт — вонючий серный гейзер, от которого все бегут прочь. Тогда как Рен тёплый и всегда джентльмен, Мэтт, если вкратце, природная катастрофа первоклассного мудачества.

Мэтт пересекает раздевалку и нацеливается на меня не в первый раз. Далеко не в первый раз.

Приготовившись к столкновению, я убираю телефон в карман и начинаю дышать ртом. Я привыкла к вони нашей раздевалки, но после игры некоторые парни воняют особенно смачно, а у меня чувствительное обоняние. У меня тут регулярно случаются рвотные позывы.

Обхватив меня вонючей рукой, Мэтт трясёт всё моё тело. Я стискиваю зубы и стараюсь не вздрагивать.

— Где твой телефон? — спрашивает он. — Я думаю, нам надо сделать селфи, Фрэнк.

Я пригибаюсь и пячусь назад, подальше от него.

— А я думаю, что тебе надо принять душ. Ты делай свою работу, Мэддокс. Я сделаю свою.

Он убирает свои мокрые от пота волосы с лица и вздыхает.

— Однажды я тебя сломаю.

— Я крепкий орешек, чемпион, — повернувшись, я достаю телефон, открываю камеру и поднимаю её над головой так, чтобы в кадр попали парни позади меня, но не Мэтт. Все уже не слишком раздетые — несколько обнажённых грудей, но большинство уже надело костюмы. Фанаты обожают такие штуки. — Улыбнитесь, мальчишки!

Они все резко поворачивают головы в мою сторону и натягивают на лица исправные улыбочки, говоря:

— Сыр!

Вот как хорошо я их выдрессировала.

— Спасибо, — убрав телефон в карман, я направляюсь к выходу. — Не забудьте, сегодня собираемся выпить (умеренно!) и поесть бургеров в «Луи». Возьмите такси, если всё равно планируете надраться.

Пока позади меня раздаётся хор «Да, Фрэнки», я толкаю дверь, движимая довольной целеустремлённостью женщины, чья жизнь упорядочена и предсказуема. Всё, как я люблю.

В «Луи» я скидываю блейзер и закатываю рукава, готовясь к еде, которую я заказала. Костюмы и жирная барная еда — не лучшее сочетание, но мне вечно не хватает времени переодеться после выполнения своей части работы после игры, так что приходится торчать в рабочем костюме.

Как и остальной персонал и игроки, в день игры я надеваю костюм. Один и тот же на каждую игру. Чёрный блейзер с баской, чёрные слаксы до лодыжек и белая блуза с чёрными пуговицами. Мои укороченные слаксы демонстрируют кеды Nike Cortez в наших фирменных чёрно-серебристых тонах, а мои ногти, конечно же, накрашены чёрным гляцевым лаком с серебристым шиммером на среднем пальце — от этого показывать «фак» людям получается более нарядно. Весь образ весьма напоминает Уэнсдей Адамс, со схожим и намеренным отталкивающим эффектом. Люди оставляют меня в покое. И мне это нравится.

— Двойной чизбургер, — говорит Джо, наш бармен.

— Спасибо, — я киваю и подтаскиваю тарелку в свою сторону.

Что здорово, в «Луи» наши заказы готовят в первую очередь (куче голодных качков

после игры еда нужна немедленно), так что буквально через десять минут после прихода, я с закатанными рукавами кусаю свой бургер, и жир стекает по моим запястьям. Я держу его над тарелкой и наклоняюсь, чтобы поймать губами трубочку от напитка, затем втягиваю в себя большой глоток рутбира.

«Луи» — это одна из скрытых жемчужин в сети бургерных Лос-Анджелеса, которых становится всё меньше и меньше с каждым годом массового поедания гранолы. Клянусь, буквально четыре года назад, когда я сюда переехала, Лос-Анджелес ещё был землёй жирных бургеров и лучшей уличной еды в мире. А теперь тут сплошь соковые бары и прочее дерьмо, от которого якобы у вас будет плоский животик.

Пока рутбир счастливо шипит в моём животике, я достаю из бургера ломтик маринованного огурца и с хрустом жую.

— Жизнь слишком коротка, чтобы отказываться от бургеров.

Уилла хмыкает в знак согласия, сидя рядом со мной. Она встречается с братом Рена, Райдером, и каждый сезон они стараются посетить несколько игр, так что мы с Уиллой общаемся не впервые, но это первый раз, когда мы сроднились на почве печальной тенденции к здоровой еде в Южной Калифорнии. Или, точнее, я пять минут без перерыва толкаю тираду на эту тему, а она хмыкает, ест и жестами соглашается со мной. Я склонна заикаться на чём-либо, а потом говорить об этом дольше большинства людей — со временем я поняла, что иногда людям становится от этого скучно, но иногда это позволяет разделить с ними интересы.

К сожалению, обычно я осознаю свои тирады, только когда оглядываюсь назад. Клянусь, я это не выдумываю. Я не могу понять, когда это происходит. Все говорят, что «время летит, когда тебе весело», и это единственная фраза, которой я могу описать свою осознанность, когда я села на своего конька и говорю о том, что мне нравится... у меня буквально нет ощущения, сколько времени прошло.

Но поскольку это не первая моя встреча с Уиллой, я знаю, что нам обоим достаточно комфортно друг с другом, и она заткнёт меня или поменяет тему, если захочет. Мы лишь несколько раз проводили время вместе, так как она, будучи профессиональной футболисткой, довольно занята, но мы подружились за те несколько игр, что посетили она и Райдер.

— Изумительные бургеры, — говорит она с набитым ртом. — Я бы никогда не сумела от них отказаться. Ну то есть, тренер убьёт меня, если узнает, что я ем такое, но чёрт возьми, нет ничего лучше, чем двойной чизбургер после тяжелого дня. Мне плевать, каковы экологические последствия. Убейте эту корову и отправьте её в мой желудок.

Райдер отвлекается от разговора по соседству с нами и говорит ей:

— Я закрою глаза на этот экологически бесчувственный комментарий, потому что ты хорошо целуешься, Солнце, и 80 % времени я готовлю для нас пищу растительного происхождения.

Уилла смущённо улыбается ему.

— Иногда мне хочется, чтобы эти твои прибаамбасы на ушах работали не так хорошо, Рай.

Райдер использует кохлеарные имплантаты, которые я едва вижу среди его густых светлых волос. Как и Рен, Райдер — привлекательный парень. Короткая борода, ярко-зелёные глаза и скулы Рена.

Уилла и Райдер живут в штате Вашингтон, где Уилла играет за ФК «Рейн», и их дом

примостился посреди леса. Глядя на них, с легкостью можно представить это себе. Райдер так и кажется любителем природы с его клетчатой фланелевой рубашкой, выцветшими джинсами и ботинками. Уилла вполне подходит к его стилю с её тёплой практичной одеждой — толстовка с эмблемой КУЛА¹, рваные джинсы, никакого макияжа, чтобы подчеркнуть её большие янтарные глаза и пухлые губы. У неё невероятные волосы, состоящие сплошь из неукротимых волн и кудряшек, безо всяких средств для укладки. Только дикая красота.

Внутри Уилла такая же естественная, как и снаружи, и я люблю таких людей. Люди, с которыми я лажу, обычно придерживаются мировоззрения «что видишь, то и получаешь», и в этом плане Уилла очень похожа на двух моих хороших друзей в ЛА, Энни и Ло. Заводить друзей мне непросто, но мне кажется, что я подружилась с приземлённой любительницей чизбургеров Уиллой Саттер.

Райдер широко улыбается ей, и улыбка Уиллы тоже становится шире. Я со шлепком бросаю свой бургер и на тарелку и макаю ломтик картошки в кетчуп.

— Боже милостивый. Да поцелуйтесь уже.

Райдер смеётся. Мягко прикоснувшись губами к виску Уиллы, он поворачивается обратно к своему разговору — полукругу мужчин, состоящему из Рена, нашего капитана Роба, нашего вратаря Франсуа и Лина, многообещающего новичка-защитника.

— Извини за это, — щёки Уиллы розовеют, пока она потягивает лимонад. — Мы всё ещё на фазе «Ты-мне-очень-нрависься-и-мне-постоянно-хочется-на-тебя-вешаться».

Я отмахиваюсь, держа в руке картошку фри.

— Это я должна извиниться. Мой мозг не знает фильтров. Большинство мыслей, зарождающихся в нём, сразу слетает с моего языка. Я не хотела быть грубой. Вы влюблены и счастливы. Не за что извиняться.

Уилла улыбается и берёт свой бургер.

— Спасибо. Ну то есть, когда я раньше видела таких влюблённых людей на публике, мне это казалось гадким. Я всегда думала, неужели сложно оставить любоффь-моркоффь дома? — она откусывает большой кусок от бургера и продолжает. — А потом я встретила Райдера, и да, с подходящим человеком это реально сложно.

Мой бургер застревает в горле. Какая ужасающая перспектива — осознать, что тебя настолько влечёт к кому-то, что ты не можешь ничего поделать, кроме как любить их. Я стараюсь улыбнуться и показать ей, что я в порядке, но я неспособна улыбаться против воли. Каждый раз, когда я пытаюсь это сделать, складывается впечатление, будто меня вот-вот стошнит.

Уилла смеётся.

— Ты выглядишь так, будто я сказала тебе, что между булочек твоего бургера положили собачье дерьмо.

Бинго.

Наконец, я прочищаю горло и смотрю на свою еду.

— Я, эм... — мою позицию касаясь отношений сложно объяснить. И пусть мне нравится Уилла, я не готова поднимать эту тему с ней.

Она слегка пихает меня рукой.

— Эй, я просто дразню тебя, — склонив голову, она смотрит на меня на протяжении долгой минуты. — Ты не сторонница отношений?

Я качаю головой, затем откусываю ещё еды.

— Нет. Ничего не имею против. Просто это не для меня.

— Да. Я сама была очень даже против отношений, когда встретила лесоруба, — она показывает пальцем через плечо в сторону группы мужчин, где стоит Райдер. Рен хохочет над его словами, и это заставляет Райдера тоже рассмеяться.

В профиль они почти близнецы, вот только всё в Рене буквально кричит мне — посмотри на него. Неуправляемые красновато-коричневые волны волос, длинный нос, острые скулы. Борода плей-оффа, которую он поддерживает в опрятном виде, так что я всё равно вижу намёк на полные губы, изогнувшиеся в кривой усмешке. Когда он смеётся, вокруг его глаз появляются крохотные морщинки, и у него есть привычка хвататься за грудь и слегка наклоняться, будто чья-то способность веселить его устремляется напрямиком в его сердце.

Такой счастливый. Такой беззаботный. Каково вот так жить, интересно? Быть таким необременённым?

Я понятия не имею. В прошлых отношениях я была обузой. Кучей проблем, с которыми надо разбираться, кучей осложнений, которые надо решать. Дома люди обращались со мной как с проблемой, а не как с личностью. Так что я пришла к двум выводам. Во-первых, пора переехать, а во-вторых, чтобы защитить себя от повторения такого унижения, лучше оставить своё сердце в покое, под замком.

Так что я ношу чёрное. Я не улыбаюсь. Я прячусь за густой завесой тёмных волос и километрового списка дел. Я с готовностью принимаю сравнения с ведьмой, хожу с хмурой гримасой и хмыкаю в ответ на все вопросы. Я не завожу дружбу с соседями, не посещаю пикники с командой. Я остаюсь в безопасности уединения, холодная и неприкасаемая.

По чертовски весомой причине. Я больше никогда не потерплю такого отношения.

Уилла нежно похлопывает меня по руке, затем закидывает в рот картошку фри.

— Хочешь знать, что заставило меня передумать?

Я кошусь на неё.

— Нет.

Это заставляет её снова рассмеяться.

— Ах, Фрэнки. Ты прям одна из нас. Руни тебя полюбит.

— Руни?

— Моя лучшая подруга по колледжу. Она теперь в Стэнфорде. Биомедицинское право.

Редкий подвиг для меня — мне удастся прикусить язык и не поделиться своими планами на юридический факультет. Да, я несколько месяцев назад отправила документы в КУЛА. Да, я помешалась на своём письменном заявлении как одержимая и практически уверена, что оно идеально. Но я не получила письма, подтверждающего зачисление.

Я держу рот на замке и потягиваю рутбир.

— У кого-нибудь из породы Бергманов неизбежно скоро будет день рождения, — говорит Уилла. Насколько я помню из его рассказов о семье, у Рена устрашающее количество братьев и сестёр, и большинство живёт поблизости. Он один из тех редких спортсменов, которые заключили контракт в родном городе и никуда не хотят уезжать. Что поразительно для этого бывшего нью-йоркца, который намеренно переехал на другой конец страны.

— Зигги, ведь так? — Уилла смотрит в потолок, пролистывая какой-то мысленный календарь. — Да, думаю, Зигги следующая. Как только мы с Раем сошлись, и особенно когда мы переехали в Такому, Руни начала приходить на все семейные вечеринки Бергманов,

чтобы провести максимум времени со мной и пообщаться. Она единственный ребёнок-экстраверт, так что она влюбилась в эту большую семью, и теперь она почётная Бергман. Приходи на вечеринку Зигги и познакомишься с Руни.

Я закашливаюсь, поперхнувшись газировкой.

— Эм, с чего бы мне туда приходиться?

Уилла мягко похлопывает меня по спине.

— С того, что я тебя только что пригласила. Мне нужна солидарность в таких вещах, Фрэнки. Все эти Бергманы и Руни — они недостаточно мрачные и неадекватные. Не такие, как ты и я.

— Ну, спасибо?

— Мне нужна родственная брюзгливая душа. Серьёзно, приходи в следующий раз. Вы с Реном дружите. Его мама всегда донимает его, чтобы он привёл девушку. Готова поспорить, он будет рад твоей компании.

В её словах так много сбивающих с толку компонентов, что я не нахожу ответа. Я моргаю, гоня картошку фри по тарелке.

Уилла поднимает свою еду, но потом делает паузу.

— И ещё, как одна раздражительная душа другой, говорю — если вдруг встретишь того, кто заставит тебя пересмотреть свои взгляды на отношения, я всегда рядом, ладно? Лишь скажи слово.

Глава 2. Фрэнки

Плейлист: MARINA — How to Be a Heartbreaker

Прежде чем мне представляется шанс ответить на нервирующее предложение Уиллы, Мэтт, Мастер Мудачного Озорства, плюхается за барную стойку рядом со мной. Я чую от него запах пива.

Потянувшись прямо через меня, Мэтт тянет руку Уилле.

— Ты звезда футбола. Жена брата Ренфорда, — говорит он с заплетающимся языком.

— Не совсем. Просто Уилла, — пожав его ладонь, она быстро отпускает его, затем вытирает ладонь о свои джинсы под баром.

Рука Мэтта с сильным хлопком приземляется на мои плечи, отчего я едва не падаю прямо в свою еду.

— Фрэнк. Фрэнк, Фрэнк, Фрэнк, — он вздыхает. — Когда закончишь играть в ледяную королеву?

Я выпрямляюсь и пытаюсь сбросить его руку с плеч, но он лишь сжимает ещё сильнее.

— Фрэнк, — говорит он. — Мы оба знаем, что тут что-то есть...

— Мэтт. Убери от меня свою руку, пока я не расквасила твои яйца Посохом Старца.

Посохом Старца я называю свою трость.

Да, мне двадцать шесть, и я пользуюсь тростью. Она выглядит как дымчатое стекло, но на деле она акриловая и совершенно крутая. А ещё она отлично подходит для того, чтобы бить по яйцам дебилов вроде Мэддокса.

Мэтт опускает руку и хмурится.

— Я тебя не понимаю. Ты то тёплая, то холодная.

— Нет, Мэтт, это не так. Я постоянно холодная как первоклассный морозильник. Не сваливай всё на меня. Если я женщина, которая регулярно бывает в твоём обществе и не пускает на тебя слюни, как те мятущиеся души, которые покупают на eBay твои защитные щитки для паха, это не означает, что я втайне хочу тебя трахнуть.

Мэтт хмурится.

— Не хочешь?

— Не хочу.

— Какого чёрта, Фрэнк? — орёт он. Настолько громко, что все в нашей приватной комнате на мгновение перестают разговаривать и смотрят на нас.

— Мэтт, думаю, тебе пора вызвать такси.

— Я за рулём, — рычит он, подзывая Джо.

Видя, что Мэтт зовёт его, Джо идёт в нашу сторону. Когда я встречаюсь с ним взглядом и мягко качаю головой, Джо останавливается, разворачивается и продолжает мыть стаканы.

Мэтт матерится себе под нос.

— Ты только что обломала меня, Фрэнк?

— Да, — я поворачиваюсь, виновато улыбаюсь Уилле, но в остальном игнорирую Мэтта. Взяв стакан, я делаю глоток рутбира.

— Фрэнк, — он хватается меня за запястье, отчего рутбир вылетает из моей руки, и ледяные брызги расплескиваются по всей моей рубашке.

Я шиплю от шока.

— Иисусе, Мэддокс.

Внезапно огромная ладонь хватается Мэтта за рубашку и стаскивает с барного стула так грубо, что он валится на пол. Рен наклоняется, подхватывает мой блейзер, который тоже упал, и немедленно накидывает его мне на плечи. Когда он выпрямляется, у меня отвисает челюсть.

Рен Бергман правда не улыбается.

И не улыбающийся Рен Бергман — это совсем новый зверь. Нет, мужчина.

Подвинься, Эрик Рыжий. Новый разъярённый рыжий викинг пришёл рубить и кромсать и да поможет мне Господь, коричные секс-бомбы — это моя слабость. Я полагалась на флуоресцентные лампы, под которыми мы работаем — они приглушали цвет волос Рена до полированной бронзы. Всякий раз при виде него я говорю себе, что на самом деле он не рыжий бог ледяной хоккейной славы. Он медно-блондинистый бог ледяной хоккейной славы. Это помогало. Относительно.

Но теперь мне приходится посмотреть в лицо фактам: волосы Рена имеют великолепный медный оттенок садящегося солнца, и от исходящей от него ярости не меньше перехватывает дух.

Я с разинутым ртом смотрю на мстительно сексуального Рена Рыжего и повелеваю моей челюсти захлопнуться. Пора найти свою внутреннюю феминистку. Укрепить мои стены. Рен, вот так атакующий из-за меня, не должен влиять на меня подобным образом. Особенно учитывая мою историю в прошлом.

«Архаичные демонстрации мужской защиты вовсе не сексуальны. Архаичные демонстрации мужской защиты вовсе не сексуальны. Архаичные...»

Чёрт возьми, это сексуально, и моё тело это знает. Я не могу это отрицать, как не могу отрицать и тот факт, что мои трусики с Гарри Поттером теперь мокрые как дождливый день в Хогвартсе. Рен переводит свои светлые глаза, имеющие ошеломительный зимний сероголубой оттенок, и смотрит в упор на Мэддокса. Его взгляд источает холодную ярость, затем возвращается ко мне.

— Джои, полотенце, пожалуйста, — в его тоне слышатся командные нотки, которые Рен бесчисленное множество раз использовал на льду, но никогда прежде в разговоре со мной. Моё нутро совершает кульбит, пока я смотрю, как в его сторону летит полотенце, и Рен тут же суёт его мне в руки. — Вот.

— Сп-пасибо, — глупо бормочу я, промакивая рубашку спереди. Я уже дрожу от того, что холодная и мокрая ткань прильнула к моей коже.

Рен внезапно налетает на бар. Я поднимаю взгляд и осознаю, что это Мэтт в него врезался.

— Мэддокс! — рявкаю я. — Прекрати!

Рен отталкивает его и проворно хватается Мэтта за горло.

— Ты, бл*дь, мучаешь её. Хватит. Оставь её в покое.

Вау. Рен никогда не матерится. Ну, не так — по крайней мере, на публике или с командой. Елизаветинские выражения больше в его духе. Фигляр. Злопыхательство. Червивый цветок. Он весьма деликатен в этом, бормочет себе под нос, но у меня чрезвычайно хороший слух, так что услышав первое, я с тех пор всегда прислушиваюсь в его присутствии, надеясь уловить что-то ещё.

И самое худшее — он хорош в этом. Типа, мне каждый раз приходится изображать приступ кашля, иначе я рискую рассмеяться, может, даже улыбнуться, и тогда моя репутация

местной суровой ледяной королевы будет испорчена.

Рен всё ещё душит Мэтта. Возможно, пора вмешаться, пока наш самый ценный игрок не оказался на скамейке запасных из-за данного проступка.

— В рыцарстве нет необходимости, Бергман, — говорю я ему. Медленно вставая со стула, я сдерживаю стон, когда мои бёдра орут от возмущения.

«Нам не нравятся барные стулья, Фрэнки, — верещат мои суставы. — Ты это знаешь».

Я обхватываю ладонью предплечье Рена и стараюсь игнорировать мягкие рыжие волосы, мощные сухожилия и мышцы, напрягшиеся под моей хваткой.

— Пожалуйста, Рен. Он пьян. Это бессмысленно.

— О, смысл будет, — Рен сердито смотрит на Мэтта и трясёт его за трахею. — Он выучит урок, если я надеру ему задницу.

— Так, хватит, — вмешивается Роб.

Я вздыхаю с облегчением.

— Где ты был?

— Отлить надо было, — Робу удаётся оттащить руку Рена от горла Мэтта. — Нельзя парню сходить пописать и вернуться так, чтобы дети не пытались поубивать друг друга? Рен Бергман прибежит к насилию. Никогда не думал, что увижу такое. Уверен, Мэддокс заслужил всё, что ты собирался сделать, но давайте разберёмся с этим как взрослые.

Мэтт злобно смотрит на него.

— Бергман просто ревнует.

Я тру раскальвающееся место между моими бровями.

— Ревность подразумевает, что между нами есть что-то, чему можно завидовать, Мэддокс.

Или что Рену вообще есть дело до того, кто пристаёт или не пристаёт ко мне. С чего бы?

— Так, Мэттью, — Роб накрывает ладонью шею Мэтта и отводит его в сторону. — Домой поедешь на такси. Тебе надо протрезветь. А завтра на тренировке ты извинишься перед Фрэнки.

Роб встречается со мной взглядом и хмурит лоб. Сначала, когда я только начала работать на команду, я думала, что он злится на меня, когда делает так. Это потому что я отстойно читаю выражения лиц.

Как, спросите вы, человек с такими межличностными проблемами может заниматься социальными сетями? Она смотрит много спортивных интервью и ситкомов, чтобы запомнить контекст и смысл человеческого поведения, вот как. Но иногда даже этого недостаточно, и я оказываюсь в неведении. Тогда мне приходится просто спросить. И именно так мне пришлось сделать с Робом. Теперь я знаю, что данное выражение означает невербальную проверку, как у меня дела.

— Я в порядке, — говорю я ему.

Он кивает и дёргает Мэтта в сторону. Рен всё ещё сердито смотрит в их направлении, когда они скрываются в коридоре. А когда он поворачивается ко мне и пригвождает взглядом этих льдистых глаз, по моей спине пробегает дрожь.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает он. Его голос низкий, тёплый.

— Со мной всё нормально, Рен.

Если не считать моих промокших трусиков с Гарри Поттером. И разорванных в клочья эмоциональных границ после созерцания его взбешённого огненного альтер-эго, отчего забытые уголки моего естества запылали жизнью.

Опираясь на стул, я тянусь к сумочке и жестом показываю Джо, что хочу расплатиться. Рен до сих пор наблюдает за мной. Я чувствую его взгляд как лучик солнца, согревающий мою кожу.

— Ты пялишься на меня.

Рен моргает и отворачивается.

— Прости. Я просто... беспокоюсь.

— Беспокоишься?

— Он схватил тебя, облил твоим же напитком.

— Спасибо, — я провожу рукой по промокшей спереди рубашке. — А я-то и не заметила.

Раздражённо проведя рукой по волосам, Рен дёргает за их вьющиеся концы.

— Он мог навредить тебе.

Я подвигаю свою карту к Джо и смотрю на Рена. Обычно люди предполагают, что я беспомощна, особенно когда на меня накидывается распускающий руки, здоровенный, пьяный спортсмен. И Рен намекает на эту физическую уязвимость. Вот тут обычно возникает привычное смущение и злость.

Но этого не случается.

Потому что пока Рен смотрит на меня, пока я перевариваю его слова, я не могу припомнить ни единого момента, когда Рен вёл бы себя или говорил бы так, будто считает, что я не могу о себе позаботиться. Он никогда не нависал надо мной так, будто я вот-вот упаду. Он не разговаривает со мной как с инвалидом. Фраза о том, что Мэддокс мог мне навредить — это не отражение моей слабости. Это указание на то, что Мэтт неверно использует свою силу.

Глаза Рена встречаются с моими. Моё сердце ударяется о рёбра, в горле пересыхает.

Это слишком. Я моргаю, отворачиваюсь, а когда снова смотрю на него, взгляд Рена наконец-то сместился к моему рту. Укол жара обжигает мои губы, скользит по горлу и тепло приземляется где-то в животе.

Чья-то ладонь ложится на мою спину, руша момент. Я не знаю Уиллу достаточно хорошо, чтобы прочесть её лицо, но, к счастью, она говорит и не заставляет меня гадать.

— Я надеялась, что тыпустишь в ход Трость Старца, — говорит она. — Ты в порядке?

— Не только ты разочарована. Этому парню давно пора дать по яйцам, — я благодарю Джо, вернувшего мою карту и чек, который я размашисто подписываю. — Но да, я в порядке. Просто устала. Мне лучше пойти домой.

Не то чтобы я знала, как это произойдёт. Обычно я сама езжу везде и слушаю аудиокниги, чтобы скоротать уйму времени, которое провожу в лос-анджелесских пробках. Но вчера на моей машине загорелся индикатор, советующий проверить двигатель, так что она в автомастерской. Роб подвёз меня до «Луи», и я уверена, он с радостью отвёз бы меня домой, но он всё ещё разбирается с Мэддоксом, так что мне придётся ждать или ехать с кем-то другим. Я не сажусь одна в такси поздно ночью.

— Фрэнки, — говорит Рен. — Позволь мне подвезти тебя.

Я смотрю на Рена и для галочки награждаю его Фрэнки-взглядом. Его глаза сияющие, серые как туман — такой, который затмевает весь мир, кроме нескольких метров перед тобой, и заставляет сомневаться, где верх, а где низ. У меня так много раз возникало нервирующее ощущение, будто я могу просто затеряться в них.

— Пусть он подвезёт тебя, — говорит Уилла. Она улыбается, просовывая руки в рукава

куртки. Райдер встаёт позади неё и помогает натянуть куртку на плечи, с любовью сжимает её руку и целует в макушку. Маленький, интимный жест, переполненный таким количеством любви, что мне кажется, будто я вижу то, чего не должна.

— Может, я немного подзабыла географию Лос-Анджелеса, — говорит она, — но Хоторн вроде по дороге. Мы переночуем у Рена, и он подвезёт и нас тоже. Будет танцевальная вечеринка в новом фургоне.

Моё внимание резко переключается на Рена.

— Ты купил фургон?

Щёки Рена краснеют, но он расправляет плечи.

— Да, блин, я купил фургон. Нет ничего постыдного в том, чтобы владеть Хондой Одиссей.

Уилла прочищает горло и улыбается, а плечи Райдера трясутся как будто от смеха. Он скрывает это, кашляя в кулак.

Я читаю в осанке Рена оборонительную позицию и тут же жалею о том, что раскрыла рот. Иногда такое случается. Я задаю вопрос, а люди слышат... нечто большее. Они слышат критику, осуждение или поддразнивание. Я уже сдалась и не пытаюсь объяснить, что мой мозг не настроен на такие нюансы, и я попросту не могу вплетать такие слои подтекста, даже если бы захотела... потому что люди слишком часто мне не верят. Они слышат отговорки, а не контекст. Так что я перестала пытаться и говорю себе не переживать из-за тех случаев, когда меня понимают неправильно.

Теперь лишь самые близкие ко мне люди знают настоящую причину, почему у Фрэнки сомнительные успехи с сарказмом и пониманием шуток. Почему у неё постоянно пассивно-агрессивное лицо и бесстрастная манера выражаться, почему она надевает беруши на игры, одержимо помешана на Гарри Поттере, рутбириковых жележных мишках, статистике НХЛ, лингвистике, гетрах до колен, и носит одежду исключительно в чёрно-серо-белой цветовой гамме, среди всего прочего...

Аутизм.

— Ооо! — восклицает Уилла. — Чур, музыку выбираю я.

Смех-кашель Райдера внезапно превращается в стон.

— Когда Уилла за диджея, мне самому хочется, чтобы мои ушные прибабасы работали не так хорошо... уф.

Уилла игриво пихает его в живот, затем хватает за подбородок и крепко целует в губы.

— Засранец-лесоруб. Ты просто напрашиваешься на ссору.

Он широко улыбается и обнимает Уиллу одной рукой, когда она опускается с цыпочек.

— Может, и напрашиваюсь.

Они идут перед нами, помахав напоследок остальной команде и своим семьям. Приятный ночной ветер проскальзывает в дверь, когда они выходят, и Рен делает шаг ближе ко мне. Он аккуратно снимает мою трость с края барной стойки, витиевато кланяется и преподносит её мне.

— Ваш скипетр, мой господин.

Я чувствую, как мои щёки растягиваются в редкой улыбке.

— До меня доходили слухи, что ты втайне фанат Шекспира, Бергман.

— Они все ошибаются, — он выпрямляется и улыбается. — В этом нет ничего тайного.

У меня вырывается удивлённый смешок, и улыбка Рена становится шире и ярче, чем полуденное калифорнийское солнце. Но в кои-то веки эта солнечная улыбка ни капельки не

беспокоит данную ворчунью.

Глава 3. Рен

Плейлист: Erlend Øye — For the Time Being

Проводив Фрэнки до двери (и получив напоминание в её бесстрастной манере, что она большая девочка, которая может прийти от машины до дома), я прыгаю обратно в фургон. Она запирается в своём канареечно-жёлтом бунгало на 133-й, и я вижу, как в прихожей загорается свет, а её силуэт становится короче по мере того, как она уходит глубже в дом.

Наслаждаясь своими супернавороченными заднеприводными камерами, я выезжаю с подъездной дорожки у дома Фрэнки.

— Итааааак, — Уилла улыбается мне, хлопая ресницами. Когда Фрэнки освободила переднее пассажирское место фургона, Уилла обняла её на прощание, запрыгнула на сиденье и теперь устроилась, глядя на меня. Потянувшись к регулировке громкости, она делает тише музыку Busta Rhymes.

— Слава богу, — бурчит Райдер на заднем сиденье. Он заново прикрепляет трансмиттеры своих имплантатов и вздыхает с облегчением.

— Ренни Ру, — Уилла наклоняется ближе. — Нам надо поговорить о Фрэнки.

Мои руки намертво стискивают руль.

— А что насчёт неё?

— Эм, ну то, как мне она нравится. Я хочу, чтобы она осталась. Мне нравится её сухой юмор, и то, что она знает всё на свете про Гарри Поттера, включая и последний кошмар автора в Твиттере...

— Что она теперь-то натворила? — спрашивает Райдер с заднего сиденья.

— Просто показала, что можно создать волшебный мир, переполненный сложными, отрицающими стереотипы персонажами, и всё равно быть феминистским разочарованием, не признающим транс-людей.

Я вздыхаю.

— Да что не так с людьми?

Уилла пожимает плечами.

— Кто знает, бл*дь. Власть развращает. Можно подумать, что опыт написания книг об этом подарит ей немного осознанности.

Мы с Райдером хмыкаем в знак согласия.

— Но обратно к Фрэнки, — говорит Уилла. — Ты видел, как она умяла тот бургер в «Луи»? Я хочу, чтобы в семье была женщина, которая поглощает барную еду так же, как и я. Фрейя слишком сосредоточена на здоровье, а Зигги ест как птичка. Так что иди обратно к той входной двери, пробуди своего внутреннего викинга, закинь её на плечо и скажи, что она застряла с нами.

Уилла и Райдер не помолвлены, но это лишь вопрос времени. Теперь она член семьи и явно строит планы на её пополнение посредством чужих отношений. Поёрзав и приняв новую позу, она кладёт ноги на приборную панель и дерзко улыбается мне.

Я не могу позволить себе даже косвенно признать интерес к Фрэнки, потому что если скажу Уилле, это всё равно что сказать всему миру, а этого я хочу в последнюю очередь. Я переключаю радиостанцию, чтобы мы не пропустили час блюграса.

— Мне плевать, как хорошо застрахованы твои ноги, Уиннифред. Убери их с моей

приборной панели.

Уилла вздыхает и опускает ноги.

— Соберись. Поговори о Фрэнки.

— Я сосредоточен. На дороге, — включив правый поворотник, я проверяю зеркала и сворачиваю с улицы Фрэнки на бульвар Хоторн.

— Чувак, — фыркает Райдер. — Налево на Хоторн, затем направо на Инглвуд. Так намного быстрее.

Я на долю секунды сердито смотрю на него через зеркало заднего вида.

— Ты можешь не рулить с заднего сиденья?

— Не может, — Уилла улыбается ему через плечо. — Когда мы только переехали в Такому, мы столько раз ссорились, потому что он указывал мне с пассажирского сиденья. Теперь я просто позволяю ему садиться за руль и притворяюсь, что он мой шофёр. Или так, или придётся его расчленять.

Райдер усмехается.

— Я не против ссор в машине с тобой. Обычно это приводило к последствиям, которые я терпел с большим удовольствием.

— Так, — я вскидываю руку. — Этот фургон — пространство с рейтингом 0+.

Это заставляет Уиллу издать фыркающий смешок.

— Я всё ещё не могу смириться с тем фактом, что ты купил фургон, — она счастливо вздыхает. — Это так в твоём духе.

— Учитывая парней в команде и Шекспировский Клуб, я вечно везу куда-то кучу людей. Кроме того, тут куча места для моей экипировки...

— И для детей, которых нарожаете вы с Фрэнки.

Не будь я спортсменом с чертовски хорошей координацией, я бы сейчас разбил машину.

— Уилла, — говорит Райдер с заднего сиденья. — Полегче с ним.

— Полегче? Мне неизвестно значение такого слова, — ткнув меня в плечо, Уилла наклоняется поближе. — Итак, расскажи мне, давно вы знакомы?

— Она начала работать на Кингз за год до меня.

— То есть, ты знаешь её всю свою профессиональную карьеру. Хм, — Уилла прищуривает глаза и поглаживает невидимую бородку. — Интересно.

— Уилла, — предостерегающе произносит Райдер.

Она делает в его сторону шугающее движение, будто он раздражающая мошка, а не парень, сложенный как полузащитник, который без проблем будет щекотать её, пока она не описается.

— И ты ведь воздерживался от свиданий с тех пор, как подписал контракт с Кингз? — выпытывает она.

Я старательно фокусируюсь на дороге.

— Как и большинство новичков, с момента подписания контракта я посвящаю практически каждую секунду своей карьере.

— Но ты больше не новичок.

— Это не означает, что у меня внезапно появилось время для романтики.

Она мрачнеет.

— Я в это не верю. Ты же как-то умудрялся в колледже, не так ли? Ты балансировал между требованиями хоккея первого дивизиона, академическими нормативами и романтикой.

— У меня не было девушки в колледже, — нажав несколько кнопок, но не отрываясь от дороги, я наконец-то нахожу ту, что опускает окно с моей стороны. Допрос Уиллы заставляет меня потеть.

— Ты явно уходишь от ответа. Смысл в том, что ты находил время, чтобы встречаться. Или, ради твоего романтизма эпохи Ренессанса, лучше сказать, чтобы ферлакурить и обхаживать дам.

Я закатываю глаза.

— Воистину, Вильгельмина, временами желаю я, чтоб судьба нас не сводила.

Уилла морщит нос.

— А? — она переваривает смысл сказанного и шлёпает меня по груди. — Эй, это грубо. И неправда. Ты меня любишь. Я твоя любимая почти-невестка

— Ты моя единственная почти-невестка.

— Ренни Ру, тебе не удастся меня отвлечь. Она тебе нравится, не так ли? Поэтому ты не встречался ни с кем с тех пор, как присоединился к команде.

Я смотрю на дорогу. Почему требуется так много времени, чтобы проехать несколько миль до Манхэттен-бич?

Уилла мечтательно вздыхает.

— Ах. Это чертовски романтично. Ты тоскуешь по ней.

Райдер сочувственно похлопывает моё плечо с заднего сиденья. Я не ожидаю, что он вклинится. Он самый тихий из нас всех, и когда Уиллу понесло, её всё равно не остановишь.

— Уиллис, — я смотрю на неё, пока мы стоим на красном сигнале светофора на Сепульведе. — Фрэнки невероятно серьёзно относится к работе. Я знаю её три года, и за всё это время стало очевидно, что для неё я лишь один из парней, часть работы. Работы, которая недвусмысленно запрещает отношения между игроками и персоналом.

Уилла смотрит на меня, но светофор переключается на зелёный и спасает меня от взгляда в эти интенсивные янтарные глаза.

— Интересный ответ, — она откидывается на спинку и открывает своё окно, впуская новый порыв тёплого весеннего воздуха.

— Чем это интересный? — спрашивает Райдер.

Уилла широко улыбается.

— Тем, что это вообще не ответ.

В отличие от большинства моих сверстников (и поверьте, они ненавидят меня за это), профессиональная игра в хоккей не была мечтой моего детства. Я происхожу из большой шведо-американской семьи футболистов.

Райдер, который по старшинству идёт сразу за мной, играл за КУЛА и был заслуженно уверен, что потом пойдёт в профессиональный спорт, но бактериальный менингит на первом курсе так сильно повредил его слух и ощущение равновесия, что его карьера закончилась. Фрейя тоже играла за КУЛА, но потом повесила свои бутсы, получила докторскую степень и начала работать в сфере физиотерапии. Она сказала, что любила футбол не настолько, чтобы посвятить ему всю жизнь. Аксель, мой старший брат, играл на протяжении всех старших классов школы и всё ещё с удовольствием играет в соревновательной лиге учащихся.

Два моих младших брата, Вигго и Оливер, оба превосходно играют, но только Оливер

играет на уровне колледжа, тогда как Вигго решил не поступать в колледж и теперь играет в соревновательной любительской лиге, как Аксель. Наша младшенькая, Зигги, в разы превосходит уровень своих друзей-старшеклассников и играет за женскую национальную сборную U-20. Она решительно настроилась однажды попасть в женскую олимпийскую сборную, и если бы я сомневался в её способностях (а я не сомневаюсь), одна лишь её настойчивая натура убедила бы меня, что она придёт к этому.

Что касается меня, я играл в футбол, и мне нравилось. У меня хорошо получалось. Но я никогда не обожал этот вид спорта. Дойдя до старших классов, я не сдружился ни с кем из футбольной команды, и пусть из меня получился отличный вратарь, душа к этому не лежала. Тогда я только-только переехал из штата Вашингтон. Я не ладил с калифорнийскими парнями — этот долговязый, занудный, высокий рыжий, которому нравились стихи и живые театральные представления, которому не было комфортно обсуждать девочек так, как это делали другие парни, который ненавидел мелочные игры за власть и ту ужасную манеру, в которой парни обращались друг с другом в раздевалке и коридорах.

Когда я был в десятом классе, на вечеринке моих родителей коллега папы посмотрел на меня, видимо, увидел потенциал и спросил, не заинтересован ли я в хоккее. В свободное время доктор Эванс был тренером для лиги парней моего возраста и сказал, что даст мне индивидуальные уроки, чтобы посмотреть, понравится ли мне.

В хоккее присутствовала грация и плавность, которой мне недоставало в футболе, и это развернулось во мне в тот же момент, когда я зашнуровал коньки и ступил на лёд. Когда я взял в руки клюшку, когда ощутил холодную тишину арены и шайбу перед собой, я как будто наконец-то нашёл свою естественную среду обитания. Я ожил, катаясь на коньках и играя в хоккей. Я до сих пор оживаю во время этого.

Каждый день я щипаю себя, не веря, что это моя работа. Что мне платят за игру, которую я люблю, за то, чтобы я был примером для маленьких детей и вносил вклад в общество. Я также щипаю себя, не веря, что мне удаётся каждый день видеть Фрэнки на работе.

Она была одной из первых людей, кого я встретил после подписания контракта. Когда прошли встречи, касающиеся юридических нюансов, ожиданий, расписания и организационных моментов, на пороге появилась Фрэнки, вышагивающая с тростью дымчатого цвета и кедами в цветах команды. Посмотрев на неё, я почувствовал, как что-то в груди ёкнуло, и весь воздух вылетел из лёгких, будто я грудью врезался в ограждение.

Она села напротив меня, объясняя, что мне нужно для создания присутствия в социальных сетях, что писать в Твиттере, что публиковать в Инстаграме, как включаться в общение, как дополнять то, что она делала во время тренировок и игр.

Мой любимый момент — когда она окинула меня критическим взглядом и сказала:

— Заранее прошу прощения за то, что мне придётся это сказать, но если ты запостишь фотку члена в какой-либо социальной сети или отправишь это любой женщине в личные сообщения, то когда я с тобой закончу, у тебя уже не останется члена для подобных фоток. Намёк ясен?

После этого она вела себя вежливо и исключительно профессионально, будто вовсе не пригрозила кастрировать меня, пусть и по весомай причине. Я помню, как пытался слушать, что она говорит, хотя мне сложно было не пялиться на её губы. Мне до сих пор сложно не пялиться.

Дверь в процедурный кабинет распахивается, и далее раздаётся знакомое:

— Рен Зензеро.

Я поднимаю голову с массажного стола. Понятия не имею, почему Фрэнки так меня называет. Я знаю, что это звучит по-итальянски, и я десятки раз готов был погуглить, но как бы побаиваюсь, что это означает. Я знаю лишь то, что когда она использует это слово, оно скатывается с её языка в такой манере, от которой напрягается всё моё тело, волосы на шее и руках встают дыбом. Это звучит непринуждённо и ласково — ещё одно лишнее подтверждение, что Фрэнки очень даже итальянка, даже если бы имя не выдавало её с потрохами.

Франческа Зеферино. Хотя если назвать её как-либо, помимо Фрэнк или Фрэнки, она будет выкручивать тебе соски, пока ты не разрыдаешься. Её волосы представляют собой полотно шёлка кофейного цвета, спадающее до середины её спины. У неё извечно золотистая кожа, сияющая так, будто она светится изнутри, большие ореховые глаза, густые тёмные ресницы, розовые губы и абсурдно глубокая ямочка на левой щеке.

Фрэнки останавливается сбоку от массажного стола, поднимает свою трость и шлёпает меня по заднице.

— Ой! — ору я.

Джон, один из наших тренеров, привык к авторитарной манере, в которой Фрэнки обращается с игроками. Он поднимает руки и пятится.

— Просто крикни, когда она закончит тебя избивать.

Я таращусь на Фрэнки.

— Это за что, блин?

Она хмурится.

— Твой читательский клуб по Шекспиру массово собирается завтра. Я этого не знала.

Моё сердце ухает в пятки. Это не должно было всплыть. Свирепый румянец заливает меня от горла до щёк. Это один из минусов быть рыжим. Папа и Зигги, как коллеги-рыжие в семье, прекрасно понимают. Ты не можешь скрыть свои эмоции, даже если от этого зависит твоя жизнь — всё видно по твоей коже.

Я нервно сглатываю и медленно сажусь.

— Кто тебе сказал?

— Это неважно, — Фрэнки опирается на свою трость и награждает меня суровым взглядом. — Это едва не упущенная огромная возможность. О чём ты думал, скрывая такое от меня? Ты знаешь, сколько у меня идей? За те пять минут, что я знаю, я уже...

— Фрэнки, — я подаюсь вперёд, опираясь локтями на колени. С её ростом, и потому что она стоит возле стола, мы оказываемся лицом к лицу, и наши носы почти соприкасаются.

Буквально на секунду её глаза встречаются с моими, пятнышки бронзового и изумрудного исчезают, когда её зрачки расширяются. Она моргает, делает шаг назад и прочищает горло.

— Что?

— Фрэнки, эта часть моего мира... это личное.

— Почему? — она склоняет голову набок, будто я искренне сбиваю её с толку. Будто она не понимает несоответствие между тем, кто я — бывший Новичок Года, помощник капитана, Викинг на льду — и той частью меня, что всё ещё увлекается Шекспиром и поэтическими чтениями.

— Я не стыжусь их или своих интересов, но некоторым парням не хочется появляться

перед камерой, в центре внимания. Они просто ботаники вроде меня, которым любое нежелательное внимание напоминает о том внимании, которое они получали в прошлом.

Фрэнки делает шаг ближе.

— Зензеро, ты говоришь мне, что в школе ты был ботаником? И у тебя были друзья-зануды?

— Да.

Она одаривает меня редкой улыбкой, и та ямочка проступает. Помоги мне, Боже, только не ямочка, только не сейчас.

— Хочешь сказать... — её глаза всматриваются в мои. — Ты серьёзно? Ты? Тебя дразнили в школе? Ты был...

— Белой вороной. Да. И не все участники моего Шекспировского Клуба выбрались из данной категории. Я не хочу, чтобы им было некомфортно, ладно?

Фрэнки прикрывает рот ладошкой.

— Ладно, — это звучит приглушённо.

— Ты смеёшься надо мной?

Она качает головой.

— Я умираю от задротского очарования, — по крайней мере, мне кажется, что она бормочет именно это.

Не знаю, то ли мне обижаться, то ли веселиться.

— Фрэнки, как давно ты меня знаешь? Разве у меня на лбу не написано «Чудаковатый тип»?

Она хрюкает в ладошку и снова качает головой.

— Вау. Твоя работа требует социальной проницательности, но ты упустила довольно большие признаки.

От этого она перестаёт смеяться. её ладонь опускается.

— Иногда... — она сглатывает и тербит пальцами ожерелье, которое носит почти всегда. Там металлические фигурки и подвески, которые она легко перебирает пальцами, крутит, вертит и вращает. Она часто делает так, будто это её успокаивает. — Иногда я неправильно читаю людей, — тихо говорит она. — Прости. Я не смеялась над тобой. Это был приятный сюрприз. Я думала, любовь к Шекспиру была... эксцентричной чертой. А если ты говоришь, что это имеет более глубокие корни, то я уважаю, что это нечто личное.

Она избегает моего взгляда, сосредотачивается на соринке на своём рукаве и смахивает её.

Между её словами и внешностью в данный момент есть несоответствие. Она говорит так, будто всё в порядке, но выглядит так, будто я выдернул почву из-под её ног. Я испытываю чувство вины и в то же время любопытство. Что она скрывает?

Я начинаю вставать, но Фрэнки кладёт ладонь на мою грудь и усаживает меня обратно с удивительной силой.

— Возвращаемся к Шекспировскому Клубу, — говорит она. — К эпохе ботаника. Мне нужны детали. Мне нужно очень много деталей...

— Фрэнк-Ворчун, — Мэтт заходит в процедурный кабинет и подходит к ней, нагло перебивая нас и игнорируя меня. Он протягивает руку. — Я пришёл лизать задницу и говорить, что я сожалею.

По мне проносится ярость. За то, каким мудаком он был с ней в «Луи», я до сих пор хочу душить его, пока его жуткие карие глаза не выскочат из башки.

— Это в прошлом, — говорит ему Фрэнки, принимает его ладонь и вздрагивает, когда он сжимает слишком крепко.

Заходят Энди и Крис, тем самым развеивая напряжение момента. Мэтт отпускает её руку как раз в тот момент, когда Крис тянет за резинку шортов Мэтта, а потом отпускает её со щелчком.

— Придурок! — гаркает Мэтт.

Крис игнорирует это и предлагает Фрэнки мягко стукнуться кулачками, что она принимает.

— Привет, Фрэнки.

— Фрааанк Тааанк, — распевает Энди.

Фрэнки улыбаются, пока эти двое несутся к одному и тому же столу, ибо они извечно соревнующиеся болваны. Крис ставит Энди подножку, но Энди валит его за собой. Они оба падают на маты для растяжки и приземляются со стонами.

Подняв телефон, Фрэнки делает фото, затем улыбается и вздыхает.

— Вы, парни, реально упрощаете мне работу.

— Фрэнки, — дверь в комнату снова распахивается, и появляется Милли, одна из администраторов, которая работает часть времени в корпоративном офисе, а часть времени здесь, в приёмной. Она — бодрая 75-летняя старушка, заядлая читательница, и в прошлом году она официально вступила в Шекспировский клуб. — Тебе надо передвинуть машину, лапочка. Там кладут асфальт.

— Что? — Фрэнки стонет. И этот звук... устремляется напрямиком в мой пах.

Я прочищаю комнату и, чтобы удержать своё тело от реакции, вспоминаю особо травмирующий случай, в котором задействованы Вигго, Оливер и огромная банка майонеза.

— Давай я перегоню её за тебя, Фрэнки.

— Да не, — она уже на полпути к двери, но поворачивается и показывает на меня своей тростью. — Я с тобой не закончила, Бергман. Я хочу получить ответы.

Я одариваю её невинной улыбкой.

— Конечно.

Ворча, она уходит, минуя Милли, которая придерживает дверь и манит меня пальчиком. Я иду следом за Фрэнки и останавливаюсь, когда Фрэнки уходит за угол, а Милли оказывается достаточно близко, чтобы прошептать:

— Собрание клуба всё ещё в силе на следующей неделе?

— Нет, ещё через неделю. То есть, через две недели от сегодняшнего дня.

Она улыбается и поправляет очки.

— О, ладно. Хорошо, что я спросила. Надо признаться, я впервые читаю «Как вам это понравится», и я немного сбита с толку. Все влюблены, никто не вместе, и все что-то скрывают.

— Это в представлении Шекспира романтическая комедия. В конце всё прояснится.

Её смех тихий и лёгкий.

— Справедливо. Но... — она вытаскивает несколько страниц и разворачивает их. — Можешь помочь мне с этим диалогом? Я беспокоюсь, что неверно прочитаю...

Я трачу несколько минут, чтобы помочь Милли понять подтекст в её репликах, но нас перебивают, когда в нашу сторону бредёт Тайлер. Милли убирает сценарий в карман и наполовину выходит за дверь, но потом останавливается и поворачивается ко мне лицом.

— Пожалуй, тебе стоит убедиться, что у Фрэнки нет проблем с машиной.

Я хмурюсь.

— С чего бы... подозрение проясняется. — Милдред Соьер. Ты же не стала ковыряться в машине Фрэнки?!

— Кто, я? — она улыбается и играет бровями. — «В любви случайно всё на свете: Есть у Амура стрелы, есть и сети».

— В следующем сценарии будешь вторым стражником, — шиплю я, проносясь мимо неё, и бегу на парковку.

Гогот Милдред эхом разносится по коридору. Может, вместо этого стоит дать ей роль ведьмы.

Я выскакиваю наружу, затем замираю, видя, как Фрэнки возится с машиной. Капот поднят, её волосы собраны в небрежную гульку, и на щеке виднеется пятно моторного масла. Я тупо стою там, запечатлевая изображение в памяти.

— Что? — она выпрямляется и вытирает руки тряпкой, висевшей на фаре. — Никогда не видел, как женщина ремонтирует машину?

Я сглатываю.

— Прости. Я... Это... — подойдя ближе, я смотрю на сумасшедшее переплетение проводков и деталей. — Что случилось?

— Свеча зажигания отошла. Легко поправить. Просто убеждаюсь, что всё остальное в порядке. Сначала индикатор «проверьте двигатель», теперь это. Какой-то засранец ковыряется в моей машине.

Я придушу 75-летнюю женщину. Милдред явно плохо знает Фрэнки. Я мог бы сказать ей, что такие обыденные шалости — пустая трата времени. Фрэнки — самая свирепо независимая персона из всех, что я знаю; естественно, она может починить примитивные неполадки с машиной.

Громкий звук поблизости заставляет нас обоих поднять взгляд. Асфальтоукладочный каток дребезжит, а на краю парковки ждёт команда рабочих.

— Что ж, — говорит Фрэнки, опуская капот, — спасибо, что прибежал спасать, но я сумела спастись сама.

— Я в этом никогда не сомневался, Фрэнки.

Она щурится, прикрывая глаза от солнца.

— Вот, — я охаю, когда её кулак встречается с моим животом, держа скомканный блейзер. — Занеси внутрь, ладно? Мне надо перегнать машину, а я уже вся вспотела.

Распахнув дверцу машины, Фрэнки показывает средний палец рабочим, пока те свистят ей, и уезжает на альтернативную парковку.

Глава 4. Фрэнки

Плейлист: Lorde — The Love Club

Всю свою жизнь я была или загадкой, или затруднением. В детстве я была помешанной на рутине, тревожной и склонной к эмоциональным вспышкам. Я кричала, когда на меня надевали одежду, ужасно спала. У меня была одна лучшая подруга, и я хотела, чтобы она была только со мной. Я ненавидела шумные пространства и каждую неделю плакала на церковной службе, когда они использовали благовония.

Будучи подростком, я настолько погружалась в истории, что весь день забывала поесть, постоянно говорила о любимых книгах, плакала, когда они заканчивались, и до измождения зачитывалась всеми имеющимися фанфиками. Я слетала с катушек, когда моя старшая сестра, Габби, слишком громко жевала, когда на моих штанах образовывалось статическое электричество, когда мама отходила от плана блюд на неделю, и когда я что-то оставляла в одном месте, а потом не находила это там же.

Иногда я сводила свою семью с ума. Ничего не понимающая мама, раздосадованная бабуля и раздражённая Габби. Но папа меня всегда понимал. Он крепко обнимал меня и качал на руках. Он набирал для меня тёплые ванны и просил бабулю сшить для меня свободные широкие платья, чтобы носить их поверх единственных леггинсов, которые я могла терпеть. Под твёрдой матриархальной властью бабули я приучилась сидеть смирно, сосредотачиваться, слушать, быть вежливой. Вокруг меня шёпотом витали социальные подсказки и невысказанные смыслы, слишком скользкие и уклончивые, чтобы я их уловила. Так что я обратилась к сверстникам, наблюдая и имитируя их движения, жесты, фразы и лицевые выражения. Я играла в виды спорта, была хорошей студенткой. Я изо всех сил старалась сойти за одну из них.

И какое-то время мне удавалось. Я казалась типичным ребёнком (что бы это ни означало, бл*дь), пока депрессия и тревожность после смерти папы не обрушила всё, опустошив те эмоциональные резервы, что требовались для изображения нормальности.

Мне было 13, когда мне поставили диагноз «аутизм». Психолог сказал, что это произошло бы ранее, если бы не моя фантастическая способность следовать правилам, копировать поведение и притворяться «нормальной». Мозгоправ говорил, что все достигают переломной точки. Лишь вопрос времени, когда мне пришлось бы перестать притворяться и откровенно признать свои неврологические отличия.

В нашей традиционной католической итальянской семье, где доминировал скептицизм бабули в отношении всего, кроме молитвы как решения всех проблем, просто удивительно, что меня вообще привели на обследование. Это свидетельство того, насколько устала моя мама, раз она пошла против настояния бабушки о том, что я нормальная, просто упрямая и проблемная. Но мама доверилась своей интуиции, тайком сводила меня на несколько сеансов с педиатрическим психологом, и в итоге мне поставили диагноз. Наверное, я недостаточно благодарна ей за это.

После диагноза я начала посещать психолога, чтобы контролировать тревожность, справляться с отклонениями от порывов и помешательства путём регулировки эмоций, а также справляться с тем иногда депрессивным ощущением, будто ты смотришь внутрь извне, с которым сталкиваются многие аутисты.

Затем, когда начался переходный возраст, в мою жизнь закрались ноющие боли и ощущение заостенелости. К семнадцатому дню рождения я получила ещё один диагноз: ревматоидный артрит. За одно лето я превратилась из ежедневной бегуньи и очень активной девушки в человека, чьи колени и бёдра настолько окостенели, что я не могла выбраться из кровати. Подросток, которая не могла открывать бутылки с водой или пользоваться открывашками для консервных банок.

И вот тогда я стала проблемой, а не личностью. Возможно, если бы дело ограничилось только аутизмом, или только артритом, мне бы позволили быть независимой и сильной молодой женщиной. Но учитывая страхи и тревоги моей мамы после смерти папы, она легко погрузилась в удушающую, инфантилизирующую опеку. Фрэнки хрупкая, сломанная и слабая. Это попросту душило.

Никаких шумных мест, Фрэнки они не нравятся.

Никаких матчей, ей слишком сложно дойти до тех мест.

Фрэнки нельзя оставлять одну. Кто знает, что случится?

Я была помехой для весёлого времяпровождения и мест, источником беспокойства и утомления, бременем. Мокрым одеялом. Тем, кто портит настроение. Осликом Иа-Иа.

Пока я не съехала. Моя семья получила возможность снова быть весёлой. А я получила возможность доказать себе, что я могу жить одна, сильная и независимая, в безопасности.

И я доказала себе и не только. И всё же я могу признать, что бывают дни, когда моя жизнь очень сложная. Аутизм — это пожизненная реальность того, что ты никогда не будешь понимать намёки, попевать, видеть мир таким, каким его видит большинство людей. И иногда это кажется изолирующим, раздражающим, депрессивным.

И ещё есть ревматоидный артрит, поганое аутоиммунное заболевание, от которого нет лекарства, только контроль симптомов. Чем быстрее ты замедлишь хроническое воспаление, возникающее из-за того, что твоё тело нападает само на себя, тем лучше. Поскольку мне быстро поставили диагноз, медикаменты по большей части уберегли мои суставы от необратимых изменений. Но даже с хорошими лекарствами и лечением случаются вспышки.

Каждый раз, при каждой вспышке, моё левое бедро болит хуже всего — любимый эпицентр для чрезмерного энтузиазма моей иммунной системы. Три года назад у меня развилось столько хронической боли и слабости сустава, что пришлось пользоваться тростью. Моя семья квохтала (кто бы мог подумать, да), что это признак моей хрупкости — что в двадцать три года мне нужна трость.

Но я это приняла. Может, это из-за моего аутичного мозга и его аналитической практичности, у меня не было особых эмоций касаясь трости. Я просто видела её практическое преимущество. Она помогала. С ней я твёрже держалась на ногах. Моя нога не подкашивалась. Я не падала лицом в асфальт. Так что тут плохого, чёрт возьми?

Не вредило и то, что с тростью я чувствовала себя как крутая ведьма из Хогвартса. Знаете, сколько выгоды можно извлечь, владея псевдопалочкой и поразительной памятью на заклинания и проклятия? Много, вот сколько.

Нет, жизнь не всегда простая и свободная от боли, но у меня есть несколько друзей, которые знают и любят настоящую меня, и я нашла утешение и стабильность с Посохом Старца. Я также хожу к психологу, посещаю физиотерапевта, занимаюсь на велотренажёре, практикую йогу, плаваю. Я принимаю лекарства, и большую часть времени с дискомфортом и сложностями вполне можно жить.

Короче говоря, по большей части я наладила свою жизнь. А когда она кажется менее

устроенной, когда моя иммунная система и аутистичный мозг устраивают самосаботаж, у меня есть козырная карта: медицинская марихуана, которая дает такую нужную передышку от хронической боли и тревожности.

Всё верно. Иногда, чтобы справиться со своей безумной жизнью, я обкуриваюсь. Иногда мой знакомый Картер в амбулатории, выписывающей медицинскую марихуану, убеждает меня попробовать новый «идеальный сорт», и покурив, я улетаю так далеко, что как будто оказываюсь в стратосфере, и тогда я понимаю, что Фрэнки пора баиньки. Но сначала надо заказать китайскую еду на вынос. Предварительно сунув пиццу в духовку.

Я так голодна. Я только что умяла пиццу и продолжила стремительно жевать мармеладных мишек, дожидаясь свинину мушу, яичные роллы и суп вонтон, и тут звонят в дверь. Больно быстрая доставка, но я не жалуясь. Медленными шаркающими шагами я подхожу к двери.

Повозившись с засовом, я наконец-то умудряюсь его отпереть. Распахнув дверь, я протягиваю руку, чтобы забрать своё китайское пиршество, и тут осознаю, что я вижу.

Так и знала, что последняя затычка была лишней. Мне уже мерещится всякое.

Мираж Рена Бергмана стоит на моём крыльце, как всегда улыбаясь. Через его руку переброшен блейзер, в руках маленький свёрток, завёрнутый в бумагу. Взъерошенные, частично мокрые волосы. Небесно-голубой джемпер, подчёркивающий его глаза. Поношенные джинсы и старенькие кроссовки Найк. Чёрт возьми, этот мужчина умеет одеваться.

Его взгляд быстро путешествует по моему телу, и помидорно-красный румянец заливает его щёки.

Ах да. Вот и реальность, ударяющая меня по лицу: *«Внимание, Фрэнки, на тебе лишь короткие шорты с символом Даров Смерти, едва прикрытые безразмерной толстовкой Кингз».*

Я одёргиваю толстовку, жалея, что она не настолько длинная, чтобы доходить до моих неоновозелёных компрессионных чулок, которые заканчиваются чуть выше коленных чашечек. Я ношу их потому, что они дарят моим суставам приятное, облегчающее боль сжатие.

Мои щёки горят, и этот жар, который интенсивнее любой вспышки боли, с рёвом проносится от пальцев ног до макушки. Один лишь взгляд на Фантомного Рена вызывает ноющее ощущение внизу живота.

Осознавая своё бушующее либидо и менее сексуальные элементы моего наряда (то есть, абсолютно все его элементы), я впадаю в некий кризис. Я возбуждена при виде Рена Бергмана. Снова. Сначала в раздевалке, потом в «Луи», потом сегодня в процедурном кабинете. И теперь тут, у меня на пороге. Я всегда считала его сногсшибательным (ну естественно же), но просто пыталась это игнорировать. А теперь кажется, будто я уже не в силах это делать. Я увидела эту привлекательную сторону его, когда он наехал на Мэтта, и теперь уже не могу это развидеть. Если честно, я даже не могу перестать думать об этом.

Он не реален. Вот на чём мне надо сосредоточиться. У настоящего Рена нет причин находиться здесь, выглядя как ходячий рыжий секс. А значит, хуже не будет, если я позволю себе пялиться на этот плод моего обдолбанного воображения.

Я смотрю на него, с головой падая в эти зимние радужки. Я пялюсь. И пялюсь. И пялюсь.

Но как и все фантазии, это потакание себе должно завершиться. Сделав глубокий вдох, я

захлопываю дверь перед миражом. Иначе я могу поддаться воображению, пригласить Вымышленного Рена внутрь, затем фантазировать о том, как буду раздевать его со свирепой потребностью узнать, совпадает цвет «ковра» с «занавесками»².

А этого я попросту не могу себе позволить.

Я не уверена, как долго была закрыта дверь. Как долго я пыхла, прислонившись спиной к гладкой поверхности и дожидаясь, пока моё тело остынет от галлюцинаций. Я больше никогда не буду курить эту травку, ибо она явно чем-то приправлена. Картеру из амбулатории придётся ответить.

Но тут голос Рена разбивает любые надежды на то, что это мираж, вызванный наркотиками.

— Фрэнки?

Я вскрикиваю, отпрыгнув от двери так проворно, как я только способна.

— Д-да? — я выглядываю в глазок.

Пресвятая Богоматерь Иисуса Верхом на Ослике, эти волосы. В лунном свете они обретают в точности оттенок выцветшего медного пенни.

Должно быть, в прошлой жизни я была настоящей засранкой, потому что в этот раз карма, похоже, наказывает меня. А именно она наказывает меня моей неспособностью держать себя в руках, когда дело касается непозволительно дорогих рутбирowych мишек, которые я могу купить только у вымогателей-перекупщиков, и увлеченностью рыжими красавчиками этого мира, которые, ну естественно, самые редко встречающиеся мужчины.

В отместку за то, что я сделала в прошлой жизни, видимо, будучи какой-то бессовестной кошкой, космические силы поместили прекраснейший рыжий образчик среди жителей Соединенных Штатов прямиком на мою орбиту и сделали его абсолютно недосыгаемым. Он член команды. Я в штате персонала. Мы с Реном под запретом. *Verboten. Interdit*³. Невозможно. Не разрешается. Мне нельзя испытывать влечение к игроку команды. Я не могу даже думать о влечении к нему.

— Фрэнки, — приглушённо доносится голос Рена с другой стороны двери. — Всё в порядке?

Прочистив горло, я снова открываю дверь, быстро одёргивая толстовку в безнадёжной попытке выглядеть пристойно.

— Извини за это. Ты меня удивил, — сделав шаг назад, я жестом приглашаю его внутрь. — Я ожидала доставку китайской еды.

Он хмурит рот.

— Прости, что разочаровал.

— Ничего страшного. Я только что умяла целую пиццу и схомячила пакетик рутбирowych мишек. Моему желудку необходим отдых.

Прислоняясь плечом к моему косяку, Рен меняет выражение лица на нечто тёплое, может, забавляющееся. Вот и та бодрая, ничто-меня-не-сломит улыбка, от которой я готова лезть на чёртовы стены. По большей части потому, что мне хотелось бы повторить эту улыбку. Может, тогда люди не считали бы меня такой ворчуньей, когда в реальности я просто не могу самопроизвольно заставить себя улыбнуться.

— Ты под кайфом, не так ли? — спрашивает он.

— Прошу прощения, — оскорблённо фыркаю я. — Я трезва как монашка, — сказав это, я сразу же копаюсь в своей обширной памяти в поисках такого сравнения и ничего не нахожу. Высока вероятность, что я высосала это из пальца. Чёрт.

Рен широко улыбается.

— Знакомые мне монашки — скандально известные тусовщицы.

И вот он ведёт себя мило, подыгрывая мне. Чтоб ему провалиться, этому безрассудно милому мужчине.

— Видимо, ты нашёл крутых монашек, — говорю я ему. — Те, которых знала я, били меня линейкой по рукам в школе и заставляли стоять в углу за мою дерзость.

Смех Рена мягкий и тёплый.

— Ты? И дерзая?

Я поворачиваюсь к кухне, когда слышу, что моя собака Пацца начинает лаять на заднем дворе, и как раз вижу, как она лапами бросается на окно.

Оборачиваясь через плечо, я замечаю, что Рен остаётся на прежнем месте, у порога. Он как будто не решается двинуться дальше.

— Это всего лишь моя собака снаружи. Она безвредная... вроде как. Ну, не совсем. Я боялась, что она накинется на курьера, так что она снаружи.

Рен бледнеет.

— Я оставлю её на улице, — говорю я ему, со стоном плюхаясь на свой огромный фитбол. — Мне просто нужно посидеть, Зензеро. Заходи. Если мы будем говорить, то сделаем это здесь.

Рен закрывает за собой дверь и медленно проходит в мою гостиную, с любопытством осматриваясь. Его улыбка никуда не девается, но он выглядит... Смущённым? Нервничающим? Боже, что бы я отдала за возможность читать лица.

Он аккуратно опускает то, что нёс в руках. Сначала блейзер — теперь я узнала, что это мой блейзер. Затем свёрток, который он держал. Он подвигает его по кухонному столу в мою сторону.

— Твой пиджак, который ты забыла, — говорит он. — И подарок в благодарность за то, что закрыла глаза на Шекспировский Клуб.

Я хмуро смотрю на него.

— Ты не понимаешь, как это было больно. Мы ЛА Кингз. Короли. У меня уже была сценка в голове. Костюмы и реплики. Столько материала для работы, ты понимаешь? Король Лир. Генрих IV, Генрих V, Ричард II, Ричард III, Макбет. Цимбелин. Король Иоанн. И это ещё не всё... — мой голос стихает, пока я изучаю загадочное выражение Рена. — Что? Я шокировала тебя своими категориальными познаниями Шекспира?

— Немножко, — это звучит хрипло.

— Не слишком цепляйся за эту идею. Я просто знаю все заголовки и некоторые реплики, потому что мне пришлось заучить это для теста в колледже. В остальном я практически ничего не знаю.

Рен прочищает горло и качает головой, выдёргивая себя из этого состояния. Его лёгкая улыбка возвращается, и он подталкивает свёрток поближе.

— Ясно. Ну, я не хотел неловко отдавать тебе это завтра на работе, и подумал, что послать по почте будет ещё более неловко. К тому же, у меня был твой пиджак, так что...

Дёрнув свёрток к себе, я настороженно тяну за завязку. Узлы — это просто проклятье любого больного артритом. Но верёвочка без проблем развязывается.

Я кошусь на Рена и чувствую, что улыбаюсь.

— Спасибо, что обошёлся без двойного узла.

Он застенчиво улыбается и кивает. Моя улыбка становится ещё шире, когда грудь

заполняется незнакомым теплом. Я разворачиваю бумагу, легко разрывая её. Мягкий хлопок падает на стол, и я приподнимаю ткань.

— Блуза?

Рен делает шаг ближе, переворачивая её и расправляя на гранитной столешнице. Я смотрю на его руки наверняка дольше, чем считается «приличным». Но они... красивые. Длинные пальцы, лёгкие веснушки. При пристальном изучении оказывается, что их костяшки покраснели, будто он недавно что-то бил.

— Мэддокс испортил другую твою блузу, — говорит он. — И я практически уверен, что она выглядела так. Это хорошая замена?

Я смотрю на блузу, переваривая его слова, и мои пальцы скользят по пуговкам. Они другие. Я сразу могу это сказать. У меня четыре одинаковых блузы, четыре блейзера, четыре пары брюк, которые я ношу на все игры, и пусть эта блуза выглядит почти идентичной, я чувствую отличие. Я аккуратно тяну за ткань и смотрю, как она распаивается.

— Пуговицы... — его голос срывается, и Рен прочищает горло. — Пуговицы прикреплены к надёжным магнитам. Панель вокруг них содержит противодействующее магнитное притяжение и укреплена, чтобы контакт был крепким.

Обычно я оставляю свои рубашки застёгнутыми, не считая верхних двух пуговиц, чтобы можно было надеть через голову и не мучиться с застёгиванием. Пуговицы проблематичны для моих рук... особенно рано утром или поздно вечером, когда суставы наименее подвижны. Несмотря на все усилия, которые я прикладываю, чтобы моя одежда была комфортной, я никогда не думала, что одежда может быть более простой, но при этом позволять мне одеваться так, как мне хочется.

— Рен, где ты... — моё горло ощущается как-то странно, в нём встаёт ком эмоций, которые я даже не могу назвать.

— Моя сестра — физиотерапевт, но она также вечный достигатор, который увлекается всем адаптивным, начиная с одежды и заканчивая кухонными принадлежностями, — он пожимает плечами. — Она упоминала такие штуки раньше, сказала, что они продаются в магазине в Фэшн-Дистрикте.

Глядя на Рена, я чертовски сбита с толку. Он явно в курсе моих сложностей до такой степени, что купил мне нечто продуманное. И всё же нет ни следа той душащей, унижительной клаустрофобии, которую я чувствовала практически со всеми, кого знаю. В этом моменте с Реном я просто чувствую себя... увиденной. И испытываю ужасную потребность его поцеловать.

Чёртова травка. Это она во всём виновата.

«Травка никогда не делает тебя настолько возбуждённой».

«Заткнись, обкуренный мозг. Большие никаких мудростей».

— Это так продуманно с твоей стороны, — я робко накрываю его ладонь своей, один раз сжимаю, затем отпускаю, пока не поддаюсь импульсу притянуть его к себе и зацеловать до бесчувствия. — Спасибо.

Свирепый румянец поднимается по шее Рена намного выше бороды плей-оффа. Это ужасно мило, но в то же время странно видеть эту его сторону. Потому что Рен, которого я знаю последние три года, скромный, да, но уверенный в себе, напористый, яркий. Новичок Года. Самый ценный игрок. Вечно на обложках всех журналов, самый горячий то, самый сексуальный это. Парни дразнят его из-за этого, а он лишь качает головой и продолжает беседу о чём-либо другом. У Рена полный комплект, и он всегда казался вполне довольным

ЭТИМ.

Но есть и другая сторона, которую я вижу прямо сейчас. Когда он краснеет и почёсывает шею сзади, что для него почти как нервный тик. Как будто он не уверен в себе, как будто он уже не тот смелый парень, покоровивший мир хоккея.

— Всегда пожалуйста, — говорит он. — Надеюсь, это не... — вот оно. Он почёсывает шею сзади. — Надеюсь, я не переступил черту или типа того.

— Нет, Рен. Это очень продуманный жест от заботливого друга, — в глазах Рена мелькает нечто, что я не могу прочесть. — Ну то есть, я знаю, что мы работаем вместе. Но мы ведь друзья, так?

Ведь так же?

— Определённо. Да. Абсолютно, — он кивает, переступая с ноги на ногу.

Воцаряется молчание. Я научилась, что лучше попытаться завести светскую беседу. Мне всё ещё удаётся не очень хорошо, и мне это определённо не по вкусу, но я запомнила некоторые способы заполнить неловкие паузы в разговоре. Просто сейчас мне не хочется играть в нормальность. Мне хочется быть настоящей Фрэнки с, как я начинаю подозревать, настоящим Реном. Так что я позволяю тихому гудению холодильника и стрекоту сверчков за кухонным окном служить нашим саундтреком. Я позволяю себе смотреть на Рена так, как, наверное, не стоило, а он смотрит на мои губы с такой сосредоточенностью, с какой он смотрит только записи игр.

Момент лопается как пузырь, когда в дверь звонят.

Отведя взгляд, Рен косится на входную дверь.

— Китайская еда?

— Ну, если только кто-нибудь из команды не принёс мне штаны на магнитных застёжках.

Он тихо смеётся.

— Ясно. Я проверю, если хочешь.

— Спасибо, было бы здорово, — когда он отходит, я лихорадочно хватаю затушенный ранее косяк и спешно прикуриваю снова.

Глава 5. Фрэнки

Плейлист: Bridgit Mendler — Atlantis

Наблюдая, как Рен идёт к двери, я очень стараюсь не смотреть на его задницу, но вы же должны понимать, как это сложно. Во-первых, у всех хоккеистов невероятные задницы. Это факт. Во-вторых, у Рена просто фантастическая задница. Она заслуживает, чтобы её увековечили в скульптуре — мраморная дань почтения славным мужским ягодикам.

Я прыгаю на фитболе, чтобы унять нервозность, затягиваюсь косяком и чувствую, как едкая сладость заполняет мои лёгкие. Эта долгая затяжка успокаивает мои бешено мечущиеся мысли достаточно, чтобы помочь мне перестать пялиться на Рена и привести голову в порядок. Иисусе, я в раздрае. Я тушу окурок и махаю рукой в воздухе, чтобы разогнать запах.

— Вау, — Рен возвращается на кухню, ставит на стол массивный пакет с едой и заглядывает внутрь. Если его смущает облако остаточного марихуанового дыма, в котором он стоит, то он этого не показывает. — Кто-то сегодня особенно проголодался, да?

Я раздираю пакет и едва не роняю свинину мушу. Рен её ловит. Аккуратно поставив контейнер, он поднимает крышку и откладывает в сторону, не делая шумихи из момента и улыбаясь мне.

— Могу я принести тарелки? — спрашивает он. — Палочки для еды?

Он обходит стол ещё до того, как я ответила. Волна стыдливости накатывает на меня.

— Только если ты присоединишься ко мне.

Рен замирает у шкафчика и оборачивается через плечо.

— Фрэнки, я не хочу отбирать у тебя еду.

— Пожалуйста, поешь со мной, Рен, — я удерживаю его взгляд.

«Не начинай это. Только не ты. Пожалуйста, не превращай меня в бедное существо, которому ты помогаешь и над которым хлопочешь».

Светлые глаза Рена искрят от улыбки.

— Ну ладно, — он достаёт тарелки и миски, затем закрывает шкафчик и ведёт себя как дома, шаря по ящикам, пока не находит палочки для еды и ложки. — Но тогда чур я забиваю себе суп вонтон.

Когда он сначала накладывает еду мне, я понимаю, что он шутил про суп. Рен с лёгкой умелостью накладывает нам равные порции, при этом болтая о чём-то непринуждённом. Я ненавижу, когда со мной обращаются нормально, но это так по-дружески, комфортно. У меня нет ощущения, что со мной сюсюкаются. А ещё он ест палочками ещё хуже, чем я, и это льстит моему эго.

— Ты уверен, что у тебя нет проблем с суставами? — бормочу я со ртом, набитым мушу.

Рен смеётся и прикрывает рот.

— Я выбил всё дерьмо из боксёрской груши перед тем, как прийти сюда. Мои руки сейчас практически бесполезные.

— В этом ты не одинок, — я улыбаюсь ему, и он улыбается в ответ. Моё внимание сосредотачивается на его разбитых костяшках. — Есть конкретная причина, почему груша заслужила такое избиение?

Рен медлит, перестав жевать, и выглядит слегка застанным врасплох.

— Эм. Нет, не особо. Я просто бью по груше, чтобы держать... свой нрав в узде.

Я хмуро смотрю на него.

— Ты? Нрав? Это из уст парня, который за три года в НХЛ ни разу не подрался в баре, не считая отталкивания типа, пытавшегося на что-то нарваться. Из уст парня, который обнимает детей так, будто *это* его работа, а не хоккей. Который подписывает что угодно, когда его просят фанаты. Это у тебя-то нрав?

— Я всё же чуть не удавил Мэддокса тем вечером. Отдай мне должное за это.

— Нуу, — я отхлёбываю бульона вонтон. — Он сам напросился. Я бы больше беспокоилась о тебе, если бы ты не попытался его придушить.

— Но ты же понимаешь, о чём я. Дело не в том, что у меня нет вспыльчивого нрава, я просто научился с ним справляться. Много работы с грушей. «Мне приходится быть жестоким, для того чтобы совершать добро».

Я проглатываю кусочек мушу.

— Гамлет.

Рен медлит, и от улыбки возле его глаз появляются привлекательные морщинки.

— Так она всё же знает Шекспира.

— У меня хорошая память. Когда я что-нибудь слышу, это запоминается. Но да, мне нравятся некоторые пьесы Шекспира. «Гамлет» не в их числе. Этому парню слишком нравится слушать собственную болтовню.

— И Мэддоксу тоже, — бормочет Рен.

— Я не виню тебя за ненависть к нему.

Рен постукивает палочками по своей тарелке и задумчиво смотрит в никуда.

— Я его не ненавижу. Я ненавижу играть с ним. Он источает ужасную энергию.

— А я-то думала, что он просто мудака.

Рен громко смеётся — низким, прекрасным, гортанным хохотом.

— Да не так уж и смешно было, — смущённо говорю я.

Его смех стихает.

— Думаю, ты не осознаёшь, насколько ты остроумная, Фрэнки.

Я смотрю на свою мушу и гоняю её по тарелке.

— Думаю, тебе надо почаще выходить в свет, если ты считаешь меня остроумной, Зензеро.

Когда я поднимаю взгляд, он всё ещё смотрит на меня. Прочистив горло, я делаю большой глоток воды.

— Так что ты говорил о Мэддоксе? До того, как я заставила тебя прыснуть вонтоном.

Наконец, Рен моргает.

— Он меня раздражает. Он должен с гораздо большим уважением относиться к тебе и всем остальным, кто ему встречается. Но Мэддокс всё ещё тот же засранец-качок, которым он наверняка был в старших классах.

— А ты таким не был?

— Нет, не был. Я хорошо играл в разные виды спорта, но в то же время был тем парнем, который в десятом классе прослезился, когда мы на уроке вслух читали «Ромео и Джульетту».

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться. Я думаю, что это безумно мило и здраво, что Рен осознаёт и не отрицает свою мягкую сторону, но я по себе знаю, как сложно понять, то ли кто-то смеётся над тобой, то ли вместе с тобой. Я не хочу ранить его чувства.

В прошлом я бы подумала, что Рена ничто не заденет. Я бы не беспокоилась из-за смеха. Но за последние несколько дней Рен показал мне многое из того, что кроется за бодрой улыбкой. Я знала его только как непринуждённо позитивного, мускулистого и талантливого парня. Солнце буквально светило из задницы Рена, весь мир был у его ног, и такой уровень оптимистичной идеальности втайне раздражал меня.

Но Рен показал мне, что за зрелой внешностью безупречного лебедя таится давний гадкий утенок. Милый и неловкий задрот, которому не удавалось вписаться в компанию, и который, возможно, до сих пор думает, что никуда не вписывается. И это означает, что у нас гораздо больше общего, чем я когда-либо думала.

Не то чтобы наличие общих черт было важно. У того, к кому я не испытываю влечения. С тем, с кем я не хочу переспать. Вообще. Никогда.

Я прочищаю горло и стараюсь выпрямиться на фитболе.

— Итак, необходимость общаться с Мэддоксом тебя беспокоит. Боксёрская груша — это твой способ справиться с раздражением из-за того, что задиры всё ещё на свободе.

Рен поднимает взгляд от своей еды, выглядя удивлённым.

— Среди прочего, да.

— Ну так вот, послушай, — я ломаю печенку с предсказанием пополам и отдаю ему половину. — Если тебе от этого станет лучше, ты посмеялся последним. Мэтт — злобный засранец. У него дерьмовая репутация, и я думаю, что нам придётся заплатить другой команде, чтоб забрали его у нас. А потом посмотри на себя и на то, чего ты добился.

Рен принимает печенку.

— Я не уверен, что понимаю, о чём ты.

Я чуть не выпаливаю прямолинейную реплику о фальшивой скромности, но меня останавливает это новообретённое знание, которое он мне дал: Рен искренне не воспринимает себя так, как воспринимают его все остальные. Он не изображает скромность и не напрашивается на комплименты. Он говорит честно, когда выражает сомнение в себе. Если кто и может понять ситуацию, когда ты видишь себя в одном свете, а тебя воспринимают совершенно иначе, то это аутистичные женщины с их максимально невидимой болезнью.

В моём сердце формируется новая трещинка. Это просто бесстыдство. Никто столь замечательный не должен быть настолько неуверенным в себе.

Я кидаю свою половину печенья в рот и с хрустом жую.

— Рен Рыжий. Ты просто 12 из 10 по любой шкале, изнутри и снаружи. Я готова поспорить, что очередь женщин, ждущих твоего внимания, длиннее очереди за новым айфоном.

— Женщин, которых я не знаю, — сосредоточив внимание на печенке, Рен достаёт бумажку с предсказанием и смотрит на неё.

— Вот для этого и надо выходить в свет, приятель. Чтобы они стали женщинами, которых ты знаешь. Проблема в том, что ты святой. Я вообще никогда не видела тебя с женщиной. Я в курсе, что хоккейные зайки не в твоём вкусе, но в межсезонье ты же позволяешь себе повеселиться, верно? Теперь ты уже не новичок, твоя карьера стабильно налажена, и может, ты готов поискать кого-нибудь, кто подходит для отношений.

— Есть кое-кто, — его глаза пробегаются по бумажке с предсказанием. Он складывает её и убирает в карман.

— И? — настаиваю я.

— И она недоступна в данный момент. Я также не уверен, что она воспринимает меня в таком плане.

— Тогда она тупа как валенок. Двигайся дальше, чувак, это её проблема.

Он качает головой.

— Сейчас не складывается, но может, однажды сложится. Эта недоступность будет не вечной. Когда это закончится, я наберусь храбрости рассказать ей о своих чувствах.

— Она знает, что ты её ждёшь?

И чёрт возьми. Какой парень в наши дни дожидается женщину? Большинство знакомых мне мужчин не обладают терпением для такого старомодного ухаживания. Они даже не могут подождать десять минут в Старбаксе, стоя в очереди за посредственным латте.

Он проводит рукой по бороде.

— Нет. И если я сейчас скажу ей, это поставит её в неловкое положение, и это несправедливо по отношению к ней. Сейчас не лучшее время.

— Ну, добро пожаловать в профессиональный спорт. Время всегда не лучшее для отношений. До самого ухода из спорта будет так. Но с другой стороны, как ты прекрасно знаешь, некоторые из парней блаженно счастливы в отношениях, по крайней мере, до плей-оффа, когда их второй половинкой становится сезон из 80 с лишним игр. Я не хочу показаться слишком циничной. Если кто и сможет выстроить отношения в такой период, то это ты.

Рен хрустит своей печенькой и с любопытством смотрит на меня.

— Я могу подождать. Я ждал уже так долго. Ещё несколько лет меня не убьют.

— Но тебе стоит повеселиться, Зензеро. Оторваться. Парень вроде тебя не должен ждать на обочине.

— Парень вроде меня? — его губы изгибаются в кривой полуулыбке. — Что это значит?

Мой кайф постепенно рассеивается. Я лихорадочно тянусь через стол к рутбирowym мишкам и открываю новый пакет. Потянув одного мишку зубами, пока он не лопнул, я жую и выгадываю себе минуту. Мой лишённый фильтров мозг всё равно побеждает.

— Ты же знаешь, что женщины пускают на тебя слюни.

Он встаёт, затем складывает наши пустые тарелки и миски в раковину.

— Ты не отвечаешь на вопрос.

Я смотрю, как он набирает воду в двойную раковину и добавляет капельку средства для мытья посуды. Этот засранец помоеет мою посуду и тем самым докажет то же, что я собираюсь сказать.

— Чёрт возьми, Бергман, ты же полный комплект. Ты внимательный, талантливый, привлекательный и настоящий джентльмен. Ты просто принц среди мужиков. Ясно?

Рен на мгновение перестаёт мыть. Затем снова начинает отскребать тарелки. Я смотрю, как он ополаскивает посуду и без единого слова расставляет её на стойке для сушки. Наконец, он поворачивается, прислоняется бедром к шкафчику и скрещивает руки на своей широкой груди.

— Ты так думаешь? Или просто говоришь то, что, по твоему мнению, думают другие?

Конечно, я так думаю. Какая женщина в здравом уме посчитает иначе?

Я разрываю ещё одного мишку зубами.

— А это имеет значение?

— Да, — его челюсти сжаты, эти светлые кошачьи глаза напряжённо не отрываются от меня.

Меня охватывает ужас. Боже, я, наверное, до чёртиков пугаю его. Я тут наполовину обдолбанная. Едва одетая. И давно переступила черту профессионального поведения.

— Рен, я... — я нервно сглатываю. — Прости. Я повела разговор в неподобающем направлении. Я изначально-то не имею фильтра в речи, а марихуана совсем не помогает делу. Пожалуйста, игнорируй всё, что я сказала.

Рен подходит ко мне, останавливается у стола, где лежат мишки. Удерживая мой взгляд, он берёт одного из пакетика, зажимает зубами и тянет, пока тот не разрывается пополам. Мой взгляд опускается к его рту.

Иосиф на Можжевельнике. Наблюдение за тем, как Рен разрывает рутбирового мишку, будто лев разрывает свою добычу, превратило мои колени в желе. К счастью, я уже сижу. Ну, прыгаю на фитболе. Я одна из тех людей, которым надо постоянно находиться в движении.

— Ты мне так и не ответила, — говорит он, с громким щелчком размыкая челюсти. — Ого, они такие жёсткие. И для галочки, мы не на работе. Тут нет ничего неподобающего.

Я хватаю горсть мишек и заталкиваю в рот. Будем надеяться, я подавлюсь и потеряю сознание, чтобы мы могли забыть эту позорную ситуацию, в которую я нас загнала.

— О, это неподобающе, — говорю я с отвратительно набитым ртом. — Ты игрок в команде, я менеджер ваших социальных сетей, и неважно, где мы находимся. Я тут сижу в трусиках «Мальчик, который выжил», под кайфом от гашиша, и расспрашиваю тебя о личной жизни. Это настолько неподобающе, что мне почти хочется самой уволиться.

Лицо Рена напрягается от выражения, которое я не могу прочесть.

— Ты не уволишься, Фрэнки. Завтра ты будешь на работе.

— Ну типа, ты прав. Но только потому, что мне нравится медицинская страховка и проживание в умеренном климате. Я буду там при одном условии: больше никаких милых жестов вроде этого, особенно когда я под марихуаной.

Смех Рена звучит так тепло. Он прокатывается по моей коже, отчего волосы на руках и шее сзади встают дыбом. Оттолкнувшись от стола, он подхватывает свои ключи, затем одаривает меня этой легкой, солнечной улыбкой Рена Бергмана.

— Доброй ночи, Фрэнки. Увидимся завтра.

Он уже наполовину миновал коридор, когда я кричу:

— Рен!

Одним плавным движением он снова поворачивается ко мне лицом.

— Да?

Я приказываю своему сердцу прекратить попытки сбежать из моей груди.

— Спасибо.

Снова плавно повернувшись, Рен уходит и закрывает за собой дверь. Только услышав щелчок, с которым заперся замок, я осознаю, как на удивление легко было принимать его в гостях, и мне некомфортно теперь, когда он ушёл.

Это плохо. Очень, очень плохо.

Плейлист: Arcade Fire — Neighborhood #2

— Бергман! — кричит один из парней с кухни. — Я не могу найти медовую горчицу! Я захожу с террасы, неся очередной поднос курицы на гриле.

— Выдвину безумное предположение и скажу, что ты не смотрел в холодильнике. Лин хмурится.

— С чего бы мне это делать?

Поставив поднос на плиту, я распахиваю холодильник и вытаскиваю множество соусов, включая медовую горчицу, и сую ему в руки.

— Вау, — говорит он.

Я похлопываю его по руке.

— У тебя на лбу написано «холостяк», друг мой.

Лин косится на меня.

— Сказал парень, который на женщин вообще не смотрит.

— Я тебя умоляю. Это называется «тактичность». В отличие от тебя, я научился не пускать на них слюни. А когда придёт время остепениться, я даже буду ориентироваться на своей кухне.

Развернув Лина, я подталкиваю его к столу, где расставлена вся еда, затем оглядываю состояние своего дома. Сейчас всё похоже не на тихий оазис у пляжа, а на какую-то студенческую общагу. Меня передёргивает. Как и моя мама, я невротически опрятный человек. Это одна из немногих черт, которые я делю с большинством своих братьев и сестёр, кроме Фрейи и Вигго, которые, как и папа, беззастенчивые неряхи.

Вся команда пришла ко мне домой после тренировки. Я покормлю их, а потом мы сядем на самолёт до Миннесоты и начнём свой первый отрезок выездных игр плей-оффа. Практически все парни живут на Манхэттен-бич, так что для нас вполне обычно собираться здесь, но у данного собрания есть конкретная причина: суеверие.

Два года назад мы кое-как пробрались в плей-офф. Атмосфера была напряжённой, парни ужасно нервничали, и Роб, наш капитан, впервые обратился ко мне за помощью. Тогда меня только-только назначили помощником капитана сразу после завершения моего первого сезона, что стало огромной честью.

— Мне нужно отвлечь парней, — сказал он. — Больше никаких подбадривающих речей или пересмотров записей игр. Помогите мне выгнать их из их мыслей.

Так что я сделал, как он просил. Я пригласил всех к себе, чтобы отвлечься на один вечер.

Всё оказалось... не таким, как они ожидали. Никакого покера. Никакого корнхола. Никаких пацанских игр. Только двадцать две распечатки сцен с ремесленниками из шекспировского «Сна в летнюю ночь» и разнообразный ассортимент шведских закусок.

Я приготовился к скептицизму и неловкому молчанию, потому что это же я, и за свою жизнь я часто сталкивался с таким. Парни держались настороженно, пока не начали есть, а потом буквально пожирать еду, а Роб попросил меня объяснить, что всё это значит, при этом с улыбкой пролистывая страницы.

— Я знаю, что мы все подвержены стрессу, — сказал я команде. — Но мы не просто так

дошли до этого этапа. Мы делали всё, что должны были, и мы продолжим в том же духе. Так что сегодня мы просто выбросим это из головы. Немного отвлечёмся. Развеемся и посмеёмся над собой.

Парни выглядели нервничающими и стесняющимися, пока я назначал роли и объяснял обстановку обеих сцен в пьесе — первая сцена, в которой шестеро умелых ремесленников («грубые механики») решают ввязаться в театральное состязание, проводимое царём Афин, и вторая, в которой они реально играют трагедию, находящуюся совершенно за пределами их понимания, что приводит к комичному результату.

Я понимал, что они настроены настороженно, но если какой Шекспир и сгодится для новичков, то именно такой. Буквально через четыре реплики начался хохот. Ошибки в чтении, фальцетные интонации для женских персонажей, паршивый британский акцент и бесчисленные ошибки произношения. Бесспорно нелепая эксцентрическая комедия развернулась среди нас, пока куча спортсменов интуитивно отыгрывала сценки. Моменты озарения, когда они понимали шутки. В итоге взрослые мужчины докатились аж до слёз, настолько сильно мы ржали.

Тем вечером все хорошо наелись, отвлеклись от стресса и ушли сытыми и счастливыми. Возможно, даже почувствовали себя более комфортно друг с другом в некой новой манере. А потом мы продолжили себе путь из побед до самого Кубка Стэнли.

Таким образом, появился ритуал. Потому что хоккеисты — это поистине одни из самых суеверных спортсменов на свете. Если в вечер накануне своего первого хет-трика они посрут, сидя на унитазах задом наперёд, не сомневайтесь, они будут проворачивать такую фигню перед каждой игрой и даже бровью не поведут.

Мы читали Шекспира перед нашей первой выездной игрой плей-оффа, которая привела к нашему первому за очень долгое время Кубку. Так что теперь мы делаем это каждый раз перед тем, как отправиться в дорогу на первую игру плей-оффа: едим шведскую еду по лучшим рецептам моей мамы и читаем сцены с «грубыми механиками».

— Моро, — Энди тычет Франсуа. — Поменяйся со мной ролями.

— Отъе*ись, — говорит ему Франсуа. — Ты знаешь, как долго я хотел сыграть Фисбу?

Энди дуется.

— Если не считать Хэллоуина, День Грубых Механиков — это единственный день в году, когда мне удаётся одеваться смело и не выслушивать из-за этого всякое дерьмо.

Роб начинает идти вдоль ряда с едой и наполняет тарелку.

— Неправда. В межсезонье ты регулярно наряжаешься не пойми во что, и никто из нас ничего не говорит. То бикини, которое ты носишь на пляже, предназначается для менее волосатых задниц.

— Эй, — Энди сердито смотрит на него. — Это плавки. Они европейские. Девушкам нравится.

Франсуа фыркает.

— Поверь мне, Эндрю. Я европеец. И я, и те девушки, о которых ты говоришь, предпочли бы, чтобы ты вернулся к американским плавкам-шортам.

— Ладно, давайте есть, — зову я тех, кто застрял снаружи или в гостиной.

Парни накидываются на стол, как гиены на труп, быстро опустошая тарелки с едой. Они рассредотачиваются по моей гостиной, которая представляет собой открытое пространство со сводчатым потолком, встроенными книжными шкафами, светлыми сине-зелёными стенами цвета океана снаружи, и дорогим сизо-серым диваном Г-образной формы, который

обрамлѐн приставными столиками середины прошлого века.

Вдобавок тут имеется пара больших кресел цвета слоновой кости и огромный шерстяной ковѐр подходящего оттенка для поглощения звуков. Это моя любимая комната в доме, не считая спальни. У меня было мало пожеланий по декору, так что я позволил своему брату Оливеру выбрать всё за меня. У него намѐтан глаз на подобное, и в итоге он обставил интерьер, который мне очень нравится.

Тут полно места, и парни привыкли устраиваться тут как дома, так что они вплотную рассаживаются на диване и креслах, даже сидят на полу со скрещенными ногами, придвинувшись к журнальному столику.

— Чѐрт, вот умеешь ты готовить, Бергман, — бурчит Роб с набитым ртом.

Я сажусь на последнее свободное место, которое оказывается рядом с ним, и принимаюсь за свою еду.

— Спасибо. Я рад, что тебе нравится.

— Нравится? — он усмехается. — Я бы предпочѐл это вместо любой еды, которую подают в тех вычурных местах, что нравятся Лиз, — спустя несколько секунд, в которые он за три укуса уминает креветочный сэндвич, он наклоняется поближе и понижает голос. — К слову о Лиз. Я хотел спросить, ты не мог бы дать мне пару уроков готовки? Когда сезон закончится, я хочу приготовить жене вкусный ужин, начать делать больше дел по дому. Когда всё закончится, я попрошу родителей забрать детей на несколько дней. Просто чтобы показать ей, как я ценю, что она терпит это безумие.

Я улыбаюсь.

— Конечно. Ты хочешь научиться чему-то конкретному?

— Стейк. Может, ещё грибное ризотто? Она всегда берѐт его, когда мы едим в ресторане, — он смотрит на меня и замечает мою улыбку. — Что? Ты думаешь, это стрѐмно, да?

— Ни в коем разе. Я думаю, именно это парень должен делать для своей второй половинки после того, как она долгое время тащит на себе все домашние дела. Я с радостью помогу.

Прежде чем Роб успеваеt ответить, на кухне раздаѐтся какой-то грохот.

— Чѐрт! — орѐт кто-то. — Ренннннн.

Я стону.

— Они как дети.

— Они хуже, — отвечает Роб. — По крайней мере, хуже, чем мои дети.

Я со вздохом встаю и заталкиваю в рот креветочный сэндвич.

— Иду!

— Эй, — я выхватываю телефон Криса из его рук и сую в свой карман. — Это территория без телефонов. Мы согласились, что все играют лучше всего, когда им не приходится волноваться о том, что они появятся на Твиттере в тоге, восклицая «О голубушка! О дорогуша!»

— Это же золото для шантажа. Нет, платина, — ноет Крис, тщетно кидаясь к моему карману, который теперь вмещает его телефон. — Мне это нужно, Рен.

Я скрещиваю руки на груди.

— Каковы правила театра в этом доме?

Крис дуется.

— Уважать посыл истории. Выставлять своих коллег-актёров в хорошем свете.

Создавать безопасное пространство для представления.

— Спасибо, — я делаю жест Франсуа. — Продолжай, пожалуйста.

— *Merci*, — Франсуа начинает кланяться, но замирает посреди движения и переключается на реверанс. Вот она, истинная приверженность роли. Это момент, когда Пирам и Фисба, любовники, встречающиеся в саду и разлучённые обстоятельствами (несомненно, отсылка к Ромео и Джульетте), сближаются для благопристойного поцелуя.

— Ладно, — Тайлер прочищает горло и поправляет шлем. В этом году он читает Пирама. — *«О ночи тьма! Ночь, что как мрак черна! Ночь, что везде, где дня уж больше нет! О ночь, о ночь! Увы, увы, увы! Боюсь, забыла Фисба свой обет! А ты, Стена...»* — Тайлер осматривается по сторонам. — Где сраная стена?

Вбегает Энди.

— Ему надо было отлить.

Франсуа вздыхает.

Энди подхватывает одеяло с моего дивана, накидывает его на плечи так, чтобы оно ровно свисало, и разводит руки.

— Вот. Извините.

Тайлер поднимает сценарий и находит нужное место.

— *А ты, Стена, любезная Стена, отцов-врагов делящая владенья, Пусть станет мне хоть щель в тебе видна...*

Энди поднимает руку, соединив большой и указательный палец, затем Тайлер продолжает.

— *Для моего предмета лицемерья! Пошли тебе Юпитер благодать! Но ах, увы! Что вижу я сквозь Стену?*

Тайлер скручивает сценарий рулончиком и шлепает Энди по голове. Энди верещит.

— *Стена-злодейка, девы не видать!* — орет Тайлер. — *Будь проклята, Стена, ты за измену!* — произносит он, ударяя Энди ещё несколько раз.

По комнате прокатывается волна хохота. Некоторые из парней свистят и улюлюкают, тогда как Франсуа подходит к накрытой одеялом руке Энди с другой стороны.

— Мэддокс, — Крис кидает подушку ему в голову. — Твоя реплика, засранец.

Мэтт медленно поднимает взгляд от журнала, который листал.

— Простите, а где мы?

Все стонут.

— Зачем ты дал ему Тезея? — шёпотом спрашивает Роб справа от меня.

Я пожимаю плечами.

— Попытка протянуть оливковую ветвь мира. Явно напрасные усилия.

— Надеюсь, его отправят в другую команду, — бурчит Роб. Я держу рот на замке, но Роб знает, что я придерживаюсь того же мнения, и не только я. Мэддокс никому не нравится. Он враждует со всеми нами.

Крис с топотом подходит к Мэтту.

— Я сам прочту, если ты не...

— Я. Это. Сделаю, — Мэтт сердито смотрит на него, затем произносит разочаровывающе монотонным голосом: — *«По-моему, Стена тоже должна напугаться, раз она обладает всеми чувствами».*

Коллективный вздох разочарования. Мне приходится сдерживать смех. Теперь, несколько лет спустя, парни настолько увлечены, что просто выходят из себя, когда кто-то лажает. Тайлер произносит реплику Пирама, а затем настаёт момент Франсуа.

Он читает свои реплики идеально преувеличенным фальцетом с французским акцентом, после чего Тайлер выпячивает губы возле руки Энди, где его большой и указательный палец изображают дырку.

— *Целуй сквозь щель: уста твои так сладки!*

Франсуа наклоняется, чтобы нарочно поцеловать не то место — его следующая реплика должна звучать как «*Целую не уста — дыру в стене!*», но Энди опускает рук, и Тайлер с Франсуа реально встречаются губами.

Вся комната взрывается эхом весёлых воплей. Тайлер сверлит Энди убийственным взглядом. Франсуа хватается Энди за одеяло на шее, и прежде чем я успеваю предотвратить катастрофу, Франсуа валит его на землю. Тайлер присоединяется, и вскоре всё превращается в кучу дерущихся взвинченных хоккеистов.

— Парни! — ору я. Крис проносится мимо меня и бросается в растущую кучу тел. Я роняю голову и вздыхаю. — Ну вот что с ними делать?

Полёт на самолёте проходит нехарактерно тихо. Мы с Робом кое-как разняли людей. Многие всё ещё раздражительные, но некоторым досталось хуже всех. Франсуа не перестаёт хмуриться, а Тайлер, будучи до сих пор в ужасе от поцелуя, постоянно полощет рот водой и сплёвывает в пустой контейнер. Энди получил слегка заслуженный фингал. У Криса разбита губа — поделом ему за то, что с головой сиганул в разгар потасовки. К счастью, побитые хоккеисты ни у кого не вызывают вопросов.

Роб отрубился на соседнем сиденье рядом со мной и храпит. Я держу в руках «Как вам это понравится», потому что это произведение будет следующим в Шекспировском Клубе, и это хорошее отвлечение. Я стараюсь не слишком фокусироваться на Фрэнки, которая сидит напротив и ковыряется в телефоне, пока её ноутбук тоже включён.

Её волосы распущены, тёмные и гладкие, как растопленный горький шоколад. Она в относительно повседневной одежде — чёрные узкие брюки, пушистый серый свитер, похожий на метёлку для смахивания пыли (у Фрейи есть такой нежно-голубой, так что, наверное, они сейчас в моде) и кеды, как всегда чёрно-серебристые. Её трость зажата между её ног, и она тербит пальцами подвески своего ожерелья, глядя то на один экран, то на другой.

Моё и без того слабое сопротивление испаряется, когда я роняю книгу на наколенный столик.

— Замыслишь мировое господство?

Она поднимает взгляд и смотрит мне в глаза. Медленная улыбка согревает её лицо.

— Естественно.

Я чувствую, как к щекам приливает горячий румянец. Слава Богу за бороду плей-оффа, которая несколько скрывает это. Как я могу быть таким спокойным на льду, на пресс-конференциях, перед всеми остальными, но с ней я как краснеющий пацан?

— Ты пялишься на меня, — говорит она.

Я часто моргаю.

— Эм. Я. Что?

Фрэнки смущённо поднимает руку к лицу.

— У меня сахарная пудра на лице или что?

Ранее в полёте мне пришлось старательно не смотреть, как Фрэнки ела мини-пончики в пудре. Я удостоверился, что вовсе не наблюдал, как она облизывает каждый пальчик. И я определённо не опускал столик на колени, чтобы скрыть растущую проблему под ширинкой после того, как каждый длинный палец скрылся у неё во рту, а потом выскользнул обратно с эротичным причмокиванием.

Я наклоняюсь через столик, и Господь точно заботится обо мне. Прямо на её скуле виднеется пятнышко белой пудры. Я его стираю и подавляю желание облизнуть свой палец.

— Всего лишь вот тут.

Её улыбка становится шире, отчего появляется ямочка.

— Спасибо. А теперь почему бы тебе не сказать мне, почему все ведут себя так, будто мы отправляемся в арктический ад, где нам надерут задницы?

— Потому что мы отправляемся в арктический ад, где нам наверняка надерут задницы.

В Сент-Поле, штат Миннесота, сейчас очень холодная для начала апреля погода, и их команда, Уайлд, совсем не шутит в этом году. Вполне высоки шансы, что мы проиграем.

Она приподнимает тёмную изогнутую бровь.

— Серьёзно, вы все такие хмурые. Что случилось? Вы скрылись после тренировки в зале, а потом пришли уже такими. Не думай, будто я не заметила, что в последние годы вы все исчезаете прямо перед нашей первой выездной игрой плей-оффа.

Она постукивает пальцем по губам и щурится. Её ногти, как всегда, покрашены гляцевым чёрным лаком. Мысль о том, как эти ногти будут царапать мой торс, заставляет напрячься всё внизу живота. Ещё никогда я не был так благодарен за самолётные столики, опускающиеся над коленями.

— Это просто маленький ритуал, — наконец, выдавливаю я. — В этом году немножко вышло из-под контроля.

— Дай угадай. Тут как-то замешан Крис. Может, Тайлер, — она понижает голос и наклоняется ближе, пропитывая воздух ароматом своего парфюма. — Определённо Энди.

— Эм, — я сипло сглатываю, стараясь связно мыслить. Но это сложно, когда я так близко к ней. Один лишь её запах путает мои мысли — этот чистый шепоток вечернего воздуха и цветов орхидеи. Я долго не мог сообразить, что именно заставляет Фрэнки пахнуть так приятно. Это сводило меня с ума. И вот прошлым летом, убрав остатки еды и наблюдая через кухонное окно в доме родителей, как садится солнце, я вдруг ощутил запах Фрэнки. Прохладный ветерок подул на пахнувшие вечерами орхидеи, которыми увлеклась моя сестра Зигги, потому что ей было одиноко как последнему ребёнку, оставшемуся дома. Они полностью распустились, такие ароматные. И это был в точности её парфюм. Если бы я закрыл глаза, то мог бы представить, что она стоит рядом.

Если бы.

Фрэнки убирает палец от рта и откидывается обратно на спинку сиденья.

— Хм. Ты хорошо скрываешь вещи, Бергман, тут я отдам тебе должное. Но однажды я выведу правду у одного из вас.

Она понятия не имеет, насколько это вероятно. И как я нервничаю, думая о том, что она скажет, когда правда выплывет на поверхность.

Глава 7. Фрэнки

Плейлист: Gin Wigmore — New Rush

Я не всегда стремилась работать в профессиональном спорте, но всегда любила смотреть матчи. Одни из моих самых драгоценных воспоминаний о папе — это моменты, когда я сидела на его коленях и смотрела игры Метс на нашем крохотном телевизоре. Мы уютно устраивались на диване в нашей квартире в Квинсе, где мы жили с бабулей, и шурились, пытаясь разглядеть мяч, когда Карлос Дельгадо посылал его через всё поле.

Габби и Ма поглядывали с кухни, пока готовили ужин, и мы все орали на экран. Бабуля говорила плохие слова на итальянском, которые заставляли папу зажимать мне уши ладонями, а Ма разражалась завывающим хохотом.

Спорт был интегральным элементом для нашей семьи. Мы с Габби играли в софтбол и баскетбол. Мы ходили на бейсбольные матчи, когда могли себе это позволить. Но только в старших классах я влюбилась в хоккей. Тогдашний бойфренд Габби, а ныне её муж, Тони, дружил с братом одного из игроков и достал нам билеты на игру нью-йоркских «Айслендерс». С той игры я просто помешалась. Этот вид спорта представлял собой грацию и силу, танец проворства и суровой физической дисциплины.

Тогда я поняла, что в некотором роде всегда хотела, чтобы хоккей был частью моей жизни. Я получила образование в сфере цифровых коммуникаций и СМИ, прошла программу для интернов, где меня отправили ни к кому иному, как к самим «Айслендерс» (да, я тоже запаниковала), а потом после выпуска меня перевели на базовую должность ассистента пиарщика при их команде.

Но пока я адаптировалась к реальности жизни с артритом, холодная северо-восточная погода оказалась непригодной для жизни. Когда вакансия моей мечты, расположенная в тёплой Южной Калифорнии, упала мне в руки, я ухватилась за эту возможность и переехала на другой конец страны. И пусть прощаться с Габби и Тони, Ма и бабулей было чертовски больно, я испытала облегчение. Я больше не была обузой или поводом для беспокойства. Я стала лишь еженедельным звонком. Визитом дважды в год, чтобы мы не утратили контакт полностью, и чтобы можно было понадоедать мне напоминаниями о необходимости регулярно проходить рентген-обследования. Когда нас разделила целая страна, я вновь стала для них личностью.

После переезда сюда я завела в ЛА двух подруг, через занятия по водной аэробике и через книжный клуб — их зовут Энни и Лорена. Помимо них, моя семья — это Кингз. Их победы — мои победы, их поражения — мои поражения.

И поэтому каждый раз перед игрой я так же готова обосраться от нервозности, как и парни, наверное.

После очередной вылазки на фарфоровый трон (благодарите за это мой нервный желудок), я направляюсь в одну из тренировочных комнат, зарезервированных для приезжих команд. Все находятся в разной степени физической активности, ещё одетые в футболки, шорты и кеды и разминающие свои тела.

— Франк-Танк! — кричит Энди.

Я отдаю ему честь, затем поворачиваюсь к Тайлеру, который выполняет повороты с утяжелённым мячом в руках.

— Джонсон. Не забудь, что у тебя через полчаса прямая трансляция в инстаграме.

Тайлер широко улыбается.

— Да, мэм.

— Шер, — Крис смотрит на меня, продолжая делать вращения бёдрами. — Будь так добр, прекрати сцепляться с троллями в твиттере. Это ни к чему не приводит, и жители Миннесоты тебя ненавидят.

Он кивает.

— Хорошо, — я поворачиваюсь, делаю шаг, затем застываю, ибо О Скачущий Иосафат, Рен Бергман делает Т-образные отжимания.

Без футболки.

Позвольте, я помогу вам представить это. Вы меня поблагодарите, обещаю. Это обычное отжимание. Только потом он выпрямляет руки и, вместо того чтобы опуститься вниз для очередного повторения, он поднимает руку к потолку, развернувшись в талии. Это выглядит как триконасана, фанаты йоги поймут. Суть в том, что каждая мышца торса, спины, плеч и рук этого мужчины бугрится и сокращается, пока он опускается, поднимается со взмахом, опускается, и снова поднимается со взмахом.

Мой взгляд проходит по его телу, замороженный ритмом его бёдер, которые опускаются, замирают над полом, затем резко взмывают вверх. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Я словно приросла к полу, загнипнотизировавшись. Как я и сказала, я всего несколько раз видела Рена без рубашки. Даже во время тренировок вне льда он всегда скромный и неизменно остаётся в футболке, пока выполняет упражнения.

Сегодня, видимо, день славных исключений.

— Футболку потерял, Зензеро?

Рен замирает посреди отжимания, что совсем не помогает ситуации в моих трусиках, поскольку его абсурдные трицепсы напрягаются вместе с каждой мышцей спины. Сегодня на мне мои счастливые трусы-шортики с Хедвиг, а значит, когда начинает действовать Эффект Рена, любимая ручная сова Гарри словно попадает под проливной дождь.

Наконец, Рен выпрямляется и прыжком встаёт на ноги — легко и непринуждённо, как большой камышовый кот. Схватив лежащее рядом полотенце, он проводит им по лицу и груди, затем поворачивается ко мне лицом. Я опешиваю, взглянув на него. Его глаза остекленели, щёки розоватые. Шагнув ближе, я дотрагиваюсь до его лба, после чего он быстро отстраняется.

— Ты выглядишь дерьмово, — я складываю два плюс два. — Вот почему ты без футболки. Тебе жарко, потому что у тебя поднялась температура.

Рен оборачивается через плечо на остальных парней. Я слишком поздно соображаю, что не действовала скрытно, хотя следовало. Ещё одна деталь, которая даётся мне не очень хорошо: почувствовать в ходе разговора, когда надо вести себя деликатно и тихо.

— Я в порядке, — мягко отвечает он.

— Не в порядке, — когда я снова тянусь к нему, он отстраняется.

— Если я не в порядке, ты не должна меня трогать. Я могу тебя заразить.

— Ты меня не заразишь, — моё нутро сжимается от беспокойства. Я хочу замотать его в холодные полотенца, осыпать мороженым и затолкать его задницу в гостиничную кровать.

— Твои лекарства, Фрэнки. Они ослабляют иммунную систему.

— Откуда ты знаешь?

Он моргает.

— Это общеизвестный факт.

— Нет, неправда.

Рен переступает с ноги на ногу и скрещивает руки.

— Фрэнки. Мой папа — доктор. Моя старшая сестра — физиотерапевт. Один из моих братьев готовится к поступлению в медицинский. Мне приходится сидеть на семейных ужинах и слушать, как они нудят об анатомии, последних методах терапии и фармакопеи. Я знаю, что большинство лекарств от ревматоидного артрита работает посредством подавления иммунной системы, а значит, ты легко можешь заболеть.

Я смотрю на него, чувствуя, как сердце опять делает кульбит в груди. Совсем как в тот вечер, когда он подарил мне блузу.

— Возвращаемся к изначальной теме, — Рен прочищает горло и бросает на меня суровый взгляд. — Тебе надо держаться подальше. Достаточно плохо то, что мы летели на одном самолёте, и ты дышала моими микробами в этом ужасном циркулирующем воздухе...

— Я в порядке, — говорю я ему. — Каждое утро я принимаю самую огромную дозу витаминов в мире. Я мою руки как одержимая. Со мной всё будет хорошо. Но ты. Ты выглядишь как подогретая какашка. Скажи тренеру, что не будешь играть.

Он сухо смеётся, отодвигаясь ещё дальше и понижая голос.

— Смешная ты. Я буду играть. Держись от меня в трёх-четырёх метрах, Фрэнки. Я серьёзно. Если я тебя заражу, я буду очень ворчливым.

— Это не угроза, Бергман. Я бы заплатила большие деньги, чтобы увидеть тебя ворчливым.

Он щурит свои кошачьи глаза, глядя на меня.

— Ладно, — бурчу я. — Но потом я натравлю на тебя Ховард.

Доктор Эми Ховард — это наш главный врач команды, и она путешествует с нами. Она никому ничего не спускает с рук, и я её обожаю. Если она решит, что Рен болен, она без проблем не допустит его задницу до следующей игры.

— Даже не думай об этом, — отвечает он. — Я сам поговорю с ней после игры, ладно?

Я хмуро смотрю на него.

— Ладно.

Рен — просто чёртова машина, особенно для того, кто горит от лихорадки. Он уже забил в первом периоде и выглядит готовым забить ещё раз, когда начинается второй. Я, как обычно, брожу недалеко от скамейки запасных, ловлю кадры на телефон, строчу твиты, делаю публикации в инстаграм, взаимодействую в реальном времени с фанатами и упоминаю их посты в своих публикациях, но мой взгляд не отрывается от Рена, насколько это возможно, и от других игроков, конечно же.

Рен бросается за защитником Уайлда. Как раз в тот момент, когда он легко мог бы толкнуть парня в бортик, Рен вместо этого проворно перехватывает шайбу и проскальзывает мимо, пока та будто приклеилась к его клюшке. В этом вся суть Рена. Элегантный. Стратегически мыслящий. Надёжный. Не поймите неправильно, я видела, как он вышибал весь дух из противника, впечатав того в бортик. Я видела, как он толкался и откидывал других хоккеистов плечом. Но он никогда не стремится к агрессии намеренно. Он никогда не выходит на лёд как мужчина, которому надо что-то доказать. Он просто играет. Красиво.

Из всех парней в команде Рен всегда в наибольшей степени пользовался моим

яркие рыжевато-блондинистые волосы вытуют под шлемом, борода сияет медными оттенками под маской, и прямо перед падением шайбы Рен переводит на меня взгляд этих льдистых глаз и улыбается.

Прилив тепла охватывает моё тело, выжигая тот холодок, который всегда просачивается под одежду, когда я на арене.

«Ничего подобного, Франческа. Не выискивай в этом что-то, чего тут нет. Он улыбается всем».

Но улыбается ли он им вот так? Крохотная, возмутительная часть меня надеется, что нет.

Я отвлекаю себя от этих небезопасных мыслей, публикуя в твиттере видео с голом Рена, добавляя коротенькую подпись и релевантные хэштеги. Когда я поднимаю взгляд, Лин трудится над перехватом шайбы и посылает её Тайлеру. Тайлер перебрасывает её Рену, который бросается к центру, делает обманный манёвр, затем пасует влево Крису. Номер 27, который всю игру не оставлял Рена в покое, летит к Рену сзади, и мне приходится сдержаться, чтобы не заорать «Берегись!».

Подняв клюшку, 27-й наносит Рену бругальный удар сзади. Рен отлетает вперёд и врезается в бортик, его голова встречается с плексигласовым стеклом и отскакивает назад. Это движение выглядит слишком свободным и неконтролируемым, по моему мнению. Я ахаю, когда он падает на лёд, будто срубленное дерево.

Большая часть толпы издает недовольное «бууу», раздаётся свисток. Тренер и половина команды орут, и этот звук приглушается моими берушами, доносясь будто из далекого туннеля.

— Удар не по правилам!

— Опасная игра!

— Вышвырнуть его!

Шум стихает ещё сильнее, и я слышу только биение собственного сердца. Мои ногти впиваются в ладони, пока я смотрю на неподвижное тело Рена. Тревожность, моя старая подруга, мурашками поднимается по спине, отчего мои колени слабеют. Я опускаюсь на край скамейки, мой взгляд не отрывается от Рена.

Моё дыхание эхом отдаётся в ушах. Я практикую дыхание йогов — протяжные, медленные вдохи и выдохи через нос. Лихорадочное биение сердца относительно замедляется, но мои руки сильно трясутся. Я зажимаю их между коленями и снова сосредотачиваюсь на дыхании.

Он в порядке. С ним всё будет хорошо.

За тревогой следует злость, охватывающая мой организм. Я сжимаю телефон, пока что скверным образом игнорируя мою работу. Я не хочу писать твиты или успокаивать фанатов. Я хочу выбежать на лёд и вмазать этому 27-му по лицу.

Рефери склонился над Реном, который всё ещё в отключке, его тело беспомощно распласталось, рука торчит под неестественным углом. Эми выходит на лёд и вскоре тоже нависает над ним. Он не шевелится. Нет ни вдоха облегчения, ни признаков сознания. Лишь звенящая, пугающая тишина.

Затем появляется штука, видеть которую мне ненавистно. Каталка на колёсиках. Медики выходят шаркающими шагами, быстро фиксируют шею Рена, не снимая его шлем, и аккуратно перекладывают его массивное тело на носилки. Все на арене встают и хлопают в ладоши, пока его увозят. Пока Эми идёт рядом с ним, я вижу, что его глаза закрыты, рот

слегка приоткрыт. Я вытираю нос и чувствую влагу на щеках. Облизнув губы, я замечаю соленый привкус.

Долбаные рыбные палочки. Я плачу. Я никогда не плачу. Ну, не часто. И только не на публике.

Энди мягко похлопывает меня по плечу, и я вытаскиваю одну берушу.

— Что? — резко спрашиваю я.

Он привык к моим колючим манерам, так что просто ещё раз хлопает по плечу и говорит:

— Не волнуйся, Фрэнки. Рен несокрушимый. С ним всё будет хорошо.

Я смотрю, как коньки Рена скрываются из виду, пока его увозят на каталке.

— Надеюсь.

Я первая признаю, что на протяжении остальной части игры я дерьмово выполняю свою работу в социальных сетях. Я отвлекаюсь, мои пальцы работают медленнее обычного. Я постоянно лажаю с твитами, фотки получаются дерьмовыми. Я использую не те хэштеги, то и дело надеюсь, что Эми выйдет и положит конец моим тревогам, пока я не заработала себе язву.

Этого не случается.

Пусть я беспокоюсь о Рене, это не первый мой сезон в профессиональном хоккее, так что я понимаю — скорее всего, с ним всё будет хорошо. Если бы случилось немыслимое, я бы уже узнала. Я утешаю себя этой крупницей здравого смысла, сосредотачиваясь на необходимых действиях после игры. Мы победили, но только благодаря тем голам, что подарил нам Рен.

— Фрэнки, — зовёт Роб со стороны раздевалки.

Я лавирую между парнями, стараясь не зацепиться тростью за шнурки коньков или одежду. Добравшись до Роба, я уже запыхалась от волнения. Дело должно быть в Рене. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Да?

— Он очнулся, — говорит Роб.

— Сотрясение?

Он вздыхает.

— Похоже на то, да.

— Чёрт, — это означает, что Рен не сможет участвовать минимум в нескольких следующих играх.

— Плечо тоже повредил, но он в порядке.

— Плечо? Ему нужна операция? Он...

— Эй. Сделай глубокий вдох. Он в порядке, — Роб мягко сжимает мою руку. — Видишь? За этим ворчливым фасадом скрывается мягкое сердце, которое переживает за нас.

Я мрачно смотрю на него.

— Не распускай слухи.

Роб широко улыбается.

— Твой секрет в безопасности со мной, — когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, Роб меня останавливает. — Вообще-то я окликнул тебя, потому что он попросил тебя позвать.

— Что?

Рен просил меня позвать?

— Просто иди и навести его. Сделай парню поблажку. Он с Эми и просто комично

дезориентирован.

— Как-то это не успокаивает.

Он усмехается, стягивая свой хоккейный свитер.

— Иди. Он всегда так хорошо себя ведёт. Поэтому Рен без фильтров — это редкое зрелище. Ты должна меня поблагодарить.

Ворча, я иду по коридору, делаю несколько поворотов и нахожу нужное помещение. Рен расположился на койке с приподнятым изголовьем, и к его руке подсоединена капельница — надеюсь, просто с солевым раствором. Эми болтает с тренером. Они не замечают, когда я вхожу. Но Рен замечает.

— Франческа, — он одаривает меня большой, широкой улыбкой. Типа, неестественно широкой придурковатой улыбкой. Подняв ту руку, что не на перевязи, он машет.

Ладненько. В этой капельнице явно есть что-то более забористое.

— Франческа, — повторяет он, следя за мной глазами, пока я подхожу к нему. Никому не хватает наглости называть меня по полному имени. Я предельно ясно дала понять всем, что меня зовут Фрэнки. Но если кому и сойдёт такое с рук, так это бредящему Рену после сотрясения. Помогает и то, что я могу в отместку использовать его полное имя.

— Сорен.

Боже, я обожаю его имя. Оно ещё более шведское, чем Икея. Забавный факт — написание у него на самом деле датское. Я любитель иностранных языков и лингвистики (это моё особенное увлечение), и потому я знаю, что буквы ø из имени Søren нет в шведском алфавите. В одном из множества наших перелётов Рен рассказал мне, что варианты написания его имени вызывали много споров. Его мать-шведка предпочитает Sören, а его отец-американец с его любовью к датскому философу Сорену Кьеркегору — Søren.

Само собой, ни у кого не возникает вопросов, откуда взялось занудство Рена. Процесс выбора имени для него включал теолога-экзистенциалиста и дебаты на нескольких языках. Я практически уверена, что мои родители наобум вытащили из шапки бумажку с итальянским именем и швырнули ей в меня.

— Потрепало тебя, да? — спрашиваю я.

Его глаза блуждают по моему лицу.

— Ага. Но я не описался и помню свой день рождения, так что Эми сказала, что всё будет пучком.

Услышав своё имя, Эми прерывает разговор с тренером и улыбается Рену.

— О, сейчас он в редком состоянии. Пришлось дать ему оксикодон из-за плеча.

— Никаких социальных сетей! — предостерегает тренер.

Я поднимаю руки, демонстрируя свою невинность.

— Никаких камер в пределах видимости, обещаю, — я кошусь на Рена. — Тебе понадобилось наркотическое обезболивающее из-за ушиба плеча?

— Сжался над ним, — мягко говорит Эми. — Сустав слегка отошёл, и это ужасно больно, — она наклоняется и широко улыбается. — А ещё он потерял сознание, когда я подсоединяла капельницу.

— Вау, Иуда, — он шурит глаза, глядя на неё, затем поворачивается обратно ко мне. — Ученые доказали, что рыжим нужны более сильные дозы обезболивающих препаратов, Франческа. Мы чувствительные.

— Я просто дразню тебя, Рен Рыжий. Я вообще не представляю себе, насколько это больно. Этот удар был опасно подлым.

Тренер хмыкает в знак согласия и пьёт воду из бутылки.

— Хрень полная. Рад, что его вышвырнули, — похлопав Рена по здоровому плечу, он бросает бутылку в корзину для перерабатываемого пластика. — Пора собрать парней. Отдыхай, Бергман. Ты справился отлично, как всегда.

— Спасибо, тренер.

Когда дверь захлопывается, Рен внезапно хватается мою ладонь, мягко сжимая её пальцами.

— Франческа, обрати внимание. Это важно.

Он сейчас как ребёнок. С широко раскрытыми глазами и до невозможности искренний. Я позволяю себе посмотреть ему в лицо, зная, что он наверняка не вспомнит этого. Прикосновение его руки к моей странно знакомое. Его ладонь тёплая и тяжёлая, шершавые мозоли приятно успокаивают мою кожу.

— Тебе надо эту масочную штуковину. У меня температура. И я продолжаю тебя трогать. И дышать возле тебя. Доктор Эми! — ревёт он во всю глотку.

— Рен, — она смеётся. — Я тут, приятель. Что такое?

— Это, тут, Франческа... — он хмурится. — Ааа, я сейчас не могу вспомнить слово. Но это означает, что её лекарства делают её тело очень дружелюбным к микробам. Ей нужно что-нибудь, чтобы защитить её от моей чумы.

Эми улыбается мне, затем обращается к Рену.

— Это очень заботливо с твоей стороны, но я уверена, что твоя высокая температура не имеет никакого отношения к чуме. Осматривая тебя, я заметила признаки инфекции носовых пазух. Помнишь, я говорила, что дам тебе антибиотики?

Он таращится на неё.

— Не помню.

Она похлопывает его по здоровой руке.

— Это потому что ты знатно приложился головой. Ты сказал, что не так давно переболел простудой, а я тебе ответила, что из-за этого у тебя, похоже, развилась вторичная инфекция в носовых пазухах. Поэтому у тебя поднялась температура.

Он смотрит на неё, прикрыв один глаз.

— А вы можете перейти на слова попроще? Я что-то не соображаю.

— Я хотела сказать, — мягко поясняет она, — что ты не заразен. Ты не заразишь Фрэнки.

— О, хорошо, — Рен вздыхает и позволяет своим глазам закрыться. — Значит, она может и дальше держать меня за руку, и я не заражу её чумой.

— Мне всё равно лучше уйти, — говорю я ему. — Тебе пора поспать, Зензеро, — я медленно начинаю убирать руку, но Рен вцепляется в неё, и его глаза распахиваются.

— Вот оно. Вот что я хотел у тебя спросить, — он пытается сесть и падает обратно, морщась. — А вот про плечо забыл, — стонет он.

— Полегче. Ты же знаешь, что я всегда поблизости. Мы можем поговорить завтра.

— Нет, — он серьёзно смотрит на меня. — Мне надо это знать. Что значит «зензеро»?

Горячий румянец приливает к моим щекам. Я смущенно откашливаюсь. Эми у двери ковыряется в телефоне, и она совершенно точно в пределах слышимости. Мне меньше всего надо, чтобы она меня подкалывала этим.

— Ну, это глупо, — говорю я, понижая голос. — Это просто итальянская ерунда.

— Ерунда, — он хмурится. — Ты называешь меня ерундой?

— Чёрт возьми, Бергман. Нет, — шепчу я. — Это слово означает «имбирь», ясно? Потому что ты... — я машу рукой, указывая на его лицо в целом. — Ты рыжий⁴. Это мило.

Улыбка Рена такая ослепительная, что её мощностью можно было бы ослепить целый квартал города. Он вытягивает шею, чтобы посмотреть на Эми.

— Слышала это, доктор Эми? Она считает меня милым.

Но прежде чем я успеваю сказать хоть слово в свою защиту, он с мягким вздохом закрывает глаза и вырубается, крепко держа меня за руку.

Глава 8. Фрэнки

Плейлист: Lisa Hannigan — Undertow

Если Рен и запомнил наш разговор по душам под наркотиками, то никак не выдал. За завтраком в отеле следующим утром он одарил меня стандартной дружелюбной улыбкой, а потом обращался со мной как обычно. Как с женщиной, с которой он работает. Не как с женщиной, которую он называл Франческой и держал за руку, пока не погрузился в беспокойный сон.

И меня это устраивает. Если честно, даже легче, что он не помнит. Если бы он помнил, то я уже представляю себе его острое смущение, свирепый румянец, раскаяние, пропитывающее его извинения, хотя его действия показались мне забавными и странно очаровательными.

Сидя на самолёте после проигрыша во второй игре, к сожалению (неудивительно, поскольку мы играли без Рена), я уткнулась носом в работу и избегаю разговоров с кем-либо. Если я не смотрю в телефон или ноутбук, то мои глаза продолжают упрямо устремляться к тому месту, где сидит Рен, листаящий маленькую книгу в мягкой обложке. Я на 99 % уверена, что это Шекспир... зануда.

Чёрт возьми. Вот почему нельзя размывать границы, нельзя пересекать черту. Всего несколько нестандартных взаимодействий с ним, и теперь всякий раз, когда я рядом с Реном, у меня под кожей тлеют странные ощущения. Когда я видела его вчера на игре, в угольно-сером костюме, и заметила, как от этого его глаза сделались цвета мокрого от дождя сланца... когда я наблюдала, как он разговаривает с товарищами по команде, отдавая им всю свою сосредоточенность и широкие улыбки... мой живот скручивало свирепыми узлами.

Как только я уселась в самолёте, у меня перехватило дыхание, когда Рен прошёл мимо меня и оставил после себя шлейф знакомого, чистого и терпкого запаха. От этого у меня выступили слюнки. Это случилось не впервые, но раньше я списывала это на то, что запах поразительно приятный. Этот парень умеет выбирать туалетную воду. И что с того?

Что с того? А то, что когда я вдохнула его запах в этот раз, моё тело так отчаянно среагировало забытыми местами, что я едва не отвесила себе пощёчину. А потом принялась за работу.

Полёт проходит не самым гладким образом, и сосредоточиться на работе сложно. Дважды, поднимая взгляд, я готова была поклясться, что Рен буквально секунду назад уткнулся обратно в книжку. А теперь он замечает, как я за ним наблюдаю. Этот светлый кошачий взгляд поднимается от страницы и встречается с моим. Моё дыхание застревает в горле.

Я моргаю и отворачиваюсь.

Это что такое?

Изжога. Вот что это. Я съела на ужин острый ролл с тунцом, и это было прямо перед взлётом. Я тру свою грудь, пытаюсь прогнать это горячее, тугое, жгучее ощущение. Уф. Больше никаких роллов с тунцом.

Опустив голову обратно к ноутбуку даже после того, как пришлось закрыть его перед посадкой, я не поднимаю глаз, пока шасси не встречается с полосой в толчке, от которого у

меня дребезжат кости. Я снова в безопасности, заземлена на земле и в реальности.

Игрок. Сотрудница. И «никогда эти двое не встретятся».

Да. Рен тут не единственный задрот литературы.

Может, я и не увлекаюсь Шекспиром так сильно, как Сорен, но я люблю книги. Они — один из самых жизненно важных инструментов в моём распоряжении, чтобы разбираться в человеческом поведении и изучать свои чувства касаясь тех элементов жизни, которые вызывают наибольшее смущение. Книги помогают почувствовать более тесный контакт с миром, осмыслить который иногда так сложно. Книги терпеливы. Они не смеются надо мной. Они не спрашивают, почему я «всегда» хмурюсь или почему я не могу сидеть спокойно. Книги с гостеприимством приветствуют меня, мои странности и все остальное, принимают меня такой, какая я есть.

После жёсткой посадки мы сходим с самолёта и направляемся в автобус, который отвезёт нас в «Тойота Спортс Центр», наше заведение для тренировок. Сидя одна, я включаю телефон и вижу сообщение от Энни.

«Самый неудачный момент, но я в больнице. Не могу понять, то ли это преждевременные роды, то ли ложная тревога. Я бы сказала Тиму оставить меня здесь и съездить за тобой, но я думаю, он за такое разведётся со мной. Мне ТАК жаль. Можешь позвонить мне, когда приземлишься? Я чувствую себя ужасно. Я знаю, тебе не нравится ловить такси в такое позднее время».

Чёрт. Я беспокоюсь об Энни. И я беспокоюсь о том, как теперь добираться домой. Потому что Энни права. Меня ужасно нервируют поздние поездки в такси, когда за рулём незнакомый чувак.

Может, во мне говорит жительница Нью-Йорка, но я осторожна в том, в какие ситуации я себя помещаю. У меня есть гордость, да, и мне не нравится, когда со мной сюсюкаются, но в то же время я практичная женщина. Я могу признать, что моя способность защитить себя объективно слабее, чем у женщины, чьи руки и ноги двигаются более охотно.

Перед нашим отбытием в Сент-Пол моя машина чудила, и пришлось снова отвезти её в мастерскую, так что Энни и Тим предложили подвезти меня, когда я прилечу. У другой моей подруги Лорены нет машины, так что я не могу попросить её приехать. А это означает, что теперь, когда Энни не сможет приехать, я в заднице.

— Всё в порядке?

Я подпрыгиваю на сиденье при звуках голоса Рена и роняю телефон. Он с тошнотворным хрустом падает на пол автобуса.

— Треклятье! — Рен наклоняется и подбирает его.

— Ты только что выругался по-шекспировски...?

— Давай двинемся дальше и притворимся, будто я этого не делал, — щёки Рена ярко-красные. Перевернув телефон и вздохнув с облегчением, Рен возвращает мне гаджет, демонстрируя, что экран каким-то образом пережил падение. — Прости, что напугал.

— Ничего страшного, — когда я беру телефон, наши пальцы соприкасаются, и искра электричества пробегает по моей коже. Я ахаю, мои губы хмуро поджимаются. Когда что-то застаёт меня врасплох, я выгляжу убийственно хмурой, поскольку если большинство людей лишь слегка пугается, то я едва не выпрыгиваю из собственной шкуры, адреналин затапливает мой организм, и мне хочется лишь свернуться в позе эмбриона. Это нервирует и смущает.

— Ты в порядке? — спрашивает Рен.

— Нормально, — я сжимаю кулак и разжимаю обратно. Моя рука дрожит. — Тебе это ничего не сделало?

Он пожимает плечами.

— Я ощутил разряд. Но я ожидал этого.

«Ожидал этого». Что это вообще означает?

Рен не сводит с меня глаз, лёгкая улыбка сменяется обеспокоенно нахмуренной гримасой.

— Ты не выглядишь нормально. Что случилось?

Я кошусь на телефон, глядя на сообщение Энни.

— Меня не смогут подвезти домой. Я брызга, когда дело касается перемен в планах, но ничего страшного. Я разберусь.

— Давай я тебя подвезу, — видя моё обеспокоенное выражение, он легонько пихает моё бедро. — Ты уже бывала в минивэне. Ты знаешь, как там круто. Как ты можешь отказаться?

Его взгляд удерживает мой, та лёгкая, нежная улыбка никуда не уходит. Что-то говорит мне, что сесть в тот фургон с Реном наедине — это напрашиваться на проблемы. Но по сравнению с поздней поездкой в такси, где за рулём может оказаться убийца с фетишем на трости (смейтесь сколько хотите, но статистически такая вероятность существует, и я не хочу рисковать, даже если шансы малы)... этого недостаточно, чтобы отпугнуть меня.

— Ладно, — говорю я ему. — Спасибо.

Улыбка Рена становится шире, после чего он берёт выражение лица под контроль.

— Круто, — он поднимает книгу и не говорит больше ни слова.

Когда наш автобус останавливается возле тренировочного заведения, Рен встаёт и потягивается. От этого его бедра оказываются на уровне моих глаз, и слишком легко представить его не просто без футболки... бледная кожа, лёгкая дорожка волосков, уходящая вниз по животу...

Я резко отворачиваюсь, когда щёки заливают жаром. Повозившись и засунув телефон в сумку, я поднимаюсь с сиденья, подавляя желание застонать от дискомфорта. Мои суставы буквально скрипят, когда я выпрямляюсь, и процесс занимает дольше времени, чем должен был. Повесив сумку на плечо и полностью выпрямившись, я замечаю, что Рен расположился чуть позади нашего ряда сидений, упёрся руками в спинки сидений с обеих сторон и тем самым перегородил ряд, пока я не соберусь.

Половина парней стоит позади него, уткнувшись в телефоны и держа небольшие сумки ручной клади на плечах. Они ждут.

— Извините! — кричу я. — Бабуля Фрэнки очень медленная.

По автобусу разносится хор разномастных «Да всё норм, Фрэнки». Не спеша, я спускаюсь по дурацким крутым ступеням автобуса, выхожу на тёплый калифорнийский воздух и втягиваю большой глубокий вдох.

Внезапно груз покидает моё плечо. Я разеваю рот, наблюдая, как Рен проворно вешает мою сумку на своё плечо, и он волочит не только свою экипировку (да, этот мужчина настаивает, что сам будет носить экипировку, и не позволяет низшим ассистентам таскать его вещи), но и наши оба чемодана, и всё это одной здоровой рукой.

— Я чувствую себя слегка бесполезной, — кричу я ему вслед. — И ты должен беречь плечо.

Рен улыбается мне.

— С моим плечом всё в порядке. Кроме того, мне неймётся. Мне пришлось сидеть на

попе ровно и смотреть игру. Просто пользуюсь возможностью получить полезную нагрузку.

Игнорируя возможность оставить часть вещей в здании, Рен достаёт ключи, и багажник фургона открывается с бодреньким сигналом. Аккуратно сложив наш багаж, Рен подходит к моей стороне, открывает для меня дверь и ждёт, пока я заберусь на сиденье и пристегнусь. Моя сумка с ноутбуком аккуратно устроена у моих ног, и только потом он закрывает мою дверцу и бежит к своей стороне.

Наше тренировочное учреждение находится в Эль Сегундо — десять минут езды до моего съёмного бунгало в Хоторне, что в противоположной стороне от дома Рена на Манхэттен-бич. Я чувствую себя виноватой из-за того, что утруждаю его необходимостью подвозить меня, но безопасная поездка до дома стоит того, чтобы проглотить гордость.

Прежде чем тронуться с места, Рен включает радио и выбирает радиостанцию с тихой, но мелодичной музыкой. Гитары, скрипки, может, даже укулеле. Голос певца звучит нежно и мягко. Это расслабляет. Я сдерживаю вздох, устраиваясь на кожаной обивке мягкого сиденья и приоткрываю окно со своей стороны, надеясь, что это выведет меня из мечтательного ступора, в который меня вгоняет его машина.

— Можешь поменять музыку, если хочешь, — Рен аккуратно наблюдает за дорогой, затем вливается в движение.

— Мне нравится. Но спасибо.

Он кивает и сосредотачивается на дороге. Рен до абсурда правильно выглядит за рулем минивэна. Я могу представить его через несколько лет, также за рулём, чуть больше морщинок в уголках глаз и обручальное кольцо на безымянном пальце. Возит детей на футбол, передаёт на заднее сиденье крекеры и сок, громко подпевает диснеевским песням. А потом я по глупости представляю себя на соседнем сиденье, каким-то образом вписываясь в эту картину.

«Ну серьёзно, Франческа».

Отведя глаза, я сосредотачиваюсь на окне. После долгого комфортного молчания я прочищаю горло и говорю Рену:

— Ещё раз спасибо, что подвозишь. Прости, что тебе приходится ехать в противоположную сторону.

— Никаких проблем, Фрэнки. Я всегда рад подвезти тебя до дома, — он сворачивает с бульвара Эль Сегундо на Инглвуд.

Через несколько минут мы сворачиваем к моему дому, и Рен выгружает мои вещи, тогда как я выуживаю ключи из сумки и подхожу к двери. Сначала я вставляю ключ в замок-засов и застываю, когда при повороте не чувствую, как засов отходит в сторону. Он не заперт. Я пробую дверную ручку. Этот замок тоже не заперт.

— Что такое? — Рен аккуратно ставит мой чемодан между нами.

— Моя дверь... — слова звучат хрипло и тоненько. — Моя дверь не заперта.

— Фрэнки, — спешка в голосе Рена заставляет меня вскинуть голову и осознать, что он подхватывает меня, легко держа всё моё тело одной рукой... срань господня... а другой несёт мой чемодан.

Я оказываюсь засунутой в минивэн, Рен бежит к другой стороне и быстро отъезжает дальше по дороге, затем паркуется и берёт телефон. Я смотрю, как его пальцы набирают 911.

— Ч-что ты делаешь? — спрашиваю я у него.

Рен смотрит на меня, пока идут гудки.

— Звоню в полицию. Большая часть агрессии при грабеже случается при взломе с

проникновением, когда владелец дома застаёт грабителей на месте. Если там кто-то до сих пор есть... Здравствуйте, да...

Я смотрю, как Рен спокойно разговаривает тем собранным, ровным голосом, который он использует на льду... который он использовал с Мэддоксом, когда тот напился и начал чудить со мной.

Меня всегда завораживает наблюдение за тем, как люди вроде Рена ведут себя в кризисные моменты. Люди, чья реакция на стресс не сводится к отключению самой их способности функционировать. Рен — парень, который думает аналитически и остаётся собранным, когда весь мир вокруг горит. А я та, кто опускается на пол и забывает, как дышать.

Он называет им мой адрес, объясняет положение дел. Я должна помогать. Говорить. Что-то делать, чтобы взять ситуацию под контроль. Но вместо этого я сижу там и смотрю на дорогу к моему маленькому съёмному бунгалу, над которым я так старательно трудилась, чтобы сделать его домом. Туда вломились. Вторглись.

Холодное онемение расходится по моему телу.

Голос Рена прокатывается по мне подобно тёплому ветерку, который выдерживает меня из ледяного шока.

— Фрэнки. Полиция уже в пути. Всё будет хорошо. У тебя есть номер твоего арендодателя?

Я киваю. Но как будто не могу пошевелить руками, чтобы найти телефон. Рен аккуратно наклоняется и извлекает мой телефон из сумки.

— Как его зовут?

— Майк Уильямс, — шепчу я.

Рен находит нужный контент, медленно открывает дверцу со своей стороны и стоит возле минивэна, не отрывая взгляда от бунгалу. Он открывает окно опущенным, чтобы поступал воздух, так что я слышала бы разговор, если бы могла за ним уследить. Но постепенно рёв громче волн Тихого океана заглушает всё в моих ушах. На глаза наворачиваются слёзы.

Это один из тех крохотных моментов, когда тоска по моему папе особенно острая и неожиданная. Он умер, когда мне было двенадцать. Сейчас мне двадцать шесть. Без него я жила дольше, чем с ним, так почему, после стольких лет безотцовщины, я чувствую себя так, будто сейчас отдала бы всё, чтобы ощутить безопасность его крепких объятий и услышать его хриплый голос, успокаивающий меня?

Супер. Теперь я плачу. А я не плачу перед другими. Потому что с тех пор, как я переехала в Калифорнию и осознала, что у меня есть шанс переписать сценарий того, как люди будут воспринимать хромую аутистку, проект «Сделать Фрэнки Крутышкой» состоит из непроницаемого холодного фасада. Теперь я плачу лишь в уединении.

Я плачу в миску с мороженым с 24 по 29 дни моего менструального цикла. Я плачу, смотря те телешоу, где они строят дома для людей в тяжёлой жизненной ситуации. Я плачу в отеле на каждой выездной игре, когда вижу ту рекламу приюта, потому что скучаю по своей собаке, которая остаётся с тётей Лореной, пока мамочка путешествует, и я хочу полный дом котиков, и моё бунгалу, которое было более-менее доступным по цене, близким и к тренировочному заведению, и к арене, было идеальным за исключением одной маленькой детали («никаких кошек!»), так что я не могу быть кошатницей, которой всегда хотела быть, а теперь кажется, будто мой дом вообще не безопасен и...

— Фрэнки, — Рен распахивает дверцу, плюхается на водительское сиденье, затем бросается через консоль и обнимает меня. — Эй. Шшш, всё хорошо. С тобой всё хорошо. Мы со всем разберёмся.

Теперь я не просто плачу на публике, я ещё и рыдаю. К тому же, в объятиях Рена Бергмана, размазывая сопли и слёзы по всему его красивому костюму и комкая в кулаке его мягкую голубую рубашку так крепко, как только позволяют мне мои ноющие пальцы.

Вы когда-нибудь начинали плакать из-за одного и осознавали, что продолжаете плакать уже из-за кучи других вещей, когда уже совсем разрыдались? Со мной иногда так бывает. Именно это происходит в данный момент.

Я плачу, потому что уже скучаю по ощущению безопасности в моём доме. Плачу, потому что мне больно, и я устала от боли. Плачу, потому что когда случается всякое дерьмо, я хочу к моей сестре, маме, бабушке, а они вообще на другом конце страны. Плачу, потому что мне нужен мой папа, а его здесь нет и никогда не будет. Плачу, потому что скучаю по своей собаке. Плачу, потому что взлом с проникновением пугает меня и заставляет чувствовать себя уязвимой, а я очень усердно тружусь, чтобы не чувствовать себя так.

— Фрэнки, — Рен прижимается щекой к моей макушке и крепко обнимает. — Можешь сделать глубокий вдох?

Я вдыхаю, затем долго и прерывисто выдыхаю.

— Хорошо, — мягко говорит он. — А теперь ещё раз?

Я делаю ещё один медленный и успокаивающий вдох. И ещё один. И ещё. Пока моё дыхание не выравнивается, а слёзы уже беззвучно катятся по щекам. В какой-то момент моего нервного срыва Рен начал гладить меня по спине медленными, успокаивающими круговыми движениями. Я вздыхаю и прислоняюсь к нему.

— Я позвонил твоему арендодателю, — говорит Рен. — Он пообщается с полицией, проследит, чтобы они вновь сделали это жильё безопасным, — ладонь Рена поднимается по моей спине, затем ложится на затылок. — У тебя есть питомцы, которых им нужно остерегаться? У тебя собака, верно? — нежно спрашивает он.

Я раздражаюсь уродливым рыданием, не отрываясь от его груди.

— Паццаааааа.

Рен отстраняется ровно настолько, чтобы накрыть моё лицо обеими ладонями и всмотреться в мои глаза.

— Фрэнки, я тебя не понимаю.

— Пацца, моя собака, — мне удаётся медленно и протяжно вздохнуть, не рыдая. — Она с Ло.

— С твоей подругой Лореной?

Я хмурюсь.

— Д-да, с Лореной. Но ты-то откуда знаешь?

— Ты часто её упоминала, Фрэнки.

Я практически уверена, что могла упомянуть её один раз, но... Большие пальцы Рена гладят меня по щекам, отчего меня омывает этим помутнённым чувством. Моё дыхание вновь успокаивается, слёзы наконец-то перестают размывать всё перед глазами.

— Пацца, — шепчу я.

— Хочешь поехать к Лорене? Тебе нужно пожить где-то, пока они не разберутся с ситуацией, и жильё не станет вновь безопасным.

У Ло новая девушка, Миа. Новая девушка, на которой она слегка помешана, и которая недавно совершила «прыжок веры» и въехала в студию Лорены. Я не могу остаться у Ло. Там негде спать и нет никакого уединения.

Ещё есть Энни. Энни и Тим ждут своего первого ребёнка, и их вторая спальня теперь превратилась в детскую, не говоря уж о том, что они сейчас в больнице и, возможно, готовятся привезти домой преждевременно родившегося ребёнка. Конечно, у них есть диван, но я не могу спать на диванах, потому что это ад для моих суставов.

В последний раз я спала на диване на вечеринке в колледже, и следующим утром не смогла с него встать. Мне пришлось попросить помощи у парня, с которым я наконец-то согласилась встречаться. Поставив меня на ноги, он выдумал какую-то отговорку о том, что пообещал позаниматься с кем-то в субботу и забыл. Он никогда не видел меня в плохой день, и это с первого же раза отпугнуло его. Пока я медленно тащила домой, я написала ему сообщение, что между нами всё кончено. А потом сидела в душе, пока не закончилась горячая вода, и унимала боль и в суставах, и в моём сердце.

— Эм, — я вытираю нос. — Думаю, сегодня я просто сниму комнату в отеле.

Рен хмурится

— Чёрта с два ты будешь спать в отеле, Фрэнки. Ты только что вернулась и увидела, что твой дом ограбили. Тебе надо быть рядом с друзьями.

— Сорен, — я тру лицо. Он прав, и я не хочу признавать это. Я не хочу оставаться одна в каком-то безликом месте. Но у меня нет других вариантов. — Ты ведёшь себя слишком напористо.

— Франческа. Ты ведёшь себя слишком упрямо.

Я опускаю руки.

— У меня нет широкого круга друзей. У меня две подруги, но у них обеих нет места для меня.

Рен нагибается, чтобы наши глаза встретились. Удерживая мой взгляд, он протягивает руку ладонью вверх. Не раздумывая, я кладу туда свою руку и сдерживаю вздох от ощущения жара его кожи. Его пальцы нежно обхватывают мои.

— Ты забыла про ещё одного лос-анджелесского друга, у которого дома столько места, что он не знает, что с этим всем делать, Фрэнки, — фирменная улыбка Рена Бергмана сверкает в лунном свете. — Про меня.

Плейлист: Andrew Bird — Sisyphus

Всё хорошо. Всё нормально. Со мной всё хорошо.

Если я повторю это достаточное количество раз, то всё и правда будет нормально.

Фрэнки устроилась на заднем сиденье и сюсюкается со своей собакой, Паццой, помесью сибирского хаски и аляскинского маламута. Она уже не плачет, и это существенно улучшило мою способность нормально дышать и безопасно отвезти нас ко мне домой. Плачущая Фрэнки вызывала у меня такие ощущения, будто мне сердце из груди вырезали.

После разговора с копами они подтвердили факт взлома с проникновением и составили перечень украденного: её телевизор, компьютерный монитор, который она подсоединяет к ноутбуку, лекарства на случай чрезвычайной ситуации, большую часть её одежды и многое из кухонной кладовки. Маленьким утешением служил тот факт, что всю приватную информацию она хранила в надёжном сейфе, так что полиция уверена, что её личные данные не были украдены.

Делать в бунгало было больше нечего, и я по её просьбе повёз нас к бургерной In-N-Out, приготовившись купить всю франшизу, если это потребуется, чтобы она улыбнулась.

Взяв на вынос два шоколадных коктейля, три большие порции картошки и бургер Дабл-Дабл, Фрэнки, похоже, несколько успокоилась. Но настоящим решением проблемы стала поездка до дома Лорены в Эхо-парк. Фрэнки не переставала улыбаться, обнимая Паццу, массивную чёрно-белую собаку с умными золотистыми глазами, которая сейчас смотрит на меня в зеркало заднего вида и скалит зубы.

— Фрэнки?

— Да? — нараспев бормочет она, уткнувшись в пушистую шею собаки. — Кто моя хорошая девочка?

Пацца наконец-то перестаёт сверлить меня взглядом, поворачивается и лижет лицо Фрэнки.

— Твоя маска выглядит так, будто хочет сожрать меня на ужин.

Фрэнки тихо смеется.

— Эта смесь пород называется аласки, Сорен.

Я стараюсь игнорировать то, как мне нравится слышать своё полное имя из уст Фрэнки. Я залечил большую часть душевных ран, полученных в непростые подростковые годы, но безжалостные издевки из-за моего имени — это последний ноющий шрам, который просто отказывается уходить. Никто не зовёт меня Сореном, кроме Аксея, когда тот напрашивается на драку.

Когда Фрэнки произносит моё имя, оно звучит тепло и, если позволить воображению разыграться, то можно даже сказать, что ласково.

Я сворачиваю на свою подъездную дорожку.

— Аласки.

— Да. И она не ест больших крутых хоккеистов. Она на беззлаковой диете.

Припарковав машину, я оглядываюсь через плечо.

— Ну, так я же не злаковый. Меня совсем не успокаивает, что твой волк предпочитает палео.

— Она не волк! — Пацца тычется носом в Фрэнки, мягко откидывая её на спинку сиденья. Собака тут же скулит и роняет голову на её колени. — Я в порядке, Пацца.

— У нас есть всё, что ей нужно в данный момент?

Фрэнки улыбается мне поверх головы собаки.

— Ага. Ло приготовила ей еды ещё на несколько дней.

— Ты готовишь ей еду?

Фрэнки прищуривается.

— Да, Сорен.

— Не надо мне тут «Сорен», Франческа. Это был вопрос.

— Ты повторил то, что сказала я.

— Я просто удивился, Фрэнки. Я не осуждаю.

— Вот и хорошо, — отвечает она. — Потому что доказано, что кормление собак свежей пищей укрепляет их здоровье и увеличивает продолжительность жизни, — Фрэнки целует Паццу в макушку. — Я хочу, чтобы она была рядом как можно дольше.

В голосе Фрэнки звучит нежность, которой я не слышал прежде. На работе она резкая и деловитая. Но совсем как я удивил её тем вечером, принеся ей блузку и в итоге поев с ней еды на вынос, эта новая сторона Франчески Зеферино заставляет меня испытывать ещё больше запрещённых чувств к ней.

И это катастрофа. Катастрофа кошмарных масштабов. Может, я не читаю любовные романы с таким рвением, как Вигго, но я прочёл достаточно, чтобы знать: запретная любовь — это весьма непростой троп, и сюжетная линия максимально замороченная и усложнённая (если не считать любовных треугольников, нахер их).

Пример А: Ромео и Джульетта. Их любовь под запретом, время ужасно неудачное, но они так увлечены друг другом, что забывают про всякую осторожность. Нетерпеливые ухаживания, импульсивная свадьба, недопонимание, взрывные характеры, жестокость, упущенные связи, и все это приводит к тому, что несчастливые любовники накладывают на себя руки.

Ага. Запретной любви надо избегать. Ну и конечно, это означает, что я оказался в самой её гуще. Типичная жизнь Сорена Бергмана.

Я со вздохом выхожу из машины, обхожу фургон, затем скользящим движением открываю раздвижную дверцу заднего пассажирского сиденья.

Фрэнки выходит, её собака следует за ней.

— Пацца, сидеть, — говорит Фрэнки.

Пацца опускается, виляя хвостом.

— Хорошая девочка. *Ben fatto. Brava*⁵, — воркует Фрэнки и чешет ей за ушком. Её голос звучит низко и певуче, совсем как она произносит Зензеро. Это до абсурдного сексуально.

Глянув на меня, она хмурится, и её глаза напрягаются от беспокойства, пока она изучает мое лицо.

— Всё хорошо? — спрашивает она.

— Ага. Всё хорошо, — да ничего не хорошо. — Ты, эм, говоришь по-итальянски?

— О. Практически свободно. Мой папа переехал сюда вместе с моей бабушкой, когда ему было пять. Так что я выросла, разговаривая с ними на итальянском. И я немножко полиглот. Мне нравится учить новые языки.

Супер. Просто супер. Женщина, которая вот-вот станет гостьей в моём доме, и к которой я питаю безответные и неподобающе похожие на любовь чувства, также говорит на

сексуальном романском языке.

Непрощеный образ того, как Фрэнки шепчет мне на ухо что-то итальянское, пока её прикосновение творит чудеса с моим телом, практически ослепляет меня, появившись в моём мозгу — фантазия, у которой так же мало шансов на будущее, как у умирающей звезды, что проносится по небу.

Я моргаю, выдёргивая себя из этих мыслей.

— Это... впечатляет.

— Пацца тоже итальянка, — бодро говорит Фрэнки, наклоняясь, чтобы поцеловать морду собаки. — Ну, имя у неё итальянское. Означает «сумасшедшая». Потому что в щенячьем возрасте она была абсолютно безумной... то есть, прямо на уровне психоза. Она была как кролик-энерджайзер... — взгляд Фрэнки возвращается ко мне, и она хмурится. — Ты точно в порядке, Рен? Пожалуй, ты не подписывался на такое, когда предлагал подвезти меня до дома, да?

— Фрэнки, я рад принять тебя здесь. Ну, то есть, я не рад, что твой дом ограбили, — я вздыхаю и тру лицо.

Её губы изгибаются в улыбке.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — тихо говорит она.

— Верно. Давай пойдём внутрь, — я делаю шаг в её сторону, тянусь к тяжёлой сумке, оттягивающей её плечо, но Фрэнки вскидывает руки.

— Подожди, Рен! Пацца привыкла охранять территорию... — её голос стихает, когда собака приближается ко мне, нюхает мою ладонь и проводит языком прямо по костяшкам моих пальцев.

Я стою неподвижно, наблюдая, как Пацца тычется в меня носом и издает тихий скулящий звук. Затем она поднимает взгляд и смотрит мне в глаза, склонив голову набок.

— Ты ей нравишься, — тихо говорит Фрэнки.

Я отвожу взгляд от Паццы и смотрю на Фрэнки.

— Она кажется дружелюбной собакой. Разве ей не все нравятся? Помимо курьера.

— Неа. Она держится настороженно со всеми, кроме Ло и Энни. Нормально принимает Тима, начинает привыкать к Миа.

— Ну, для меня это честь, — я чешу Паццу за ухом и улыбаюсь ей. — Приятно быть частью такого клуба.

Когда я поднимаю взгляд, Фрэнки с любопытством наблюдает за мной, и её губы изгибаются в лёгкой улыбке, но тут её прерывает неохотный зевок.

— Пошли, Франческа. Давай уложим тебя и Паццу баиньки.

Я просыпаюсь рано, от тусклых лучей восходящего солнца. В доме тихо. Ни цокота собачьих когтей, ни тихих звуков, которых я мог бы ожидать от проснувшейся Фрэнки. Натянув спортивные шорты и футболку, я прохожу мимо гостевой спальни, где я её устроил. Дверь закрыта.

На кухне я замечаю, что моей кофемашиной Nespresso пользовались, и в раковине лежит одинокая ложка, оставившая под собой маленькую лужицу карамельного цвета. Кофе с молоком. Именно такой, какой любит Фрэнки. Сливки, если есть под рукой, и одна ложка сахара.

Тот факт, что я это знаю, делает меня похожим на сталкера. Но когда испытываешь

безответные чувства к женщине на протяжении трёх с лишним лет, не имея уместной возможности пообщаться с ней за пределами работы так, чтобы не вызвать подозрений, то ты начинаешь подмечать каждую деталь, когда вы вместе.

Тихий лай собаки доносится с берега. Я иду на звук, открываю раздвижные двери на террасу, и меня встречает вид, к которому хотелось бы заранее подготовиться.

Фрэнки в штанах для йоги и очередной безразмерной толстовке. Она стоит босиком на берегу и бросает мячик Пацце, которая проносится по утопанному песку, затем проворно хватая мячик из пенных волн, накатывающих в её сторону. Ветер подхватывает тёмные волосы Фрэнки, развевая их чернильными лентами, сияющими в рассветных лучах. Солнце уже чуточку выступило над водным горизонтом и освещает её щёки и чуточку курносый носик.

Её улыбка лёгкая, мысли как будто витают далеко.

Лицо Фрэнки редко озаряется таким тёплым выражением. Чаще всего её губы жёстко поджаты. Парни шутят об этом, называют её Фрэнк Ворчун. Но я никогда не воспринимал её так. Она серьёзная. Не тратит время на ерунду. Но женщины часто думают, что им надо быть такими, чтобы их уважали на работе, чтобы мужчины не воображали себе всякое и не переступали границы.

А ещё у неё артрит. Похоже, она не испытывает постоянный дискомфорт, но я понимаю, когда ей больно, и нельзя сказать, что это бывает редко. Я бы тоже не расхаживал с постоянной улыбкой, если бы моё тело так болело.

Хотя так и не поверишь, что воспаление вредит суставам Фрэнки, когда она швыряет мяч по воздуху в стремительной подаче. У меня вырывается невольный одобрителный свист, и её голова удивленно поворачивается ко мне.

Затем случается самая странная вещь на свете. Вокруг её глаз образуются морщинки. Губы растягиваются в широкой улыбке. На щеке появляется ямочка. И моё сердце буквально выскакивает из груди. Она, кажется... рада меня видеть.

Я впитываю это чувство как изголодавшийся жадина. Такой взгляд бывает раз в жизни. Потому что Фрэнки обычно бурчит приветствия. Бегло машет рукой без зрительного контакта. Конечно, я знаю, что она уважает меня, ожидает, что я буду достойным человеком во всём, что касается нашей работы, но это?

Это новое. Редкое. Нервозность скручивает моё нутро, когда я робко поднимаю ладонь.

Она в ответ поднимает свой термос с кофе и кричит:

— Иди сюда уже! Я не могу вечно бросать этот мяч!

Пробежавшись по песку, я забираю мячик у Паццы, когда она вновь подбегает с ним. Затем швыряю его так, что он описывает высокую арку в воздухе.

Фрэнки наблюдает и щурит глаза.

— Позёр, — бормочет она в термос перед тем, как сделать глоток.

— Сказала женщина с убойной софтбольной подачей.

Она косится на меня.

— Ты видел, да?

— Видел. Ты что-то от меня скрывала, Зеферино?

— Едва ли, — она снова отпивает кофе. — Я не играла в софтбол с одиннадцатого класса, ещё до того... — очередной глоток кофе. — Много времени прошло. И это адски больно. Как я не вывихнула локоть при такой подаче, ума не приложу.

Когда Пацца возвращается, я любовно треплю её по боку, затем снова бросаю мячик.

— Ну, похоже, ты не растеряла навыки.

Фрэнки бросает на меня косой взгляд. Её щеки слегка розовеют, после чего она отводит глаза.

— Спасибо.

Между нами воцаряется молчание, но я не возражаю. Я вырос в хаосе (наша семья состоит из семи братьев и сестёр и двух занятых родителей) и умею в нём ориентироваться: орать достаточно громко, чтобы быть услышанным, толкаться, дразнить и воевать за внимание. Но прожив два года в своём доме на пляже (в этом большом доме, который однажды, надеюсь, обростёт полным любви хаосом вроде того, в котором я воспитывался), я научился наслаждаться тишиной. Так что я слушаю, как волны разбиваются о берег. Я люблюсь тем, как ветер треплет волосы Фрэнки, а над водой расстилается рассвет. И всё это кажется необъяснимо правильным.

— Зензеро.

Я прихожу в себя.

— Я пялился. Прости. Ты такая красивая, когда тебя сзади освещает рассвет... в смысле, это чисто платоническое заявление... — мой голос обрывается, румянец обжигает щеки.

Фрэнки улыбается мне.

— Не волнуйся. Ты всё равно милый, даже если спотыкаешься на каждом слове, мистер Спокойный, Хладнокровный и Счастливый.

Я хмуро смотрю на неё.

— Вот как ты меня видишь?

Скорее уж, Сумасшедший и Безумно Влюблённый.

Она пожимает плечами и переключает внимание на Паццу.

— Я начинаю понимать, что в тебе есть нечто большее, помимо ослепительной улыбки.

— И что же?

Пацца несётся в нашу сторону и тормозит на песке, бросая мяч к нашим ногам. Склонив голову, она смотрит на нас обоих, счастливо свесив язык набок.

Фрэнки подхватывает мячик с песка, легонько подбрасывает в воздух и ловит, шагая рядом со мной.

— Застенчивый, чудаковатый, милый. Мне заранее жаль всех женщин Лос-Анджелеса, когда это станет известно общественности, Рен.

— Погоди, — я спешу догнать Фрэнки, что вовсе не сложно. Утром она двигается медленнее. Она также не использует трость, поэтому бережёт левую ногу и идёт осторожно. — Фрэнки, позволь пояснить, я хочу, чтобы моя личная жизнь оставалась только между мной и моими друзьями.

Фрэнки останавливается у низа ступеней, ведущих на мою террасу.

— То есть, мы друзья, так?

— Ты сама так сказала тем вечером.

Она приподнимает бровь.

— Верно. Но если меня не подводит моя помутнённая травкой память, когда я это сказала, ты сделался ужасно похожим на помидор.

Я почёсываю шею.

— Ты застала меня врасплох. Я не знал, что нравлюсь тебе достаточно, чтобы ты считала меня другом.

Улыбка Фрэнки исчезает.

— Что?

— Нет, подожди, — я нервно сглатываю. — Это прозвучало неправильно. Я... мне нужен кофе. Пошли внутрь, и я попробую ещё раз.

Фрэнки идёт первой, но Пацца останавливается, преградив мне дорогу и окидывая меня удивлённым взглядом.

— Поверь мне, — бормочу я собаке. — Райдер мне об этом говорил. Я просто король в том, что касается неудачных ляпов.

Пацца фыркает и семенит передо мной.

После того, как Фрэнки помыла шлангом лапы Паццы и свои ноги, мы устраиваемся на кухне. Единственные звуки в комнате — это то, как собака уминает свой завтрак. Фрэнки стоит за кухонным островком и улыбается мне поверх своего кофе. Я делаю обжигающий глоток и пытаюсь сформулировать мысли. Я так раздражающе неуклюж со словами, когда дело касается её.

Поставив кофе, я шурюсь, заметив её забавляющуюся улыбку.

— Наслаждаешься моими страданиями?

Улыбка Фрэнки становится ещё шире, и проступает ямочка.

— Не могу врать, Зензеро, это правда забавляет. Обычно ты такой непринуждённый.

Я медленно поворачиваю свою кружку с кофе по часовой стрелке.

— Я пришёл к выводу, что всё складывается лучше, если люди видят меня таким.

— Но ведь это не весь ты, так? То, что видит большинство людей — это... неполная картина.

Я поднимаю глаза к ней. Её радужки мерцают — лесная зелень с золотистыми крапинками, будто солнце проглядывает сквозь лиственный покров.

— Да.

— Что ж, — говорит Фрэнки, поставив кофе и откашлявшись. — Я это очень хорошо понимаю, Зензеро. Твой секрет в безопасности со мной.

Я склоняю голову набок, надеясь, что она скажет больше. Вместо этого она переступает с ноги на ногу и говорит:

— Раз уж мы затронули тему приватности, я хочу, чтобы ты подумал, как выглядит тот факт, что я остановилась у тебя. Мне нужно очень чётко дать команде понять, что только уважительные обстоятельства, и ничего больше, привели к тому, что я поселилась у тебя.

— Понял. Я скажу парням, чтобы не ползли слухи. К тебе домой кто-то вломился. Я живу поблизости. Было поздно. Ты перекантовалась здесь. Ты останешься здесь до тех пор, когда можно будет безопасно въехать обратно. Так нормально?

— Да, так подойдёт, — она медленно подходит к раковине, ополаскивает кружку и посвистывает Пацце. — Вот только... ты серьёзно предлагаешь остаться здесь, пока дом не будет готов? Конечно, это недолго — арендодателю всего лишь надо устранить лёгкий нанесённый урон и поменять замки, а страховой компании нужно получить необходимые доказательства.

— Конечно, я серьёзно. И сдаётся мне, даже когда всё будет улажено и безопасно, ты не сразу почувствуешь себя комфортно дома. Так что знай, что ты можешь жить здесь столько, сколько захочешь.

Она кажется нерешительной, кусает губу.

— Спасибо. Я со своей стороны поговорю с Дарлин, объясню ситуацию с нашим совместным проживанием. Лучше сразу сказать открыто, чтобы не было странностей.

Дарлин — её босс. Главный руководитель всех наших медиа-связей и пиара.

— Тогда я пошла в душ.

Меня омывает жаром. Слишком легко представлять, как вода стекает по её груди, собирается между бёдер. Я хрипло выдыхаю и дёргаю футболку, пытаюсь охладиться.

— Душ. Конечно. Супер.

Боже, я безнадёжен.

Фрэнки одаривает меня забавляющейся улыбкой.

— Ладно. Я буду готова примерно к восьми?

— Звучит здорово.

Я залпом выпиваю остаток кофе, надеясь, что жжение от горячей жидкости в горле отвлечёт меня. *«Не делай этого. Больше не надо. Не думай о голой Фрэнки в душе. Не надо Не надо. Не надо».*

Включается горячая вода, и я со стоном роняю голову на стол.

Поздно.

Глава 10. Фрэнки

Плейлист: Friedberg — Go Wild

Энни с неверием таращится на меня.

— Почему я только сейчас слышу об этом?

Я ёрзаю на своём сиденье в кафе под открытым небом, где мы обычно встречаемся за ланчем. Оно посередине между зданием, где тренируется команда, исследовательской лабораторией Энни и кампусом, где преподаёт Лорена. У нас с Реном после обеда пиар-мероприятие, и он предложил подвезти меня после этого ланча с подругами.

Сомневаясь, как бы объяснить всё Энни, я кошусь на Рена, который сидит в другой стороне кафе. Он отпивает глоток чая, держа в руке книгу. Он спрятался за столиком на двоих в тенистом уголке.

— Я не хотела тебя волновать, — говорю я ей. — Прошлой ночью ты теоретически могла родить нового человека. Ты в деликатном состоянии.

Энни фыркает.

— Слушай, я знаю, что в прошлом месяце мы в книжном клубе читали тот искромётный исторический роман, но эта фраза неуместна. Я не деликатная. Я беременная. И судя по всему, это было просто несварение. Я могу справиться с плохими новостями, не впадая в меланхолию. Позвони мне, когда в следующий раз кто-то вломится и ограбит твой дом.

Я встречаюсь с большими глазами Энни цвета зелёного мха. Она приподнимает свои очки на веснушчатом носу-кнопке и хмурится.

— Я серьёзно.

Я хватаю её руку и сжимаю.

— Извини.

— Я тебя прощаю, — Энни накальвает на вилку кусочек курицы, салатного листа и помидора, затем засовывает в рот. — При условии, что вечером ты придёшь на водную аэробику.

— Уф, ладно. Я знаю, что пропустила много занятий, но расписание плей-оффа — это ужас. Как только это закончится, я смогу более регулярно мочить свою задницу.

— Ох уж эта ваша водная аэробика, — Ло качает головой, затем замирает, перестав листать что-то в телефоне. — Эй, Фрэнки. Ты давно в Твиттер заходила?

Я чувствую, как от лица отливает кровь. Я достаточно хорошо понимаю социальные сети, чтобы знать — такая фраза ничего хорошего не обещает.

— С утра не заглядывала. Мы сегодня утром после тренировки провели «вопрос-ответ в раздевалке» в прямом эфире, чтобы поддержать хайп плей-оффа, а потом я приехала сюда. А что?

Ло подвигает ко мне свой телефон. Это снимок папарацци, сделанный прямо возле тренировочного здания, перед тем как мы с Реном приехали сюда. Его ладонь лежит на моей поясице, пока он подводит меня к дверце машины. Крохотный жест из-за того, что я споткнулась на неровном асфальте, ощущался на удивление приятно. Может, потому что Рен ничего не сказал. Просто мягко поддержал меня этой тёплой, крепкой ладонью и открыл для меня дверцу фургона.

Энни наклоняется, чтобы увидеть волну комментариев в Твиттере, от которых мой

желудок бунтует. Поправив очки на носу, она смотрит то на телефон Ло, то на меня.

— Вау. Очень многим женщинам ты уже не нравишься.

Комментарии разворачиваются с ошеломительной скоростью. Некоторые хорошие. Многие ужасны.

«Ооо, я хочу себе туфли как у неё».

«Это трость?»

«Вау. А я думала, он гей».

Лорена хрустит кубиком льда из чая и матерится себе под нос.

— Вот именно поэтому нам нужен феминизм. Чтобы изгнать внедрённый патриархат из нашей культуры, женщинам надо перестать перенимать токсичные мужские практики вроде иерархической агрессии и не применять их друг к другу.

Энни откидывается на спинку сиденья и со вздохом ставит тарелку на свой большой живот.

— Может, это и правда, Ло, но сейчас Фрэнки нужна не критика культуры, а практические советы.

Ло всплескивает руками.

— Я работаю в университете свободных искусств. Я худший кандидат для практических советов.

Обе мои подруги поворачиваются ко мне. На их лицах отражается одинаковое беспокойство. Милая и крохотная Энни с её прагматизмом и большим сердцем. Ло с пронизательными глазами цвета мокко и дерзким пирсингом на лице, который скрывает нежную философскую душу. Они разные и внешне, и внутри. И сейчас я особенно остро не понимаю, что бы я делала без них.

— Всё нормально, — я пожимаю плечами. — Ничего не поделаешь, правда. Только ждать комментариев, в которых будет говориться, что он трахает меня из жалости.

— Ооо, вот и такой подвезли, — бормочет Энни.

Мы с Ло бросаем на неё синхронные взгляды.

Энни ярко краснеет и сползает ниже по стулу.

— Простите. Беременный мозг. Можно мне поблажку из-за этого?

— Один раз, — сурово отвечает Ло. Она забирает телефон у Энни и листает комментарии. Её лицо ожесточается, и она переворачивает телефон, кладя его экраном вниз. — Я хочу придушить этих злобных троллей.

— Но ты не можешь этого сделать, — напоминаю я. — Так что движемся дальше, да?

На протяжении долгой минуты Ло смотрит на меня. Она обладает весьма пугающей способностью угадывать мои мысли, так что я моргаю и избегаю зрительного контакта, делая глубокие вдохи, чтобы успокоить колотящееся сердце. У меня есть опыт с подобным. Может, это не было так агрессивно направлено на меня, но соцсети — это зверь, с которым я умело справляюсь каждый день.

Ничего страшного. Люди засранцы. Я привыкла, что меня судят по внешности — трость и бесстрастное лицо. Что с того, что сотни тысяч людей будут думать обо мне худшее?

— Итак, — говорит Энни, ласково сжимая мою руку. — Когда ты получишь письмо, подтверждающее зачисление в КУЛА?

— Это не гарантировано, — напоминаю я ей. — Кто знает, примут ли меня?

Энни закатывает глаза.

— Я тебя умоляю. Тебя примут. Ты создана для того, чтобы работать со спортивным

правом. Твои документы и сопроводительное письмо были на высшем уровне.

— Это правда, — вклинивается Ло. — Я же отредактировала всё для тебя. Я проследила, чтобы всё было огонь.

— Посмотрим, — бурчу я.

Энни похлопывает меня по руке.

— Давайте сменим тему. Я вижу, что этот разговор тебя расстраивает.

— Мне тревожно думать об этом. Я предпочла бы просто забыть, что подала документы, а потом приятно удивиться, если каким-то образом поступлю.

— Справедливо, — отвечает Энни. — Как дела с преподаванием, Ло?

Пока Ло отвечает, мой взгляд скользит к Рену, затаившемуся в своём уголке. Его книга лежит на маленьком столике, рядом аккуратно поставлен чай и бутылка воды.

— Фрэнки, — голос Ло выдёргивает меня из мыслей.

Я смотрю на неё.

— Что?

Она поигрывает пирсингом в губе и приподнимает брови, отчего её пирсинги в бровях слегка подпрыгивают.

— Видишь что-то привлекательное?

Мои щёки заливают жаром, и я тереблю свои подвески.

— Я просто смотрела в никуда.

Ло выгибает бровь. Я уже запомнила, что это означает «чушь собачья».

Энни стонет, явно не замечая нашу перепалку.

— Боже. Как меня задрало быть беременной.

— У тебя ведь скоро срок? — спрашиваю я у неё. — Ты выглядишь как хлеб моей бабушки, когда она слишком долго оставит его подниматься.

Ло давится водой.

Энни с неверием смотрит на меня.

— Фрэнки. Мне ещё минимум месяц ходить беременной.

Это один из моих моментов в духе «Зачем ты вообще открыла рот и сказала очевидное?». Я морщусь.

— Прости, Энни. Я не хотела оскорбить. Просто ты крохотная девушка, в животе которой ребёнок высокого парня. И...

Ло громко прочищает горло и приподнимает брови. Если бы это сделал незнакомец, я бы слетела с катушек, но друзьям я научилась доверять, и небольшие социальные подсказки не кажутся мне обидными или снисходительными. На самом деле, это помогает, и я сама сказала им об этом.

Энни поднимает вилку, держа её над салатом.

— Я хочу смеяться и не писаться при этом в трусы. Я хочу снова пить пиво, — глядя на тарелку на своём животе, Энни хмуро разглядывает еду. — И я хочу съесть тебя, салатик. Но во мне не осталось места.

— Бедная Энни, — Ло сочувственно улыбается Энни, после чего кусает свое буррито с тофу и бобами. — Итак, Фрэнки, долго ты ещё будешь работать на нынешней должности, когда поступишь на юриста? Возьмёшь небольшую паузу перед началом учебы? Потому что я хочу запланировать немного веселья с тобой перед началом семестра.

— Да всё в порядке, — говорит Энни. — Я просто буду сочиться грудным молоком и страдать после того, как рожу гигантского ребёнка Тима. Но прошу, планируйте поездку в

Напу без меня.

Ло цыкает.

— Я говорю о дне в спа и просмотре фильма в пижамах. Для всех нас. Включая молодую маму.

Энни оживает и широко улыбается.

— Ладно. Тогда продолжайте планировать.

Я потягиваю свой рутбир.

— Зависит от плей-оффа. Я планирую подать заявление по собственному желанию после того, как мы проиграем, и потом отработать стандартные две недели. Я накопила небольшую подушку безопасности. Я бы хотела позаниматься и просто отдохнуть несколько месяцев перед началом учебы.

— Хорошо, — Ло улыбается и смотрит через моё плечо. — Планируешь отдохнуть с горячим хоккеистом?

— Ага, конечно, — бурчу я, кусая пиццу. — Трахнуть Рена было бы знаковым событием в моей жизни, если в постели он такой же скоординированный, как на льду, но он бережёт себя для другой.

От этих слов всё в моём нутре скисает. Я поглаживаю себя по животу и пью воду..

— Кто она? — спрашивает Ло.

— Незнакомка, которая в настоящий момент недоступна, но он надеется, что в итоге сумеет построить с ней отношения. Я не знаю деталей, только то, что он готов её дожидаться.

Энни склоняет голову набок, смотрит то на Рена, то на меня.

— Ты понятия не имеешь, кто это? Он тебе не сказал, даже не намекнул?

— Ну, если и намекнул, ты же знаешь, что я не улавливаю намёки, — напоминаю я ей. — И нет, я правда понятия не имею.

— Хм, — Ло смотрит мимо меня, в упор на Рена, и задумчиво хмурится.

Я оборачиваюсь через плечо и снова смотрю на Рена, пока он перелистывает страницу книги и улыбается. Моё сердце странно сжимается, и я отворачиваюсь.

— Что? — спрашиваю я у них обеих.

— Господи помилуй, — произносит Энни. — Он улыбается, пока читает.

Ло тоже расплывается в улыбке.

— И он пьёт травяной чай.

— Он очарователен, — выдают они в унисон.

— Шшш! — я чувствую, что мои щёки становятся ярко-красными. — Серьёзно, прекратите, вы обе.

Взгляд Лорены бродит по Рену.

— Не знаю, Фрэнки. Я предлагаю тебе уведомить начальство за две недели, а потом трахнуть его изумительную задницу.

Энни тоскливо вздыхает. Её тарелка с едой даже не накрывается, прочно покоясь на её круглом животе.

— Ло права. Дерзай. Он тебе нравится. Вы двое ладите.

— Вау, какая убедительная причина накинуться на него, — сухо произношу я. — По таким критериям я должна позвать на свидание нашего официанта.

Энни стонет, встречается взглядом с Лореной, затем смотрит обратно на меня.

— Фрэнки, он милый. И до абсурда хороший.

Я бросаю на неё взгляд.

— Ты виделась с ним всего один раз. Он с тобой поздоровался и улыбнулся. И всё.

— И что? — выпаливает она в ответ. — Его приветствие было очаровательным и запоминающимся. И ты сказала, что вы двое считаете друг друга друзьями. Я просто хочу сказать, что по-моему Ло дело говорит.

— Дамы. Он во мне не заинтересован. Он — воплощение вежливости и дружелюбия, вот и всё. К тому же, мы знаем, что Фрэнки не встанет на путь любви.

Маленькая ладошка Энни ложится поверх моей.

— Мы обсуждали, что парни для тебя — слепое место.

— И это ты сказала, что не встанёшь на путь любви, — говорит Ло, выгнув проколотую бровь. — А мы говорим — хрень собачья.

Я мрачно смотрю на неё.

Ло берёт меня за другую руку.

— Мужчина, достойный твоей любви, не будет обращаться с тобой так, как это делала твоя семья. Ты выдающаяся женщина, Фрэнки, но тебе, похоже, нужно напоминание, что взаимосвязанные отношения в паре могут быть обоюдно доверительными, придающими сил и ответными...

— Понеслось, — бормочу я.

— Пора оставить позади этот негативный настрой, — беззаботно продолжает она. — Поговори об этом с психологом, пожалуйста. Пора подготовиться к любви. Потому что, поверь мне, когда любовь придёт, ты захочешь быть готова к ней. Ты не испытывала тех бабочек, кульбитов внутри, ощущения, будто сердце готово выпрыгнуть из груди. Когда ты это почувствуешь, всё изменится.

Моя пицца комом оседает в желудке. Большую часть этого я чувствовала, просто глядя на Рена. Я оставляю эту нервирующую крупицу информации при себе.

— И если парень не заваливает тебя в кровать, это ещё не означает, что ему этого не хочется, — добавляет Энни. — За неимением попыток соблазнить тебя давайте рассмотрим тот факт, что Рен воплощает важные качества хорошего кандидата на роль бойфренда, — она поднимает руку и начинает загибать пальцы. — Он джентльмен. Он рыжий.

Ло хохочет.

— Фрэнки просто тащится по рыжим.

Я пинаю её под столом.

— Он любит читать, — продолжает Энни. — Он работает на благо общества. Ради всего святого, после этого ланча ты пойдёшь снимать, как он читает книжки больным детишкам!

— К чему ты ведёшь? — я заталкиваю в рот кусок пиццы и жую.

Энни моргает, глядя на меня через свои очки как сова.

— К тому, что он особенный. Он сидит в кафе явно не потому, что голоден, а потому что предпочёл терпеть пристальные взгляды всего ресторана и поехать с тобой, а не избежать этой фигни и встретиться с тобой на месте. Я думаю, он не просто фантастический человек. Я думаю, ты кое-что значишь для него.

— Это... это... это по работе.

— Знаешь, в науке, — говорит Энни, — есть логический принцип под названием «Бритва Оккама».

Я кошусь на неё.

— И?

— Ну, он гласит, что если нет причин поступать иначе, то всегда нужно считать, что твои исходные данные вызваны самым логичным и потому самым вероятным объяснением. Этот принцип имеет широкое применение, как мне кажется. В жизни, в чувствах.

— Энни, я не учёный. Мы с Реном — не эксперимент.

— Ну, ты права, конечно, — она крадёт кусок моей пиццы и откусывает немножко. — Но вот тебе простая правда: вы с Реном нравитесь друг другу, вам комфортно вместе. Так?

— Да, — ворчу я.

— Так изучи, к чему это может привести. Ну то есть, если тебе хочется. А мне кажется, что тебе хочется... Я ошибаюсь?

Я смотрю на свою пиццу и вздыхаю.

— Нет. Ну типа, он мне нравится.

Нравится. Ладно, может, он мне не просто нравится. Но это просто нечто примитивное, нет? Эта ходячая сладкая булочка с корицей так меня привлекает, что просто с ума сойти.

Энни наклоняется ближе.

— И тебя к нему влечёт?

— Да, — признаюсь я. — Но я правда не думаю, что он воспринимает меня в таком плане, и мы работаем вместе...

Лорена хлопает в ладоши.

— Аллилуйя, она переспит с ним. И может, тогда она не будет такой сварливой в книжном клубе.

Моя пицца принимает на себя натиск моих эмоций. Я свирепо кусаю и отдираю от неё кусок.

— Не сварливая я. Просто та книга была дерьмовой. Там, типа, шестьсот страниц ничего не происходило.

Лорена резко втягивает вдох.

— Что? — я прослеживаю за её взглядом до столика Рена и едва не давлюсь пиццей, отчего мои щёки делаются надутыми как у хомяка.

Над ним нависает женщина. Она прислонилась задницей к столику Рена, положила руку на пинку его стула. Он максимально откинулся назад, подальше от неё, и почёсывает шею сзади. Он нервничает. Загнан в угол.

Всё перед моими глазами окрашивается красным.

— Эта чёртова хоккейная зайка...

— Воу, леди, — тянет Лорена. — Это ещё откуда взялось, Мисс Ну-Он-Мне-Вроде-Как-Типа-Нравится?

Я проглатываю до боли большой кусок пиццы и пристально смотрю туда.

— Ну... Он мой друг. Он стеснительный. Он ненавидит такое внимание к его персоне.

— Он большой мальчик, — мурлыкает Лорена. — Ему не нужно, чтобы ты за него вступалась. Если только ты не хочешь поставить на место женщину, которая явно выражает свой интерес...

Я воюю сама с собой. Лорена права. Рен — взрослый мужчина. Он может о себе позаботиться. Но Рен обычно не ведёт себя так с фанатами. Он всегда вежлив. Слишком вежлив.

Встав, я подхватываю трость и пересекаю кафе. Рен поднимает взгляд и смотрит мне в глаза, пока я иду по помещению, и энергия и целеустремленность вибрируют во мне с каждым шагом. Он удерживает мой взгляд со смелой напряжённостью, от которой у меня

слабеют колени, и я рада, что можно опереться на трость.

Голос женщины стихает, когда я останавливаюсь у столика. Рен встает, вынуждая её отпустить его стул и сесть обратно на край стола. Его взгляд не отрывается от моего лица, на губах играет лёгкая улыбка.

— Здравсьте, — говорю я женщине, пытаюсь изобразить улыбку. Она немножко отшатывается, так что я полагаю, что моя фальшивая улыбка, как всегда, оказывается блистательным провалом.

Мой желудок совершает странный кульбит, когда я опираюсь на свою трость и переключаю внимание на Рена.

— Привет, Зензеро.

Он сипло сглатывает.

— Привет, Фрэнки.

— Должно быть, ты не увидел меня, когда вошёл, — я киваю на свой столик, где Энни и Лорена машут с чрезмерным энтузиазмом. — Четвёртый стул так и зовёт тебя.

Плечи Рена расслабляются. Он улыбается, подхватывает книгу и оставляет на столике 50 баксов.

— Прошу прощения, — говорит он женщине, вежливо кивнув и сделав шаг в мою сторону. — Мне пора.

Мы разворачиваемся, и вновь Рен кладёт ладонь на мою поясницу, показывая, что мне стоит идти первой. Это всего на долю секунды, и потом его рука отстраняется, но клянусь, что за этот крохотный отрезок времени мое сердце пробежало марафон.

— Спасибо, — говорит он тихо. — Мне надо научиться получше сбегать из таких ситуаций.

Я улыбаюсь ему через плечо.

— Какова твоя обычная тактика?

— Выдумать причину, по которой мне нужно уйти.

— Аа. И в этот раз ты не ушёл, потому что...

Он останавливается как вкопанный.

— Потому что я ждал тебя. Естественно, я не ушёл.

— Ты мог бы подождать в машине, Рен, — я разворачиваюсь к нему лицом. — Тебе не нужно было терпеть такое из-за меня.

Губы Рена изгибаются в легчайшей улыбке.

— Давай ты позволишь мне самому позаботиться о том, как и где мне ждать тебя, Франческа?

— Как пожелаешь, Сорен, — я шутливо щипаю его за бицепс. — А теперь помоги мне доесть пиццу, чтобы мы поехали к детям, а потом домой. Пока Пацца не накакала на твой вычурный диван.

— Твои подружки потрясающие, — говорит Рен.

Я мрачно смотрю в окно машины.

— Они в немилости.

Когда в следующий раз приду на водную аэробiku, расскажу Энни ту ужасную шутку про овощи, от которой она всё никак не может отойти. Она от смеха описается в бассейне — поблагодарим за это последние месяцы её беременности. Но Лорена провинилась сильнее

всего. Пошлю к ней на работу стриптизёра. В рабочее время. Поделом ей.

Рен смеётся.

— Фрэнки. Ты крутая и невозмутимая. То, что твои подруги рассказали несколько слегка смущающих и абсолютно уморительных историй, лишь дополняет картину в целом.

Я бурчу себе под нос и ёрзаю на сиденье, пытаюсь найти комфортное положение. Это сложно, когда оба твоих бедра болят.

Рен держит руль в идеально правильном положении и отпускает его одной ладонью ровно настолько, чтобы поправить зеркало заднего вида, пока мы стоим на светофоре.

— Ты же шутила насчёт Паццы, какающей на диван, верно?

— Конечно. В течение дня она в своём мини-вольере. Ну то есть, прошли годы с тех пор, как она в последний раз прогрызла себе дырку в вольере и разодрала всю мебель в моей гостиной.

Рен издаёт сдавленный звук и с опаской косится на меня.

— Ты же подшучиваешь надо мной, да?

Я широко улыбаюсь.

— Тебя так забавно дразнить, Зензеро. Ничего не могу с собой поделать.

— Поверь мне, я не раз такое слышал.

Чувство вины накатывает на меня, тяжело оседая в животе. И потому, что я сама слишком часто не понимала шутки или поддразнивания (такое постоянно случается, когда твой мозг понимает всё слишком буквально), и потому что вчера он сказал мне, что старшие классы для него были настоящим кошмаром. Наверное, над ним подшучивали столько раз, что хватит на две жизни.

— Эй. Извини, — я кладу ладонь на его бедро, и О Милостивый Санта-Клаус Застрявший в Дымоходе, ноги этого мужчины твёрдые как гранит. Я отдёргиваю руку так, будто обожглась.

Рен прочищает горло и жмёт на газ, когда светофор переключается на зелёный.

— Тебе не нужно извиняться, Фрэнки.

Мне кажется, он что-то сдерживает, но мне ужасно плохо удаётся понимать такие моменты. Иногда быть аутистом — это так раздражающе и утомительно. Особенно когда люди не знают, чему ты противостояешь.

На работе я не говорю об аутизме. Я маскирую свои симптомы, то есть, делаю всё, чтобы казаться «нормальной», поэтому Рен и парни видят только Фрэнка-Ворчуна, серьёзную и не улыбающую версию меня. Но иногда мне хотелось бы, чтобы Рен знал. Потому что сейчас он не знает, как сильно мне нужно, чтобы он не ходил вокруг да около, а прямо сказал мне правду. Я не вижу сквозь эти полупрозрачные слои лингвистической вуали.

Всё едва не слетает с моего языка, но вместо этого я снова ёрзаю на сиденье и меняю тему.

— Так вот... мне кое-что надо тебе сказать, — с таким же успехом можно сбросить бомбу прямо сейчас. — Папарацци сфотографировали нас вместе уходящими на ланч. Твиттер просто взорвался. Возможно, зародилась небольшая гипотеза, что мы вместе.

Рен резко ударяет по тормозам, отчего нас бросает вперёд.

— Что, прости?

— Это затихнет, Зензеро, — я держусь за ручку над дверцей на случай, если снова тряхнёт.

Его шею и щёки заливают свирепый румянец.

— О.

— О? — я тычу его в плечо. — Ты переходишь на односложные ответы.

Он начинает запинаться, щёки становятся малиново-красными.

Я стараюсь игнорировать удар по моей гордости. Неужели быть временно связанным со мной в подобной манере — это так ужасно?

— Рен. Расслабься. Всё само стихнет. И если хочешь, чтобы всё заглохло ещё быстрее, выберись из дома и сходи на парочку свиданий. Сделай так, чтобы тебя увидели с другой женщиной...

— Нет, — резко говорит он. Сделав долгий медленный вдох, Рен сжимает руль, затем расслабляет пальцы. — Прости, это прозвучало грубо. Я растерялся. Я хотел сказать, что сейчас не заинтересован в отношениях.

Меня пронзает странным уколом ревности. Что это за женщина, которую он ждёт и которая так всецело завладела его сердцем?

— Надеюсь, эта женщина того стоит, Бергман.

Его губы поджимаются. Он качает головой.

— Я... это не... — вздохнув, он направляет фургон на парковку у больницы и встаёт на свободное место. Я достаю свой парковочный стикер и цепляю на его зеркало.

— Это повлияет на твою работу? — спрашивает он. — Хочешь, чтобы я поговорил с Дарлин?

Я качаю головой.

— Не волнуйся. Ранее я уже написала ей на электронную почту и объяснила. Просто я прошу прощения, что тебе придётся иметь дело с людьми, которые думают, что ты со мной...

— Фрэнки.

Я замираю, не до конца расстегнув ремень.

— Да?

Рен поворачивается на сиденье и встречается со мной взгляд.

— Мне бы польстило, если бы кто-то подумал, что ты со мной.

У меня в ушах звенит. Сердце сжимается от ноющей боли, внутри срабатывают все тревожные сигналы.

«Опасность! Опасность! У тебя зарождаются чувства к Рену Бергману».

Пока я живу с ним. И пытаюсь сохранить профессиональную репутацию. И держать сердце на замке.

«Чёрти что, чёрт возьми. Ужасно, ужасно неподходящее время, Франческа».

Я распахиваю дверцу со своей стороны, зная, что это положит конец разговору хотя бы временно, потому что Рен непреклонно сосредоточен на учтивых манерах. Он чуть ли не бегом бежит к моей стороне, придерживает дверцу и предлагает мне руку, как делает каждый раз, когда мы сходим с автобуса, и он оказывается впереди.

Не потому, что он считает меня хрупкой или неспособной выйти самостоятельно, а потому что Рену надо было родиться двести лет назад, когда мужчины вставали, приветствуя вошедшую в комнату женщину, а ухаживание сводилось к украденным поцелуям в садах под луной.

— Мы ещё не закончили этот разговор, — твёрдо говорит он.

Я ободряюще похлопываю его по плечу и подавляю улыбку.

— Как скажешь, дорогой.

Плейлист: Beirut — Port of Call

Я не заплачу. Я не заплачу. Я не...

Раздери меня карбункул. Я плачу.

Я бы спросил, чьей идеей было заставить меня читать «Где бы ты ни был, моя любовь отыщет тебя» для группы пациентов детсадовского возраста и чуть старше, но я не сомневаюсь, что это дело рук Фрэнки.

Она прислоняется к стене с такой опасно прекрасной улыбкой, что я беспокоюсь, как бы моё сердце не выскочило из груди. Ну, хотя бы я в больнице. Тут наверняка кто-нибудь сумеет помочь, если такое случится.

— Вы в порядке, мистер Рен? — мой новый маленький приятель, Артур, улыбается мне и поправляет свои очки. Он сидит рядышком и кладёт свою маленькую ладошку на мою руку.

— Да, Артур. Я в порядке. Иногда я испытываю большие чувства, и они вызывают у меня слёзы.

Улыбка Артура становится шире.

— Я тоже. Я плачу, когда больно. И когда скучаю по своей семье. Папа говорит, что это нормально. Он сказал, что плачут не только мамы и сёстры. У братьев и пап тоже есть слезы.

— Когда я был маленьким, мой папа сказал мне то же самое.

Артур улыбается и наклоняется ближе, тыча в книгу.

— Ты можешь ещё почитать?

— Конечно, — поднимая книгу, я прочищаю горло и смаргиваю влагу, от которой перед глазами всё расплывается. — *«Так что держи голову высоко поднятой и не бойся маршировать впереди своего личного парада. Хоть ты всё ещё мой маленький малыш, хоть ты уже полностью вырос, моё обещание тебе неизменно — ты никогда не будешь один».*

Я сглатываю очередной ком в горле. Иисусе, эти книги. Не помогает и то, что родители половины из этих детей могут навещать их лишь время от времени. Калифорния — огромный штат, а это лучшая больница, специализирующаяся на детских заболеваниях. Родителям многих детей надо работать, чтобы платить за лечение своего ребёнка, а живут они в нескольких часах отсюда. Этим малышам как никому другому нужно напоминание, что любовь не меркнет, когда маме или папе нужно на время уйти.

Я сердито смотрю на Фрэнки, которая держит телефон и сосредоточенно снимает видео, прикусив язык передними зубами. Она всегда так делает, и это пробуждает что-то в моём теле.

У меня начинается реакция, которая чрезвычайно неуместна на чтении в детской больнице, так что я отворачиваюсь и снова сосредотачиваюсь на книге. Закончив чтение, мы мастерим поделку, едим кое-какие полезные перекусы, я обнимаю всех на прощание и обещаю Артуру, что скоро загляну и снова увидаюсь с ним.

Идя по коридору, я замечаю, что хромота Фрэнки стала чуть более выраженной, но будь я проклят, если скажу что-то или предложу подогнать фургон прямо к выходу. Она воткнёт эту трость мне в задницу быстрее, чем я успею извиниться.

— Что ж, это было идеально, — говорит она. — И я выиграла пари с Николь из пиар-отдела.

— Что за пари?

Она улыбается, когда мы останавливаемся перед лифтами, и нажимает кнопку вызова.

— Что ты не сможешь прочесть книгу без слёз.

— Вау. Мягкая сторона моей натуры принесла тебе деньги, Франческа. Как здорово быть использованным ради прибыли, — она толкает меня и сама отскакивает назад по инерции, поскольку моё тело не поддается. Я ловлю её за локоть и поддерживаю. — Полегче.

Фрэнки смотрит на меня. Жар пронизывает мою ладонь, пока я сжимаю её руку. Она напрягает свой худой бицепс в моей хватке и выгибает бровь.

— Осторожно, — говорит она. — Не поранься.

Я аккуратно сжимаю её мышцу и щурю глаза, изображая сосредоточенность.

— Впечатляет.

Её улыбка меркнет, взгляд опускается к моим губам. И внезапно мне не кажется, будто мы дурачимся. Уже нет.

Двери лифта открываются, я опускаю руку, и момент упущен.

Как только мы оказываемся в фургоне и уже едем по 110-Саут в сторону Манхэттен-бич, Фрэнки утыкается в телефон и бормочет себе под нос, отвечая на письма и проверяя соцсети. Затем она прослушивает сообщения на голосовой почте. Я кошусь на неё при каждой удобной возможности (когда делать это безопасно) и говорю себе, что справлюсь. Я могу поселить в своём доме женщину, по которой схожу с ума, и держать себя в руках. Я могу...

— Рен!

Я резко жму по тормозам, оглядываюсь вокруг, думая, что Фрэнки увидела нечто, что я вот-вот собою.

— Что? Что такое?

Она опускает телефон.

— Прости. Я хотела остановить тебя прежде, чем мы проедем Хоторн. Я просто вспомнила, что хотела бы забрать почту из своего дома.

У меня вырывается вздох облегчения.

— Конечно, Фрэнки, без проблем.

Мы как раз должны были проехать её район, так что через считанные минуты я останавливаюсь перед её домом.

— Могу я сходить за почтой вместо тебя? — спрашиваю я.

Фрэнки открывает рот. Закрывает. Часто моргает.

— Эм. Я собиралась сказать, что я большая девочка, которая может забрать свою почту из недавно ограбленного дома, но теперь мне что-то неспокойно.

Распахнув дверцу со своей стороны, я улыбаюсь ей.

— Сейчас вернусь.

Когда я возвращаюсь в фургон и кладу почту ей на колени, Фрэнки быстро перебирает её и останавливается, дойдя до одного конверта. Она так стискивает его, что белеют костяшки пальцев.

Мне не надо лезть не в своё дело. Отведя взгляд, я сосредотачиваюсь на том, чтобы влиться в движение и поехать в сторону дома. Фрэнки неотрывно смотрит на конверт так

долго, что мой дом уже виднеется впереди.

Внезапно она разрывает конверт и выдёргивает из него маленькую стопку сложенных втрое бумаг. Расправив их, она лихорадочно пробегаётся глазами по тексту, а потом фургон заполняется оглушительным визгом.

— Я поступила! — орёт она.

Куда она поступила? Я кошусь на обратный адрес на конверте. Юридический факультет КУЛА.

Ангелы поют «Аллилуйя» в моей голове. Фрэнки поступает на юриста. А это означает, что Фрэнки недолго осталось работать на Кингз.

А значит, скоро... Фрэнки уже не будет под запретом.

Припарковав машину, я в трансе смотрю перед собой. Меня накрывает волна сокрушительного страха. Фрэнки уедет. Игра на выживание окончилась. Мне наконец-то пора делать первый шаг. И я внезапно понимаю, что даже не знаю, каким он будет.

— Поздравляю, — хрипло выдавливаю я.

Когда она поворачивается ко мне, её глаза блестят от непролитых слёз. Я впервые вижу её такой счастливой.

— Рен, прости, что я слетела с катушек. Я просто не думала, что поступлю.

Наконец, ко мне возвращается дар речи, и я поворачиваюсь на сиденье лицом к ней.

— Ты не думала, что поступишь? Фрэнки, естественно, ты поступила бы. Ты собираешься изучать спортивное право? Планируешь быть агентом?

Она улыбается мне, вытирая слёзы.

— Ага.

«*Будь моим агентом*», — хочу сказать я. Вот только как бы мне ни понравилось иметь такого умного и сурового агента, который обсуждал бы каждый мой контракт, я хочу от Фрэнки намного большего. Я хочу её улыбки. Её тело. Её чувство юмора. Её безраздельное внимание и начитанное остроумие.

Если позволить себе помечтать по-настоящему, я хочу её любви.

Я хочу Франческу Зеферино. Она — моя конечная цель. И теперь мне наконец-то предоставляется шанс.

— Ты отлично справишься, Фрэнки, — говорю я ей. — Ты должна гордиться собой.

Крохотное пространство в салоне фургона делается почти клаустрофобным. Я тону в её орхидейном парфюме, слышу её тихое размеренное дыхание, пока она улыбается мне, буквально светясь от счастья. Теперь, когда передо мной простираются возможности, я вижу зияющую пропасть между тем, кто мы есть, и кем я хочу нас видеть. Я три года был для неё одним из парней. Я сдерживался, прикусывал язык, ждал. И ждал. И ждал.

Но это не значит, что я не могу это сделать. В конце концов, я делал такое на арене — выжидал, шёл к голу, когда момент подворачивался, а потом с поразительной точностью пользовался плодами своего терпения. Если я могу сделать это в хоккее, я могу сделать это с Фрэнки.

Ведь так?

— Я тебя не вижу, Аксель, — наклонив экран ноутбука, я ставлю его так, чтобы мой старший брат хотя бы видел моё лицо.

— Тебе не нужно меня видеть, — бормочет он, находясь наполовину за кадром. Что-то

с грохотом падает, и он матерится себе под нос. — Я слушаю.

— Вау, спасибо. Сейчас я чувствую себя по-настоящему значимым, Аксельрод.

Он застывает, затем наклоняется перед экраном, показывая прямо в камеру длинный средний палец.

— А это видишь?

Я улыбаюсь.

— Спасибо.

Он со вздохом садится прямо перед экраном и проводит пальцами по волосам.

— Я перестал писать картину ради тебя. Прими к сведению. Как тебе такая расстановка приоритета?

Шум в доме заставляет меня обернуться через плечо. Оливер и Вигго проносятся по кухне и немедленно начинают шарить по шкафчикам, набирая полные руки еды.

Я показываю на них большим пальцем и смотрю на Аксея на экране.

— Они даже не здороваются. Только растаскивают содержимое моей кладовки.

Он пожимает плечами.

— Они животные. Думаю, когда они родились, мама уже слишком устала, чтобы заниматься их дрессировкой.

Вигго и Оливер разные, как день и ночь, но так же неотрывно связанные. Их разделяет ровно 12 месяцев, и их часто принимают за близнецов, поскольку теперь, став полностью взрослыми, они одного роста, одинакового худого телосложения, и с такими же светлыми глазами, как у меня. Единственное заметное физическое различие — это волосы Вигго, которые имеют насыщенно-каштановый оттенок, как у Аксея, а Оливер — блондин, как Райдер.

— В чём дело? — Акс барабанит пальцами по столу. — Ты в порядке?

— Со мной всё нормально. Давайте подождём, когда подключится Райдер, и я объясню.

— Я бы хотел в конечном счёте вернуться к картине. Я не могу тратить на это весь вечер.

У моего старшего брата весьма специфический и неподатливый характер. Он не любит выражать привязанность, избегает прикосновений, он одиночка и невероятно прямолинеен. Большую часть времени его лицо остается серьезным, его ответы немногословны, но за этой колючей наружностью кроется любящий и верный человек. Просто надо разглядеть его за этой отстраненностью.

— Я в курсе, — говорю я ему. — Я не буду тебя задерживать. Встреча не продлится долго, как только мы все соберёмся.

Акс сухо смеётся.

— Не продлится долго? Это ты про нас? Ты как будто собственную семью не знаешь.

Вигго закрывает раздвижную дверь за собой и Оливером, когда они выходят на террасу.

— Какая громкая критика, — говорит Вигго, — из уст парня, который переехал в Сиэтл и приезжает в гости два раза в год.

— Предатель, — бурчит Оливер.

Акс хмурится.

— Во-первых, я бываю в чёртовом солнечном Лос-Анджелесе минимум десять раз в год, ясно? И ты знаешь, как я ненавижу летать на самолёте. Во-вторых, я взрослый человек. У меня своя жизнь. Для вас, щенков, это непонятная концепция, но однажды карьера и обеспечение самих себя уже не будет абстрактной концепцией. Вот тогда поймёте.

Вигго садится и раздражает пачку чипсов, пока Оливер открывает банку сальсы.

— И каким-то образом, — говорит Оливер, — мы сумеем сделать это, не бросая свою семью.

Лицо Акса напрягается. Я поворачиваюсь и награждаю выразительным взглядом Вигго и Оливера.

— Это было слишком резко, и вы это понимаете. Он никого не бросал. Он переехал в место, которое делает его счастливее всего.

Вигго фыркает, макая чипсину в сальсу и хрустя ей.

— Аксель. Счастливый. Ха.

Аксель открывает рот, выглядя одновременно рассерженным и оправдывающимся. Это маленькое собрание выходит из-под контроля.

— Ладно, — я поднимаю ладони. — Давайте отложим этот разговор до другого раза.

На экране появляется лицо Райдера.

— Похоже, я явился как раз вовремя.

Оливер перестаёт уминать еду ровно настолько, чтобы помахать Райдеру.

— Привет, Рай! — кричит Вигго.

Акс наклоняется и шурится.

— Это мой брат или йети?

Райдер показывает Аксу средний палец.

— Борода никуда не денется, как бы ты её ни ненавидел.

— Первые двадцать лет своей жизни ты был без бороды, — говорит Акс. — Я просто не понимаю, почему людям надо вот так менять вещи. Это мне не нравится.

Райдер издаёт хрюкающий смешок.

— Мне очень жаль, что я испортил твою рутину, отрастив лицевые волосы, но мне так нравится.

— Ребята, — я откашливаюсь.

Акс начинает спорить с Райдером. Вигго и Оливер воюют из-за пакетика вяленой говядины, каждый пытается перетянуть его себе. Меня никто не слушает.

— Ребята!

Все застывают с виноватыми физиономиями.

Райдер и Акс на экране выпрямляются на своих стульях. Оливер отдаёт вяленую говядину Вигго. Вигго раздражает пакетик и кидает часть Оливеру на колени. Они оба рвут мясо зубами, и одновременный щелчок разорвавшегося вяленого мяса — это единственный звук, помимо волн, разбивающихся о берег.

— Спасибо, что присоединились к экстренному совещанию, — снова прочистив горло, я оборачиваюсь к дому, убеждаясь, что Фрэнки не пришла домой пораньше. Она должна быть на водной аэробике и сказала, что придёт поздно, пробурчав что-то про то, что уберётся с глаз моих долой. У меня на языке так и крутилась фраза о том, насколько это не совпадает с моими желаниями.

— Ладно, как известно всем собравшимся, я весьма неуклюж с дамами, — хор хрюканья и сдерживаемых смешков перебивает меня, но быстро стихает. Они все делают нейтральные лица.

— Продолжай, — серьёзно говорит Аксель.

— Ладно. Ну, вы, парни, помните Фрэнки, я её упоминал. Она наш менеджер социальных сетей.

Райдер играет бровями.

— Уилла была правааааа, — нараспев тянет он. Я бросаю на него взгляд. Он лишь улыбается ещё шире.

— Меня влечёт к ней, — говорю я им. — Я бы с удовольствием пригласил её на свидание. Я хотел сделать это с самого нашего знакомства, но сейчас мы с Фрэнки не можем встретаться, пока работаем вместе.

Акс показывает жест, универсально означающий «давай ближе к делу».

— Она уволится, когда мы вылетим из плей-оффа или когда выиграем Кубок, — продолжаю я. — Она поступила на юридический факультет, и вскоре мы не будем коллегами. А значит, сейчас у меня есть шанс пригласить её на свидание. И я... я понятия не имею, как действовать. Что мне сказать? И когда? *«Эй, Фрэнки, я сох по тебе три года, втайне желая встретаться с тобой, а теперь мне можно это сделать»?* Звучит жутковато. Как будто я сталкер, — я тру лицо. — Почему всё это так сложно?

Райдер и Аксель одновременно складывают пальцы домиком перед своими ртами. Оливер задумчиво жуёт чипсы, а Вигго проглатывает кусок вяленой говядины и говорит:

— Ты знаешь, нравишься ты ей или нет?

— Ну, я думал, что не нравлюсь. Но на днях она кое-что сказала, и из-за этого я подумал, что может быть? Как минимум, возможно, она открыта для такой идеи?

Я рассказываю им наш разговор, когда мы ели китайскую еду у неё дома, и когда я заканчиваю, они все смотрят на меня с широкими улыбками.

— Что? — спрашиваю я.

Райдер один раз хлопает ладонями и трёт ими в знак предвкушения.

— Ладно, нам предстоит много работы.

Оливер и Вигго начинают тараторить наперебой, стараясь вставить свои пять копеек.

Аксель поднимает ладонь, затыкая всех.

— Прежде чем мы сформируем план нападения, я должен спросить. Ты сказал всё, что нам нужно знать?

— Ну, пожалуй, я забыл упомянуть одну деталь. Она временно живёт со мной.

У Райдера отвисает челюсть. Аксель выпучивает глаза. Вигго и Оливер тупо хлопают глазами от шока. А потом все четверо взрываются советами, лихорадочно перекрикивая друг друга. Я открываю заметки на телефоне. Заставляю их говорить по очереди. Разнимаю ещё шесть разных ссор, когда они не соглашаются относительно тактики.

Как и предсказал Аксель, совещание получается каким угодно, но не кратким. К тому времени, когда я записываю десятый совет Акселя, соотнося его с несколько противоречивым советом Райдера, звук подъезжающей к дому машины заставляет всех нас застыть.

— Пресвятая ежевика! — шиплю я.

Оливер хрюкает.

— Ты только что...

— Это она!

Я захопываю ноутбук с Райдером и Акселем. Оливер и Вигго вскакивают, неловко столкнувшись в попытке смыться со своих стульев. Они налетают друг на друга, скатываются по ступеням на песок и бегут вдоль стены дома как раз в тот момент, как Фрэнки заходит на кухню. Её взгляд скользит к террасе и подмечает гигантскую гору еды на столе, оставленную моими братьями. Она приподнимает бровь, но я не успеваю даже

помахать ей, как она скрывается из виду.

Я смотрю ей вслед, как огорошенный идиот, слыша в голове все советы своих братьев, их голоса воюют и спорят, что мне делать дальше. Нутро скручивает тревогой и волнением. Что мне делать? Какой шаг будет правильным?

Фрэнки открывает раздвижную дверь, и выскакивает Пацца, сразу несущаяся к берегу. Фрэнки улыбается мне, и её лицо озарено светом звёзд.

Голоса моих братьев стихают. Нас окружает океанский бриз. И ответ кристально ясен.

— Как насчёт прогулки под луной, Франческа?

Её улыбка становится шире, и она берёт меня под руку, не говоря ни слова. Но мне и не нужен другой ответ.

Глава 12. Рен

Плейлист: Jake Shimabukuro — Hallelujah

— Я видела перед домом Субару, — Фрэнки мотает головой в сторону дома, но не сводит глаз с Паццы, носящейся по песку. — Машина соседей?

Я бросаю мячик Пацце, затем поворачиваюсь и смотрю на Фрэнки.

Такая красивая. Без макияжа, волосы после бассейна собраны в гладкий пучок, мягкие губы то и дело прикушены между зубами, тёмные ресницы медленно моргают.

Она наклоняется поближе и понижает голос.

— Может, это машина твоей загадочной дамы сердца. Она наконец-то образумилась и нанесла визит.

Я понимаю, что она по большей части шутит. Она бы не гуляла со мной по песку, если бы правда думала, что в доме меня кто-то ждёт. Но так сложно знать, что сказать, когда Фрэнки заводит разговор о себе, не зная, что я всегда думаю и говорю именно о ней.

Порыв ветра проносится между нами и бросает тёмную ленту волос на её лицо. Я аккуратно провожу пальцем по её скуле и убираю эту прядь цвета эспрессо за её ухо. Мне не стоит этого делать, но я не могу сдержаться. Она почти неувовимо подаётся навстречу моему прикосновению. Я позволяю пальцами дотронуться до раковины её уха — практически невесомое касание, не ощутимее ветерка на её шее — а потом опускаю руку.

— Это были мои братья, — хрипло выдавливаю я.

Она хмурится.

— Твои братья? Где они?

— Уехали. Прямо перед твоим приходом. Поверь мне, ты не готова знакомиться с ними. Только не с щенками. Ты видела погром, который они оставили на столе.

Её тихий смех и улыбка ударяют меня подобно двойной волне, к которой я не был готов. Я по пальцам одной руки могу пересчитать разы, когда мне удалось рассмешить Фрэнки. Это ощущается как подарок.

— Ты сказала своей семье про поступление? — я подхватываю мячик Паццы, делаю обманный манёвр, затем кидаю его по дуге.

— Сказала. Позвонила перед водной аэробикой и всё рассказала. Они порадовались за меня, — Фрэнки прочищает горло. — О, и у меня было голосовое от арендодателя. Он сказал, что до сих пор чинит урон, нанесённый на кухне и в моей комнате, но скоро всё будет готово. Наверное, я сумею переехать на следующей неделе после игр в Миннесоте.

— Ну... это хорошо.

«Просто гений красноречия, Бергман».

Я представляю собой нервное месиво. Я столько всего хочу ей сказать, но всё это отказывается выходить из моего мозга внятными формулировками. Я хочу попросить её остаться, даже если вернуться в бунгало будет безопасно. Я хочу признаться, что схожу по ней с ума. Я хочу спросить, сходит ли она с ума по мне ну хоть немножечко.

Но единственное, в чём сегодня согласились все пять братьев Бергманов — это то, что мне стоит повременить с признанием.

А вот когда признаваться, тут среди моих братьев не было единства. Аксель и Оливер сказали ждать, когда она уволится; Райдер и Вигго проголосовали за то, что не надо ждать

так долго. Можно подождать, пока она не съедет к себе, потому что если она не разделяет мои чувства, так ей не придётся торчать у меня дома.

Всего лишь придётся работать со мной.

Фрэнки пристально смотрит на меня. Я заметил, что иногда она делает так — не просто смотрит, а как будто пытается заглянуть внутрь меня.

— Всё в порядке? — спрашивает она.

Я опешиваю.

— Что ты имеешь в виду?

— Я подумала, может, ты злишься. Твой ответ был таким кратким. И обычно для меня это читается как злость.

— Фрэнки, нет, — мне приходится сдержаться, чтобы не обнять её. Я хочу целовать её в лоб и умолять сказать, почему она решила, будто я злюсь, хотя на деле всё далеко не так. — Почему ты так подумала?

Её взгляд дрейфует к волнам, разбивающимся о берег.

— Мне непросто читать людей. Обычно я не могу по лицу понять, что чувствует человек, пока не узнаю его или её очень хорошо. Мне нужно много времени на изучение выражений чьего-либо лица, — она поворачивается и снова пристально смотрит на меня, серьёзно хмурия лоб. — Это потому что я аутист.

Весь воздух вырывается из моих лёгких. У Фрэнки расстройство аутического спектра.

Боже, вот это я тупил. Я знаю, что аутизм проявляется у каждого по-своему, одновременно прячась и выскальзывая наружу. Моя младшая сестра Зигги, с которой я очень близок, получила диагноз «аутизм» год назад. Акселю диагноз не ставили, но после того, как диагностировали Зигги, я всё чаще удивляюсь, почему этого не случилось. Короче говоря, я хорошо знаком с аутизмом, видя его в близких людях. Так почему я не узнал его в Фрэнки?

Шагнув поближе, я робко переплетаю наши пальцы, готовясь к тому, что Фрэнки отстранится, отвергнет жест. Но она этого не делает. Вместо этого она крепче сжимает мои пальцы.

— Спасибо, что сказала мне, Фрэнки. Спасибо, что доверилась.

Она запрокидывает голову, глядя мне в глаза.

— Мне жаль, что я не сказала тебе раньше. Но когда мы познакомились, ты был всего лишь ещё одним игроком команды. Это не казалось необходимым.

Одно маленькое слово — «был» — но от этого всё моё тело переполняется надеждой.

— Могу я спросить, почему ты не говоришь остальным? Почему ты говоришь мне сейчас? Если это личное, я пойму.

Фрэнки сжимает мою ладонь, и мне приходится подавить хриплый вдох. Её ладонь мягкая и прохладная от ночного воздуха. Она идеально помещается в моей руке.

— У меня есть... есть маска, которую я ношу на работе, — отвечает она. — Я скрываю большую часть себя, чтобы делать свою работу. Зачем говорить людям, что я аутист, если я веду себя не как аутист?

— Разве это не выматывает? — я помню, что Зигги повторяла это раз за разом. *«Я так устала. Так устала притворяться и всё равно чувствовать себя так, будто мне это не удаётся. Я чувствую себя невидимой. Даже для себя самой».*

— Да, — она улыбается. — Отсюда и юрфак. Изучение и обсуждение права — тут пригодится быть изошрённо наблюдательной, зацикленной на деталях, методичной, гипертсосредоточенной, буквальнoй, прямолинейной. Иногда я беспокоюсь о том, что я

упускаю невербальные детали в коммуникации. Я знаю, что в юриспруденции бывают коварные ситуации, и люди могут искажать слова, но я же не буду оспаривать всё в зале суда. Я буду читать сноски мелким шрифтом, вести переговоры по контрактам клиентов, которых мне доведётся хорошо узнать, так что, думаю, я хорошо справлюсь. Я смогу быть собой.

— Я рад за тебя, Фрэнки. Ты заслуживаешь быть собой. На работе. С друзьями. Где угодно.

Она смотрит на меня очередным пронизывающим взглядом.

— Спасибо.

Пацца лает и кружится, гоняясь за собственным хвостом. Мы смотрим на неё, и между нами воцаряется тишина, нарушаемая лишь шумом океана рядом.

— Ты же помнишь, что моих братьев и сестёр хватит на население маленькой страны, да?

Фрэнки морщит нос, явно растерявшись.

— Да?

— У моей младшей сестры аутизм. Конечно, все по-своему уникальны, и я далеко не эксперт, но у меня есть близкий человек-аутист. И я надеюсь, ты будешь чувствовать себя в безопасности со мной.

Фрэнки шмыгает и вытирает нос. Несколько раз моргает и промокает глаза рукавом толстовки, натянув его на основание ладони.

— Ты в порядке?

— Я не плачу, — сразу же отвечает она.

Я сжимаю её руку, большим пальцем рисуя нежные круги на её ладони.

— Конечно.

— Просто ветрено, — говорит она.

— Очень ветрено.

Когда она поднимает на меня взгляд, она улыбается. И это просто стрела в сердце.

Я хочу поцеловать Фрэнки. Очень сильно.

«Не тогда, когда она твоя гостья, и ей некуда идти. Будь терпелив. Ты ждал так долго. Подожди ещё немножко».

— Ты пялишься на мой рот, — шепчет она.

— П-прости, — я пытаюсь отвести глаза, но мой взгляд сразу возвращается обратно, как компас, нацеленный на истинный север.

— Такое чувство, будто ты хочешь поцеловать меня, Зензеро, — она прикусывает губу и тоже смотрит на мой рот.

Я просто пялюсь на неё как идиот. Пацца роняет свой слюнявый мячик у моих ног, бодает меня и гавкает. Но я ничего не замечаю. Я вижу лишь Фрэнки. Фрэнки, которая смотрит на меня в ответ, и это подобно свободному падению сквозь время и пространство, я теряюсь в водовороте её взгляда.

Это происходит словно в замедленной съёмке: Фрэнки привстаёт на цыпочки, её пальцы обхватывают мои руки для опоры. Я втягиваю воздух, когда мою кожу будто простреливает искрами, и она прислоняется ко мне. Её изгибы прижимаются к каждой жёсткой грани моего тела, её руки сжимаются крепче. Прежде чем я успеваю осознать происходящее...

Сладчайшие губы прикасаются к моим. Её губы полные и мягкие, она обхватывает мою

нижнюю губу и нежно посасывает. Мой вдох получается прерывистым, а выдох превращается в стон облегчения. Она скользит ладонями по моим плечам, вверх по шее и запускает пальцы в мои волосы. Её прикосновение нежное, но решительное, тёплое и ласковое, пока она легонько целует уголки моих губ.

Я обвиваю рукой её талию и притягиваю ближе. О Боже, её тело. Стройное, сильное, подтянутое в районе рёбер, где я её обнимаю, но мягкое там, где её груди прижимаются к моему торсу, где её бёдра льнут к моим. Положив ладонь на её шею, я массирую напряжённые мышцы у основания её черепа. Фрэнки стонет мне в рот, её губы размыкаются, и я клянусь, этот звук сотрясает землю под моими ногами. Другую ладонь я опускаю ниже по её спине и прижимаю к себе покрепче, остановившись на лёгком изгибе её позвоночника.

Как то, о чём я мечтал, может столь безгранично превзойти плоды моего воображения, я никогда не узнаю. Я думал, будто понимаю, чего ожидать, какой сладкой она будет на вкус, какими тёплыми и мягкими окажутся её губы. Но мои мечты — ничто в сравнении с реальностью.

Её язык дразнит мой, медленными, размеренными ласками, которые уговаривают мой язык потянуться навстречу. Я наклоняю её голову в своих ладонях, сам наклоняюсь в другую сторону, чтобы углубить поцелуй. Мы слегка покачиваемся, сплетаемся языками, поцелуй становится таким же ритмичным, как волны позади нас. Скользнуть, подразнить, отступить.

— О чёрт, — Фрэнки отстраняется, задыхаясь и закрывая рот дрожащими руками. — Окей. Вау. Просто... вау. Окей. Ага, я тебя поцеловала. Я не должна была это делать. Пацца!

Пацца несётся к нам по песку, и меня накрывает реальностью. Фрэнки поцеловала меня. Она поцеловала меня.

«Ты ей нравишься! Во всяком случае, достаточно, чтобы поцеловать».

— Рен, прости, — бормочет она и трёт свой лоб.

— Фрэнки, пожалуйста, не изви...

— Мой учитель йоги придёт рано утром, если ты всё ещё не против?

Ярко-красные щёки, взгляд опущен к песку. Она явно хочет просто двинуться дальше, и я понятия не имею, какие выводы из этого сделать.

— Конечно... Во сколько? Я к тебе присоединюсь.

Это, похоже, выдёргивает её из бездны смущения. Она отшатывается, будто я удивил её, и приподнимает брови.

— Это не разминочная «йога» для чайников, которую команда выполняет с Ларсом.

— Я в курсе, Франческа.

— Не франческай мне тут, Сорен, — её лицо делается отстранённым, пока она медленно пятится назад. — В восемь.

Я невольно улыбаюсь.

— Я буду там. Доброй ночи, Фрэнки.

Она не отвечает, лишь медленно разворачивается к дому. Я смотрю ей вслед, наблюдая, как силуэт Фрэнки становится всё меньше по мере того, как она аккуратно поднимается по ступеням и заходит внутрь, а Пацца семенит рядом.

Она поцеловала меня. Она поцеловала меня. И я поцеловал её в ответ.

Я достаю телефон и открываю групповой чат с братьями. Они просто обалдеют.

Я просыпаюсь усталым, ноющим и раздражённым, потому что слишком мало спал и

видел слишком много снов о Фрэнки и её безумно мягких губах. Перекатившись, я тру глаза и смотрю на часы. Должно быть, я неправильно читаю время. Или же я проспал будильник.

Тихие отголоски голоса, не принадлежащего Фрэнки, а потом её смех, подтверждают второй вариант.

— Да чтоб меня рак цапнул!

Я чищу зубы, одновременно натягивая трико и футболку. Я быстро провожу руками по волосам, приглаживаю бороду, чтобы не выглядела совсем ужасно, и сбегая вниз в свой спортзал.

На пороге я замираю. Там мужчина. Мужчина, видимо, не очень любит одежду или очень хочет распрощаться с руками. Он голый по пояс, на нём лишь шорты-велосипедки, и он сжимает бёдра Фрэнки, стоя прямо позади неё в весьма провокативной позе. Мне приходится пробудить каждую феминистскую, эволюционировавшую, XXI-вековую часть моей натуры, чтобы не зарычать и не швырнуть его к стене.

Подавив пещерные инстинкты, я захожу внутрь.

— Доброе утро. Простите, что опоздал.

Фрэнки косится на меня из «собаки мордой вниз».

— Доброе утро, Сорен. Это Фабрицио.

— Можешь звать меня Фаби, — он протягивает мне руку. Я принимаю и позволяю себе сжать его ладонь чуть крепче необходимого. Фабрицио, похоже, этого не чувствует, потому что потом просто кладёт ладонь обратно на бедро Фрэнки и сосредотачивается исключительно на её прекрасных ягодицах.

На ней чёрные леггинсы, и по ним зигзагом идет прозрачная полоса до самого бедра. Ногти на её ногах покрашены чёрным, совсем как на руках, а её чёрная и укороченная маечка облегает рёбра. Так много золотистой кожи, мышц и идеальных изгибов Фрэнки.

— Что ж, — говорит Фабрицио. — Сорен...

— Рен, — поправляю я его, пройдя в другую сторону помещения, и начинаю будить своё тело, делая круги руками и мягкие вращения торсом.

Он склоняет голову в жесте извинения.

— *Scusa*. Фрэнки назвала тебя так, и я просто предположил.

— Ничего страшного. Она так дразнит меня.

Фрэнки косится на Фабрицио и говорит ему что-то по-итальянски. Он смеётся, и его ладони опускаются ниже по её бёдрам, сжимая коленные чашечки. Он наклонился и практически использует её попу в качестве подушки.

— Итак, Фабрицио, — выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. — Давно ты обучаешь Фрэнки?

Он улыбается. Клянусь, он знает, что дразнит меня. Встав, он кладёт ладонь на поясницу Фрэнки и проводит по её позвоночнику.

— Три года, — говорит он с улыбкой. — А теперь почему бы нам не начать с основ и посмотреть, каков твой уровень, Рен?

Перейдя в переднюю часть комнаты, Фабрицио начинает приветствие Солнцу. Пусть я практикую лишь базовую йогу с нашим диетологом и тренером по оздоровлению, Ларсом, я достаточно знаком с процессом, чтобы следовать за Фабрицио и с легкостью выполнять позы.

Я чувствую на себе взгляд Фрэнки, но стоит мне посмотреть в её сторону, как она уже глядит на Фабрицио, болтает с ним по-итальянски, затем переводит, как я подозреваю, лишь

часть сказанного для меня. Спустя миллион повторов чатуранги, затем разных поз воина, напоминающих мне о том, как плохо раскрыты мои мышцы паха, её инструктор выпрямляется и окидывает меня взглядом.

— Рен, ты скромничаешь, друг мой, — Фабрицио поворачивается к Фрэнки. — Он хорош. Вы двое сделаете совместные позы, *si*?

— Эм, — Фрэнки приподнимает голову в позе ребёнка, и её щёки делаются розовыми.

Я перекатываюсь на спину и улыбаюсь ей, чувствуя себя слегка мстительно настроенным из-за полуголого итальянского инструктора, распускающего руки. Не могла это быть какая-нибудь ворчливая матрона? Нет. Это обязательно должен быть парень, похожий на манекенщика из рекламы одеколона и разговаривающий на её языке. Буквально.

Возможно, приятно заставить её слегка понервничать.

— Что скажешь, Фрэнки? Давай рискнём.

Фрэнки сердито смотрит на меня. Стиснув зубы, она поворачивается к Фаби и морщится.

— Ладно.

— *Eccellente!*⁶ — он хлопает в ладоши.

Фрэнки мрачно глядит на меня, но я лишь широко улыбаюсь. Вот она, моя ворчунья, которую мне так нравится раздражать улыбкой.

— Поза верблюда. Устрасана, — говорит он. Мы с Фрэнки опускаемся на колени так, что наши колени соприкасаются. Затем, держась за предплечья друг друга, мы выгибаемся вверх и назад, принимая позу. В такой позиции мы прижимаемся друг к другу бёдрами... мой пах вжимается в мягкую впадинку между её ногами. У Фрэнки перехватывает дыхание, я прикусываю щёку, чтобы сдержать стон. Это пытка. Я проснулся с наполовину привставшим членом, но теперь в моих трико уже ничего не «наполовину».

— Дышите в позе. Сердца открыты, груди к небу, — говорит Фабрицио, после чего отходит попить воды.

Я чувствую лишь Фрэнки. Тепло её бёдер и гостеприимную податливость между её тазовых костей, куда идеально вжимается моё тело. Она сдвигается, и это движение явно намеренное. Порочное вращение бёдрами.

Милостивый Иисус.

Я пытаюсь представить тот раз, когда нечаянно застучал Фрейю и Эйдена целующимися в начале их отношений (типа, очень активно целующимися), ибо нет ничего более отвратительного, чем видеть, как твоя сестра заталкивает язык в горло какого-то парня, но даже это не гасит курсирующий во мне жар. Я раб своего бешено колотящегося сердца, спешной потребности быть ближе к Фрэнки, глубоко внутри неё, испытать эту связь.

— Франческа, — предупреждающе произношу я.

Она приоткрывает один глаз и усмехается.

— Ты сам ввязался в этот бардак, Сорен. Прежде чем соглашаться на парные позы, надо было подумать, что мы можем прижиматься друг к другу интимными частями тела.

Я шиплю, когда она снова чуточку ерзает. Ну все.

Сжимая её предплечья, я выгибаю свой пах ещё дальше, прижимаюсь к теплу между её бёдрами. Её глаза широко распахиваются, с губ срывается легкий сдавленный звук.

— Ну и как у тебя делишки, *fresterska*?⁷

— Как ты меня назвал? — пищит она.

— Ты не одна тут владеешь вторым языком, — я снова двигаю бёдрами и чувствую, как

её ногти впиваются в мою кожу.

— Хорошо, — Фабрицио возвращается. — У вас прекрасная совместная энергия.

Этот парень, видимо, вообще ничего не улавливает из-за аромата пачули, в котором буквально купается. Тут нет ничего прекрасного. Это чистое мстительное сексуальное неудовлетворение.

— А теперь мы завершим ещё одной позой, которая вас соединит, — говорит он.

Отпустив руки друг друга, мы следуем его указаниям, разворачиваемся и садимся спина к спине. Мой разворот сопровождается незаметным поправлением ситуации в трико после этого верблюдного безобразия.

— Скрутка в позвоночнике, — Фабрицио наклоняется над нами и заставляет выпрямиться так, что мы вплотную прижимаемся спина к спине. Я чувствую позвонки Фрэнки, её выступающие лопатки и улавливаю лёгкий аромат орхидейного парфюма, смешивающийся с дразнящим запахом пота. — А теперь оба наклоняйтесь в правую для вас сторону. Ладонь кладите на ногу партнёра и опирайтесь, вытягивая позвоночник.

Ладонь Фрэнки крепко ложится на моё бедро. Моя рука сжимает её повыше колена, поскольку моя поясница не настолько гибкая. Вокруг тишина, слышно только наше дыхание.

— Дыхание уджайи, — тихо говорит он. — Вдох через нос, и выдыхаем подобно волнам за нами.

Наше глубокое дыхание синхронизируется, наши спины поднимаются и опадают в едином ритме.

— Наконец, — Фаби счастливо вздыхает, — умиротворение восстановлено.

Глава 13. Фрэнки

Плейлист: Regina Spektor — The Calculation

— Итак, — Рен подвигает в мою сторону молоко и маленькую сахарницу. — Фабрицио, да?

Я кладу ложку сахара с горкой в свою кружку и размешиваю, мрачно глядя на Рена. Пустая ноющая боль между моими бёдрами — целиком и полностью его вина. Я не испытывала такого сексуального неудовлетворения аж с пубертатного возраста. Я знаю, что не стоило целовать его вчера. Я позволила себе поддаться его сногшибательной милоте и поцеловала его за это.

Но я выразила сожаление. Я ясно дала понять, что это был несчастный случай.

Тогда почему он так флиртовал и принудил нас заниматься тантрической йогой сегодня утром? Теперь мне весь день приходится страдать от его абсурдно сексуального присутствия и ходить с дамской версией постоянного стояка. Просто прекрасно, бл*дь.

Я делаю медленный вдох, который меня ни капельки не остужает, затем отпиваю глоток кофе.

— Я выбрала Фаби, потому что так я практикую итальянский и остаюсь гибкой.

Рен бурчит что-то в свою кружку кофе.

— Что? — переспрашиваю я.

— Ничего, — он ставит кружку и бросает на меня взгляд, который я не могу прочесть. — Хочешь завтрак?

— А что в меню?

Рен отходит к холодильнику. Я предпринимаю отважную, но по большей части провальную попытку не пялиться на все мышцы, явно проступившие под промокнутой от пота футболкой, которая льнёт к его телу.

— Яичные белки. Ягоды. Бекон из индейки.

— Фу.

Он улыбается мне через плечо.

— Добро пожаловать в диету хоккейного сезона, Франческа.

— Разве тебе не нужны углеводы? Немножко жиров? Ты сжигаешь невероятное количество калорий во время игры.

— Да, — он бедром закрывает дверцу холодильника, потому что его руки заняты кучей продуктов. — Но они должны быть правильными. Для этого я готовлю смузи.

Положив свою ношу на стол, он начинает нарезать овощи.

— Обещаю, омлет на удивление вкусный. Я добавлю тебе сыра. Ларсу не скажем.

Я утаскиваю только что отрезанный кусочек зелёного болгарского перца и жую его. Ларс — это диетолог и тренер по оздоровлению.

— Он меня убьёт, если узнает, как я на тебя влияю. Как думаешь, чем питается Ларс? Помимо смузи из пророщенной пшеницы. Мне кажется, у него всего 1 % жира в теле.

— Понятия не имею. Но готов поспорить на свой фургон, что он уже лет десять не ел бургеры, — Рен бросает лук и болгарский перец на сковородку, перед этим налив на неё самую маленькую капельку оливкового масла в истории. — Это объясняет, почему он постоянно такой ворчливый.

— Так, давай не будем осуждать ворчливых мира сего. У нас есть свои причины.

Рен поднимает взгляд и кладёт нож.

— Ты не ворчливая, Фрэнки. Ты просто...

Я подавляю улыбку и утаскиваю кусочек чеддера.

— Я ворчливая.

— Ты серьёзная.

— Это мило, Зензеро. но я ворчливая. Так лучше для всех. Это держит парней в узде, и они боятся моих проклятий.

Рен улыбается про себя, позволяя омлету шкворчать на сковородке и смешивает нам ягодное смузи. Мы быстро едим в тишине, изредка косясь по сторонам, когда Пацца снуёт между нами и подъедает всё, что мы нечаянно роняем.

Когда я съедаю последний кусочек, Рен спрашивает:

— Итак. Каков вердикт по омлету из яичных белков?

Я бросаю вилку и похлопываю себя по животу.

— Очень вкусно. Чеддер всё спас.

— Ага, — он берёт мою тарелку и кладёт поверх своей. — Сыр делает всё съедобным. Иначе на вкус и правда как картон.

Соскользнув с барного стула, я делаю последний глоток смузи и ставлю бокал обратно.

— Ещё раз спасибо за завтрак, Зензеро. Оставь посуду, я помою после душа.

Моё тело окоченело. С утра мне надо принять душ, прежде чем делать задачи, требующие такой координации, как мытьё посуды. Если бы я попробовала сейчас, то в итоге уронила бы и разбила всё, что попыталась удержать.

Он машет рукой.

— Да тут дел на две секунды. И ты моя гостья.

— Ну, тогда хотя бы позволь мне приготовить что-нибудь вкусненькое на завтрак в следующий раз. Я готовлю убойный тёплый сэндвич в микроволновке.

Его смех всё ещё эхом отдаётся на кухне, когда я иду в свою гостевую комнату и включаю душ. Я делаю воду очень горячей, позволяя ей успокоить мои суставы, которые размялись на йоге, но потом постепенно заоченели, когда моё тело охладилось. Выйдя из душа, я заворачиваюсь в полотенце, затем заворачиваю волосы в тюрбан из второго полотенца. Я делаю свой рутинный уход — увлажняющий крем, консилер под глаза, немного пудры, чтобы не блестеть как блинчик. Габби постоянно пыталась покрыть меня слоем макияжа, но я чувствую себя как в маске, если наношу что-то сверх привычной нормы.

Мне и без того хватает масок.

Я как раз закрываю свой ванильный бальзам для губ, когда слышу, что входная дверь открывается и закрывается. Пацца в моей комнате начинает гавкать как сумасшедшая. Мою кожу словно покалывает нервозностью.

— Рен? — зову я.

Ответа нет. Открыв дверь ванной, я снова зову Рена по имени. Ничего.

Лишь тихие шуршащие звуки на кухне. Теперь мне уже любопытно. Рен уже закончил принимать душ? Может, он выходил забрать газету. Поэтому я и слышала открывание и закрывание двери. В конце концов, люди же не грабят многомиллионные особняки на пляже только для того, чтобы захлопнуть за собой дверь и наведаться на кухню.

«Но грабители же растащили твою кладовку».

Чёрт. Так ведь и было.

У меня чрезмерно активное воображение. Оно много лет питает мою тревожность, но с помощью психолога я научилась справляться, сосредотачиваться на рациональных объяснениях и успокаивать нервное, иррациональное существо внутри. И, знаете, травка помогает. Но сейчас в моём организме нет травки, и единственная логичная мысль утверждает, что всё наверняка в порядке.

Я медленно иду в сторону кухни. Пройдя коридор и получив хороший обзор, я вижу, что никого нет. Но потом понимаю, что холодильник открыт.

Внезапно оттуда высовывается мужчина. Я испускаю душераздирающий вопль и отшатываюсь, налетев на стену в коридоре.

— Фрэнки! — кричит Рен где-то в доме. Я слышу, как с грохотом распахивается дверь, затем топот его шагов.

Мужчина широко улыбается мне, закрывая холодильник своей задницей и вытирая яблоко о футболку. И от этого кажется менее угрожающим. Ну, если только он не один из тех улыбающихся серийных убийц. Которые сначала съедают полезный перекус.

Мой ужас начинает стихать, когда я понимаю, что узнаю его глаза. Это глаза Рена. Скулы Рена, его длинный нос, но без горбинки от перелома. Должно быть...

— Фрэнки, — Рен врезается в меня, привлекает к своему телу и разворачивает так, чтобы защитить собой от мужчины. Подняв взгляд, он встречается глазами с парнем и бурчит что-то ужасно похожее на «вонючка».

Шумно выдохнув, Рен смотрит на меня.

— Ладно. Ты в порядке, — нежное объятие, и я оказываюсь притянута ближе. — Это всего лишь мой брат. С тобой всё хорошо?

Я киваю.

— Извини, что запаниковала. Я слышала, как кто-то вошёл, позвала тебя, но ты не ответил, так что я пошла посмотреть, кто там, а он просто выпрыгнул из-за холодильника, как чёрт из табакерки, вот я и испугалась.

Его брат прислоняется бедром к столу. Хрустя яблоком, он говорит с набитым ртом:

— Рен, похоже, забыл про манеры, но я бы тоже слегка растерялся, если бы обнимал женщину вроде тебя, и нас разделяло только полотенце.

Мы с Реном одновременно сглатываем. Теперь я понимаю, что его грудь обнажена, а полотенце низко повязано на бёдрах. Моё завязано повыше груди, но все эти движения значительно его ослабили.

— Я Вигго, — говорит он.

Рену, похоже, плевать на представления.

— Что ты тут делаешь? — резко спрашивает он.

Вигго улыбается и проглатывает, что было во рту.

— Я принёс выпечку для следующей встречи клуба.

— Выпечку? — переспрашиваю я.

— Да, мэ, — говорит Вигго. — Я кондитер-самоучка.

— А ещё он записался в школу плотников, — добавляет Рен, — изучает всё про байки и играет на фиделе. У него проблемы с обязательствами...

— С концентрацией внимания, — поправляет его Вигго, широко улыбнувшись и подмигнув.

Рен тяжело вздыхает и гладит меня по спине, глядя на своего брата. Мне кажется, он сам не осознаёт, что успокаивает меня своим прикосновением.

— Выпечка — это одно из многочисленных его хобби, которые я неосмотрительно поддержал, — Рен сердито смотрит на него. — Ты прекрасно знаешь, что это не сегодня. У меня матч плей-оффа. Не то чтобы Бергманам было дело до хоккея.

Пожав плечами, Вигго хрустит яблоком.

— Упс.

Внезапно я чувствую смещение ткани. У меня вырывается визг, когда полотенце сползает ниже моей груди.

— Рен! — верещу я.

Он разворачивается, снова оказавшись спиной к Вигго. Я заслонена им, а полотенце зажато между нами.

— Я тебя прикрыл. Твоя благодетель сохранена.

Я издаю хрюкающий смешок.

— Моя благодетель. Я потеряла свою благодетель в десятом классе, Зензеро, — его щёки заливаются румянцем. — Но спасибо. Я не хотела, чтобы твой брат видел меня голышом.

В худший момент из возможных моё бедро слабеет, и я пошатываюсь в его руках. Рен подхватывает меня, притягивает ближе, но полотенце соскальзывает ниже и теперь...

Глаза Рена распахиваются шире. Мои голые груди прижимаются к его груди. И во второй, но несомненно более выраженный раз я чувствую...

— Рен, — хрипло шепчу я. — Это твой...

— Да.

— Прижимается к моей...

— Да, — он прочищает горло. — И он очень сожалеет о своей настырности.

Я ощутила весьма обещающие очертания сегодня утром на йоге, но теперь всё подтвердилось. Этот парень огромен.

— Всё нормально, — говорю я, стараясь сохранять спокойствие. — Это... это просто физическая реакция. Это не твоя вина, но срань господня...

— У вас там всё хорошо? — окликает Вигго. И снова хруст яблока.

— Когда я выберусь из этого затруднительного положения, — бормочет Рен, — я затолкну ему целое яблоко в глотку, — он косится на меня. — Мне очень жаль.

— Это я сожалею. Это всё я и моя нога...

— Нет, Фрэнки, — он мягко сжимает меня, и наверное, это должно было подбодрить, но лишь сильнее прижимает наши обнажённые тела друг к другу. Я сама стараюсь не реагировать, но мои соски затвердели, горло и щёки горят румянцем. Тёплая, нуждающаяся ноющая боль между ногами делает меня ещё менее устойчивой.

— У меня есть план, — говорит Рен. — Мы сейчас пойдём так, чтобы ты пятилась назад, и ты окажешься вне поля зрения Вигго. Я закрою глаза, и ты сможешь уйти в свою комнату для уединения.

— Ладно, — я киваю. — Хорошая идея.

Мы медленно и синхронно начинаем идти в сторону моей комнаты. Рен движется размеренно, ведёт лёгкими тычками коленей, а я следую за его направлением и делаю аккуратные шаги задом наперёд.

Он смотрит на меня, отважно стараясь не опускать взгляд ниже моего подбородка, не смотреть на мои голые груди, прижатые к его торсу. Это просто коронный подвиг его джентльменства. Я же, напротив, бесстыжая. Я не могу не заикливаться на том, как

напряглись мои соски, как они задевают мягкие волоски на его крепкой груди. Я чувствую жёсткие линии его грудных мышц, жар его кожи.

— Мы как будто танцуем, — я смотрю на него, пытаюсь отвлечься. — Готова поспорить, ты хороший танцор.

Рен широко улыбается.

— Почему ты так думаешь?

— То, как ты двигаешься сейчас. И как ты грациозен на льду.

Его улыбка делается шире.

— Спасибо, Фрэнки.

— Не за...

Мы замираем, когда полотенце Рена сползает между нами. Прежде чем кто-либо из нас успеваает протянуть руку и поймать его, полотенце падает следом за моим, шорохом скользнув по нашим бёдрам.

Рен ругается себе под нос, прижимая меня ещё ближе, пытаюсь зажать ткань где-то между нашими коленями.

Я смотрю на него, широко раскрыв глаза от шока.

— Ты только что сказал «карбункул»?

— Нет, — он морщится. — Может быть...

Прежде чем Рен успеваает сказать хоть слово, я ахаю, потому что наши полотенца спадают окончательно. Мы голые и прижатые друг к другу. Рен открывает рот, будто хочет что-то сказать, но тут его перебивает тихий свист.

— Чёрт возьми, брат, — говорит Вигго, всё ещё жуя яблоко. — Мне нужно перенять твою рутину тренировок. Вот. Это. Задница.

Рен зажмуривается. Я видела такое выражение лишь в те разы, когда Мэддокс говорил нечто особенно упоротое. Это лицо Рена, которое говорит «Иисусе, даруй мне терпение чтобы я не выбил всё дерьмо кое из кого».

— Убирайся. Отсюда. Вигго.

Выглянув из-за плеча Рена, я вижу, как Вигго усмехается.

— Я вроде как хочу задержаться и посмотреть, как будут развиваться события.

— Фрэнки, — говорит Рен убийственно тихим тоном.

— Хм?

— Я сейчас подниму тебя, но буду держать поближе к себе, чтобы он ничего не видел. Я буду смотреть строго перед собой и занесу тебя в твою комнату.

Я киваю.

— Ладно. Хороший план.

— А когда отнесу тебя, я собираюсь убить своего брата.

Обычно во время пресс-конференций я держусь в уголке с другими пиарщиками и медиа-специалистами. Пресс-конференции — это не моя зона ответственности, но они влияют на мою работу. Чтобы хорошо выполнять свои обязанности, мне надо следить за всем, что происходит с командой, так что важно наблюдать за ходом пресс-конференций.

Роб, Рен, Тайлер и тренер сидят за столом, и вокруг сверкают вспышки камер. Они все в костюмах, но в отличие от Роба и Тайлера, волосы Рена не мокрые и не завиваются у воротника рубашки как обычно. Его щёки не покраснелись от холодного воздуха и часа

игры в хоккей. Ему снова не дали выйти на лёд из-за сотрясения и заживающего плеча, которое его уже не беспокоит, но Эми сказала, что ещё не время для контактных видов спорта.

— Почему Рен там? — спрашиваю я тихонько у Николь, нашего пресс-координатора.

Она косится на меня, скрестив руки на груди.

— А почему он не должен там быть? Он помощник капитана. А ещё он любимец публики. Они его обожают.

— Но он же не играл.

— И он будет объяснять, что в скором будущем это изменится.

Роб заканчивает отвечать на вопрос, и тут кто-то в зале выкрикивает:

— Рен, в сети циркулирует множество фото со вчерашнего и сегодняшнего дня, на которых ты один с менеджером соцсетей команды, Фрэнки Зеферино. Ты можешь прокомментировать слухи о том, что вы якобы вместе?

Мир резко замирает с визгом зажевавшей пластинки. Ну, это случается в моей голове.

Обычно Рен — профи в проведении пресс-конференций, но это для него новая территория. Рена никогда не заставляли с женщиной, никогда не спрашивали о свидетельствах отношений, потому что никогда такого не было. В последние пару дней я видела, как Рен краснеет. Я видела, как он запинается и пытается подобрать слова. Я готова к тому, что сейчас всё будет астрономически плохо.

Но вместо этого Рен моргает своими светлыми кошачьими глазами и опирается на локти, подвинувшись поближе к микрофону.

— С кем я провожу или не провожу время вне арены, не имеет никакого отношения к моей профессиональной деятельности, а пресс-конференция посвящена именно этому. И раз уж мы затронули данную тему, я буду участвовать в четверговой игре. Следующий вопрос.

Он показывает на журналиста и отвечает на новый вопрос, без проблем сменив тему.

«Чёрт. Возьми».

— А он хорош, — бормочет Николь и улыбается мне. — Вы вдвоём, да?

— О нет, это не...

— Я просто дразню. Дарлин сказала мне, что ты просто временно живёшь у него. Мне жаль слышать, что твой дом ограбили.

Я выдыхаю. Я ненавижу такое поддразнивание. Я никогда не понимаю, что кто-то шутит, пока меня не просветят. Моё сердце бешено стучит, руки трясутся от адреналина.

— Спасибо. Всё могло быть намного хуже, если так подумать.

Повернувшись обратно к Рену, я сосредотачиваюсь на нём и успокаиваю своё дыхание. Я испытываю гордость, наблюдая за ним и за тем, как умело и спокойно он держится. Всегда мягко улыбается, всегда вежливо отвечает репортёрам, которые, надо отметить, весьма вежливы с ним. Рена все любят.

Только когда камеры убраны, и репортёры с шумом встают со своих стульев, я понимаю, что Рен развеял напряжение вокруг того вопроса.

Но при этом ни черта не ответил.

Наши парни выходят обратно в сторону недр стадиона, где тренер завершит свою речь после игры и отправит всех праздновать победу, которую едва-едва удалось одержать. Я спешу, насколько это для меня возможно, и лавирую в море репортёров.

Пробравшись сквозь них, чтобы не привлекать нежелательного внимания, я шёпотом шиплю имя Рена.

Он оборачивается через плечо и останавливается, и его улыбка делается шире при виде меня.

— Франческа.

— Не франческой мне, — я тычу его в живот и матерюсь себе под нос. Думаю, я только что сломала палец об его пресс. — Ты ответил не так, как подобало.

Он склоняет голову, черты лица искажаются в хмурой гримасе. Рен бережно берёт меня за локоть, побуждая пойти с ним. Позади нас стена людей, так что я позволяю ему увлечь меня за собой.

— Не хочешь сказать мне, — тихо говорит он, — какой ответ ты бы предпочла?

Я издаю неловкий, опешивший гортанный звук. Я так растерялась, что даже не могу подобрать слова.

— Ты учила меня, что отрицать что-либо — это гарантированный способ заставить людей считать, что ты что-то скрываешь. Я ушел от ответа, не отрицая. Как ты и говорила.

— Ренннн, — стону я. Это был тот самый момент, чтобы всё пресечь. Отрицание. Краткое и вежливое.

Он хмуро смотрит на меня и медлит, бережно отводя меня в сторону в коридоре.

— Что я сделал не так? Как мне это исправить?

Странный комок эмоций образуется в моём горле. Рен произносит те самые вопросы, которыми я сама задавалась слишком много раз. Сочувствие к его непониманию рассекает моё раздражение надвое.

— Я бы предпочла, чтобы ты сказал «Я и Фрэнки Зеферино не вместе. Мы коллеги, и я подвозил её по работе. Вот и всё».

Рен смотрит на меня несколько долгих секунд.

— Ладно. Прости. Я могу найти Митча и сказать ему это.

— Это твоё решение. Твоя публичная жизнь.

Он шурится.

— Это и твоя жизнь тоже, Фрэнки. Я не хочу, чтобы о тебе говорили что-то, с чем ты не согласна.

В какой-то момент нашей беседы, пытаясь убраться от проходящих мимо людей, я оказалась вплотную прижата к нему. Теперь в коридоре тихо, остались лишь мы двое и жар, исходящий от его костюма вместе с чистым пряным запахом. Тепло пропитывает каждую часть меня, что соприкасается с ним, и пронзает меня осознанием. Я делаю шаг назад.

— Всё хорошо, Зензеро. Может... может, ты выбрал правильный вариант. Время покажет.

— В любом случае, я найду Митча. Передам, что ты сказала.

Я хватаю его за руку.

— Рен, подожди.

Он правда не против, чтобы люди думали, будто мы встречаемся? Даже когда он бережёт своё сердце для этой женщины? Я абсолютно сбита с толку. Но, как и всегда после долгого дня в шумном и социально опустошающем мире, я слишком устала, чтобы пытаться разобраться. Я просто знаю — что сделано, то сделано, и если он пойдёт искать Митча, это лишь обострит подозрения. Этот парень тот ещё проныра.

— Всё хорошо, — говорю я Рену, отпуская его руку. — Обещаю. Я излишне остро среагировала.

— Ладно. Но скажи, если передумаешь, — он всматривается в мои глаза, и его улыбка

возвращается. — Кажется, ты становишься раздражительной из-за голода. Давай запихнём в тебя бургер.

Я открываю рот, чтобы возразить, но потом мой желудок урчит.

— Ненавижу, когда ты прав.

Рен смеётся, и этот звук следует за мной до самого ресторана.

Глава 14. Рен

Плейлист: Jeff Buckley — Mama, You Been on My Mind

— О Боже, — стонет она. Фрэнки стоит на моей кухне, раздирает пакетик рутбировых мишек и рвёт одну маленькую липкую фигурку зубами. Я заказал большую коробку этих мишек, узнав, что это её слабость, и собирался удивить её на работе. Но их доставили сюда, и план пошёл псу под хвост, когда она узнала коробку. — Ты где их взял?

— Там же, где и ты, подозреваю. У корпоративного зверюги по имени Амазон.

— Перекупщики?

Я кидаю мишку в рот и жую.

— Ага.

— Бездушные ублюдки-шантажисты, — бормочет она.

Мой гортанный смех эхом разносится по кухне, пока я наливаю кипяток из чайника в две чашки.

— Некоторые вещи стоят своих денег.

— Клянусь, когда буду учиться на юрфаке, то разузнаю, что можно предпринять по этому поводу. Мне нужны эти шутки. А они как будто знают. Они знают, что могут заставить меня платить 15 баксов за пакетик.

Держа наши кружки чая, я локтем открываю раздвижную дверь. Пацца тут же протискивается и несётся на песок.

Следуя за ней, Фрэнки переступает порог и наблюдает, как её собака несётся к океану. Она сама размеренно идёт к воде, затем осторожно опускается на расстеленное мной одеяло, уголки которого подоткнуты в утрамбованный песок. Когда я добираюсь до неё, она сидит, подобрал колени к груди и глядя на воду.

Моя грудь сжимается до невозможности тесно. Видеть Фрэнки в спортивных штанах и с небрежной гулькой на голове, словно она чувствует себя как дома — это горько-сладкий момент. Я хочу, чтобы мгновение длилось как можно дольше, но знаю, что вскоре она уедет, и нет гарантий, что мне ещё хоть раз представится возможность вот так провести с ней время.

— Паццу ждёт неприятный сюрприз, — говорит она, прикуривая косяк и медленно выдыхая, — когда она снова будет жить в моём маленьком бунгало без радостных поездок к тете Ло или в это шикарное местечко.

Я устраиваюсь на одеяле рядом с Фрэнки, всё ещё держа наш чай в руках.

— Почему она больше не будет ездить к Лорене?

Или проводить время здесь?

«Потому что она не планирует проводить время здесь, идиот. Предельно ясно, раз она так сказала».

Фрэнки мягко забирает у меня свою кружку-термос.

— Ну, с учебой на юрфаке у меня будет расписание получше, без ночевки вне дома и командировок. Нет нужды оставлять её у Ло, — она пожимает плечами.

Какое-то время мы сидим молча, смотрим на океан, наблюдаем, как луна окрашивает воду в серебристо-белый цвет. Пацца мечется по песку, катается, принюхивается, убегает вдаль, но послушно возвращается, когда я свищу и подзываю её обратно. После нескольких

долгих и умиротворенных минут деликатный вес руки Фрэнки заставляет меня вздрогнуть и отвлечься от берега.

Она смотрит, как её пальцы скользят по моей ладони. Затем хмурит лоб и убирает руку.

— Расскажи мне про настоящего Рена.

Я кошусь на неё.

— Что ты имеешь в виду?

— Про того, кто прячется за счастливым фасадом. Того, которого мы почти начали обсуждать после йоги.

Я опускаюсь на одеяло и смотрю вверх, на звёзды.

— О. Про этого. Ну...

Словно прочитав мои мысли, Фрэнки протягивает мне косяк. Я смотрю на него, затем аккуратно забираю из её пальцев. Больше половины команды курит травку по многим причинам — снятие боли, облегчение тревоги, просто для расслабления и развлечения. Я же с момента подписания контракта был так напряжён, что никогда даже не задумывался об этом. Но мысль о том, чтобы быть чуточку спокойнее в разговоре с Фрэнки, не так застревать в своих шумных мыслях... ну, это кажется заманчивым.

Сделав небольшую затяжку, я медленно выдыхаю и подавляю отчаянное желание закашляться.

Фрэнки улыбается, глядя сверху вниз на лежащего меня.

— Я тебя испортила.

Я смеюсь, но это быстро переходит в приступ кашля. Много времени не требуется — может, около минуты — и в моих конечностях воцаряется некая тихая тяжесть. Мой разум поразительно ясный.

— Вау. Я жалею, что не попробовал травку раньше.

Она гортанно смеётся и ерошит мои волосы.

— Добро пожаловать на тёмную сторону, Зензеро.

Я встречаюсь с ней взглядом, всматриваясь в её лицо.

— Ты сказала, что хочешь настоящего Рена. Это взаимно? Это означает, что я знаю настоящую Фрэнки?

Её улыбка на мгновение скисает, пока она накручивает прядь моих волос на кончик своего пальца — раз за разом, размеренным, успокаивающим движением.

— Да, думаю, что так. Лучше большинства людей, во всяком случае, — она поддевает меня. — Перестань уходить от ответа.

Повернув голову, я наблюдаю за созвездиями.

— Настоящий Рен — до сих пор немного неуверенный в себе и неприкаянный.

— Почему?

Я пожимаю плечами и поднимаю руку, показывая, что хочу ещё одну затяжку.

— Кто знает, — я аккуратно делаю ещё одну маленькую затяжку косяком, возвращаю его Фрэнки и говорю, выдыхая: — В детстве я был неуклюжим в общении. Потом, когда я учился в старших классах, мы переехали, и мне пришлось начинать сначала, пытаться завести друзей. Я так и не нашёл свою колею.

— Пока не появился хоккей?

Я улыбаюсь звёздам.

— Да. На льду я счастлив. И я действительно лажу с парнями. Им нравится моя чудаковатость. Не знаю, наверное, я чувствую, что меня принимают.

— Это важно, — тихо говорит Фрэнки. — У меня есть такое с Энни и Ло. Без них я была бы несчастна.

Я поворачиваю голову и смотрю на неё.

— А что насчёт твоей семьи?

Фрэнки пожимает плечами.

— Ну. Я люблю свою сестру, Габби, но в нашем детстве она была той ещё засранкой. Я была её младшей сестренкой, вечно создающей проблемы и закатывающей истерики, поэтому ей казалось, что её игнорируют. Мы по большей части оставили это в прошлом, но мы всё равно очень разные люди, которых разделяет целая страна. Для мамы я ходячая бомба с часовым механизмом, и с каждым шагом я ближе к тому, чтобы развалиться на куски. Бабуля спокойно относится к артриту, но она не понимает аутизм. Я свожу её с ума тем, что не слежу за языком. Раньше я ставила её в неловкое положение в церкви и в кругу её знакомых. Я и католическая церковь не очень ладим, а для бабули это вся её жизнь.

— А твой папа?

Она смотрит на песок, медленно водит пальцем по поверхности.

— Он умер, когда мне было двенадцать. Отчасти поэтому мама так тревожится из-за меня. Она так и не смирилась с его потерей. Он был пожарным, и когда он погиб на работе, это лишь усугубило её тревогу из-за благополучия её семьи, если ты понимаешь, о чём я.

Я аккуратно прижимаю ладонь к её руку, вожу костяшками по её пальцам.

— Мне жаль.

Её пальцы медленно играют с моими.

— Ничего страшного. Я всегда буду скучать по нему, но через какое-то время боль притупляется, — она вздыхает, тушит остатки косяка и кладёт рядом со своим чаем. — Итак, расскажи мне про Шекспировский Клуб.

Я склоняю голову набок, сбитый с толку переменной темы.

— Что именно?

— Что тебе в нём нравится. Почему ты всё ещё состоишь в нём, — она отпивает чая и смотрит на океан.

— Ну, всё началось в старших классах. Пара чудачков вроде меня, которым нравилось читать и разыгрывать эти слова из времени, когда язык имел кое-какое значение... когда люди не бросались друг в друга словами так просто, или, не знаю, может и бросались, но хотя бы делали это креативно.

— Отсюда и старинные ругательства.

К моим щекам приливает жар. Я не то чтобы смущён, но я делал это не с пониманием, что кто-то слушает.

— Ты заметила.

Она улыбается и ставит свой чай.

— Думаю, моё любимое на данный момент — «гульфик со сваренными мозгами».

— Ну это выполняет свою задачу. Мне не нравится материть людей, особенно на публике. Может, это прозвучит чрезмерно, но я чувствую вес каждого маленького фаната, который смотрит меня, и родители которого читают то, что я говорю в письменных статьях. Я... наверное, я хочу это уважать. И всё же в какой-то момент надо выпускать пар, понимаешь?

Она кивает.

— Шекспировский Клуб помогает тебе не забывать выражения. Я знаю кого-либо, кто

является членом вашего разношёрстного собрания?

Я опираюсь на локти и делаю большой глоток чая, избегая её взгляда.

— Не могу сказать. Это секрет.

Когда я поднимаю взгляд, её глаза блестят, а губы изгибаются в лёгкой улыбке.

— И как же кому-либо получить доступ к этому эксклюзивному собранию?

— Ну, сначала его или её должен пригласить один из действующих членов. А потом нужно продекламировать свои любимые строки из Шекспира.

— Звучит вроде как просто.

— О, это ещё не всё. Членство зависит от аутентичности, от слов, произнесённых от самого сердца. Нужно произносить их всерьёз, так, будто они имеют для тебя значение.

— Почему? — спрашивает Фрэнки.

— Так обеспечивается безопасность. Если кто-то присоединится и привнесёт пренебрежительную атмосферу, это всё испортит.

— Ну, может, тогда мне пора освежить в памяти Барда.

Я резко поворачиваю голову, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Т-ты бы хотела прийти?

— Может быть, однажды. Звучит здорово. К тому же, мне кажется, ты очень убедительно читаешь Шекспира. Мне надо это увидеть.

Мои щёки распяляются ещё сильнее.

— Я в этом не уверен, Фрэнки.

— Почему нет?

— Потому что...

«Тогда ты увидишь меня во всём моём чудачестве. В моей абсолютной придурковатости».

— Я стесняюсь, — оправдываюсь я.

Она закатывает глаза.

— Рен, позволь мне кое-что тебе сказать. Любой, кто видел, как ты наслаждаешься своим театральным хобби, и подкалывал тебя из-за этого, не стоит твоего времени. Мой психолог говорит: покажи людям, кто ты на самом деле, и получишь абсолютное удовольствие, зная, что они любят тебя таким, какой ты есть. Поэтому у меня мало друзей, но они знают и любят настоящую меня.

«Ты знаешь настоящую меня», — как будто говорят её глаза, пока она смотрит на меня.

Моё травмированное плечо болит от того, что я опираюсь на локоть, и я ложусь на одеяло, огорошенный и её словами, и болью, пронзающей моё тело. Фрэнки проводит ладонью по моей руке до плеча. Когда она массирует его, разминая ноющие места своими пальцами, у меня вырывается рокошущий стон.

— Приятно? — спрашивает она.

— Угу, — мои конечности сделались тяжёлыми, мысли успокоились. Я чувствую себя безвольной тушкой в её руках.

— Хорошо. А теперь давай послушаем, почему ты прячешься за фасадом хорошего парня.

— У меня такое чувство, будто я на допросе.

Она улыбается.

— Я пользуюсь твоим расслабленным состоянием. Ты вечно такой бодрый и весёлый, — её палец тычет в мою щёку там, где видна ямочка, если нет бороды. — Мне

нужны грязные подробности, Зензеро.

Я бросаю на неё притворно суровый взгляд, но впечатление рушится тем, что она снова массирует моё плечо.

— Грязные подробности в том, что я поздно «расцвёл». Затем, когда я поступил в колледж, как будто возмужал и нашёл себя в хоккее, люди начали относиться ко мне иначе. И я не знал, что с этим делать. Я был тем же, кем и всегда, но теперь должен чувствовать себя иначе, потому что выглядел определённым образом и подпадал под некоторые социальные мерки успеха?

Её пальцы на мгновение замирают, затем нежно возобновляют движения.

— Продолжай.

— Да на этом и всё, собственно. Я просто нашёл своё место с шекспировскими задротами и игрой в хоккей. И я до сих пор пытаюсь понять, как быть собой и оставаться «своим» в обоих этих мирах. Этот фасад «хорошего парня», о котором ты говоришь — попытки защитить себя от неверного выбора.

— У тебя были отношения, в которых ты мог быть всем выше перечисленным?

— Нет.

— Плохие отношения?

— У меня никогда не было серьёзных отношений, ни плохих, ни хороших.

— Ах, — говорит она. — Значит, перепихи. Да, они заканчиваются прежде, чем вы успеваете узнать друг друга.

Я смотрю в ночное небо, готовясь к её реакции на мои слова.

— И перепихов тоже не было.

Её пальцы замирают. Она опускает руку.

— Срань господня, Рен. Ты девственник?

Я поворачиваюсь к ней лицом.

— Да.

— Да ты меня разыгрываешь, — она шлёпает меня по груди. — Это не смешно.

— Фрэнки, я тебя не разыгрываю.

— Тебе двадцать пять. Умный. Привлекательный. Типа, аж до промокших трусиков привлекательный...

— Прошу прощения, что?

— Просто забудь, что я это сказала, — покачав головой, она с неверием хлопает глазами. — Мне очень сложно переварить данный факт.

— Это правда.

— Вау.

Я пытаюсь посмотреть ей в глаза, но она смотрит в сторону, на мои губы, моё тело, и только потом мы вновь встречаемся взглядом.

— Ты можешь спросить меня, почему так.

— Почему? — орёт она, в неверии всплеснув руками. — Ну типа, ради всего святого, Рен!

— Я никогда не хотел этого с теми женщинами, что встречались мне, — я пожимаю плечами. — Ну то есть, моё тело, конечно, хотело. Много раз, но я просто... я целовался с какой-либо девушкой на вечеринке, в её общажной комнате, и да, я узнал женское тело, но я всё равно чувствовал себя неловко. Это не казалось правильным.

— До тех пор, пока не появилась загадочная леди.

Я кошусь на неё и чувствую, как сердце ударяется о рёбра.

— До неё, да.

— Чем она отличается? — спрашивает Фрэнки.

Я всматриваюсь в её глаза.

— Я не уверен. По крайней мере, я не уверен, чем это было вызвано вначале. Теперь, когда я знаю её получше, думаю, мы просто хорошо ладим. Схожее чувство юмора, может, схожие уязвимые места. Много физической химии, по крайней мере, с моей стороны. И... она первая, с кем я чувствовал себя правильно. Не так, будто я ходячее противоречие, которому везде не место, а так, будто во мне есть смысл. Так, будто мне не надо выбирать между разными кусками себя.

— Кажется, она просто лучшая, — тихо говорит Фрэнки.

Я улыбаюсь ей и говорю абсолютную правду.

— Да, она такая.

Плейлист: Villagers — Everything I Am Is Yours

Тот разговор на пляже разблокировал что-то во мне. Меня всегда привлекала Фрэнки, мне нравится её юмор, остроты и то, как она прячет своё большое сердце за ворчливым фасадом, но до сих пор всё это было разбито на фрагментированные, несоразмерные мгновения. Теперь же несколько беспрерывных дней и часов с ней ощущаются как горько-сладкий подарок — окно в то, что может стать возможным, но до сих пор является миражом... фантазией прямо за пределами досягаемости.

Даже в дороге близость к ней — это новый вид пыток. Сыграв одну игру в Миннесоте, я сорок восемь часов делил с ней приёмы пищи, встречи, интервью, фото. Украдкой улучал лишь беглые взгляды, легчайшие прикосновения и разговоры.

И постепенно терял контроль.

Я украдкой кошусь на неё. Замечаю, как её кожа словно источает золотистое сияние, а чёрные классические брюки облегают округлую попку, льнут к длинным ногам. Она прекрасно высокая. Достаточно высокая, чтобы обнимая её, мне не приходилось чуть ли не приседать. Когда она поцеловала меня на пляже, было такое ощущение, будто мы рождены для этого. Мы сочетаемся. Идеально.

Фрэнки крутит тростью и на повышенных тонах диктует что-то в телефон, на лице неизменная хмурая гримаса. Это вызывает у меня желание бросить её телефон через плечо и целовать, пока широкая улыбка и одна глубокая ямочка на щеке не озарит её лицо чистой радостью.

Но я не могу. Мне приходится смотреть, как она подкалывает парней, сцепляется с Робом по поводу «Офиса», ставит Крису подножку, когда он разыгрывает её и притворяется, будто нечаянно опубликовал твит с обнажённым селфи. Фрэнки не моя. Она принадлежит команде. Или, точнее, мы принадлежим ей. Она всех нас загнала под свой каблучок. Потому что она прикрывает наши спины, держит нас в узде, показывает, как справляться с троллями и как не сойти с ума, имея дело с соцсетями.

И она всегда рядом, стабильная и верная. После завершения сезона я буду скучать по времени, когда проводил с ней практически каждый день. Хуже того, если после этого сезона она уйдёт учиться на юрфак и не захочет того же, что и я, если в будущем нас ничего не ждёт, и мне придётся попрощаться с ней, я буду опустошён.

От одной лишь мысли об этом у меня подсакивает давление. Я отвожу взгляд от неё и отвлекаюсь на шнурки коньков, убеждаясь, что они туго завязаны. Сейчас не время поддаваться эмоциям и раздражению. Сейчас надо сосредоточиться на игре, на моменте прямо передо мной.

— Не беспокойся о завтрашнем дне. Завтрашний день сам о себе побеспокоится, — всегда говорил мне папа. Но с другой стороны, у него есть та жизнь, которой ему хочется — любимая жена, выводок детей, о котором он мечтал, своя семья. Легко ему говорить. О чём беспокоиться, если всё идёт по-твоему?

Когда координаторы команды собирают нас и направляют по туннелю, моё тело расслабленное и тёплое, а плечо под щитками перебинтовано для надёжности. При полном вращении рукой я почти не вздрагиваю от боли, и голова не болела 72 часа. Во время

прошлой игры мне наконец-то разрешили участвовать, но тренер дал мне вдвое меньше смен, чем обычно.

Я поворчал, а он сказал мне поговорить с Эми. Эми сообщила, что мне вообще повезло оказаться на льду. Так что я закрыл рот, а потом чуть не потянул мышцу — так широко улыбался, когда сегодня тренер сказал, что мне одобрили полноценное игровое время на льду.

На льду Миннесоты энергия буквально осязаемая, переполненная жаждой проявить себя на вражеской территории. Два дня назад мы едва продрались дальше со счётом 3–2, но это было грязно и неуклюже. Мы не выложились по полной, и сегодня самое время вернуться к нашему стилю игры, а не поддаваться чужому.

Парни тихие, пока мы катаемся и разминаемся, и каждый из нас в своём настроении перед игрой. Когда я снова украдкой смотрю на неё, Фрэнки до сих пор уткнулась в телефон и бурчит себе под нос. Её волосы спадают почти чёрной волной по плечам, и я сжимаю ладонь в перчатке, испытывая рефлексорную потребность заправить пряди ей за ухо.

Какая жестокая ирония — два моих самых важных интереса противоречат друг другу: выиграть Кубок Стэнли и завоевать сердце Фрэнки. Чем дольше затянется плей-офф, тем дольше мне придётся откладывать отношения с ней. Обычно ирония показалась бы мне забавной.

Не в этот раз.

Кто-то орёт о приближающейся шайбе, выдёргивая меня из моих мыслей.

«Соберись, Рен. Сосредоточься на здесь и сейчас».

Я ловлю шайбу и прибавляю скорости, играю клюшкой, разворачиваюсь, совершаю обманные манёвры, отдаюсь во власть мышечной памяти.

Голоса эхом отдаются вокруг арены, но мой слух сосредотачивается на успокаивающих звуках тихого влажного льда, царапающих звуках коньков, пока я кружу и еду задом наперёд. Мой разум притихает, тело обретает равновесие. Глубоко дыша, я впитываю это ощущение мороза в воздухе, обжигающий холод переполняет мои лёгкие.

Чистое умиротворение.

Пока я не поднимаю взгляд и не встречаюсь глазами с Фрэнки. Её лицо напряжено в такой манере, которой я не видел прежде. Она выглядит обеспокоенной и нервничающей. Подъехав в её сторону, я остаиваюсь у скамейки. Пальцы одной руки запутались в подвесках её ожерелья, другая сжимает телефон до побеления костяшек.

— Что случилось? — спрашиваю я.

Она сглатывает, её взгляд бежит по моему лицу.

— Ничего.

— Очевидно же, что это не так. Ты выглядишь встревоженной.

Она убирает руку от ожерелья.

— Я бы хотела официально попросить тебя сегодня не получать по башке. Вот и всё.

Я хмурюсь, развернувшись ровно настолько, чтобы отбить шайбу от себя, вернув её Крису на лёд. Затем поворачиваюсь обратно.

— Я всегда стараюсь не получать травм, Фрэнки.

— Но когда мы в последний раз были здесь, это не помешало тебе размазаться по плексигласу, — ворчит она.

Мои губы изгибаются в лёгкой улыбке.

— Франческа, — я наклоняюсь поближе. — Ты волнуешься за меня?

— Нет, — она морщит нос и перебрасывает волосы за плечо. — И отодвинься. Ты воняешь как потный хоккеист.

— Я и есть потный хоккеист, Франческа. Думал, ты уже привыкла к запаху спустя столько времени.

Она закрывает глаза, будто ищет в себе безмятежность и не находит.

— Просто напоминаю тебе, что всем будет лучше, если сегодня ты побережешься.

Моё нутро сжимается от прилива нервного счастья. Фрэнки заботится обо мне достаточно, чтобы переживать, вдруг я пострадаю. Достаточно, чтобы хмуро смотреть на меня через весь лёд и небрежно попросить меня побережться.

Крис посылает шайбу обратно в мою сторону. Я ловлю её клюшкой и слегка гоняю из стороны в сторону.

— Не волнуйся, *älskade*. Я буду осторожен.

Она хмурится ещё сильнее.

— Ну естественно, ты говоришь на одном из немногих европейских языков, с которыми я не знакома. То слово на йоге. И теперь это. Не нравится мне это внезапное использование второго языка, Сорен.

— Хм, — отбив шайбу к Франсуа, который далеко не ожидал этого удара, я заслуживаю одно из его красочных французских ругательств. — И это из уст женщины, которая трещала на итальянском за моей спиной во время йоги с Фаби. Весьма лицемерно.

— Это... — она фыркает. — Ладно. Справедливо. Но к твоему сведению, я всё равно могу погуглить, что ты сказал.

Я улыбаюсь и начинаю откатываться назад.

— Удачи. В шведском всё пишется не так, как слышится.

Прежде чем она успевает снова отчитать меня за это, я объезжаю ворота, пересекаю лёд и позволяю своему разуму успокоиться. Но моё сердце не перестаёт колотиться на сногшибательной скорости.

Третий период, счёт 1–1. Поскольку я пропустил несколько игр, мои ноги ещё не устали, лёгкие без проблем втягивают воздух. Я низко пригибаюсь для вбрасывания и завоёвываю шайбу, передав её Робу и устремляясь по льду в зону нападения. Я слежу за 27 номером, тем самым, который тогда грязным ударом впечатал меня в бортик. Во время моей прошлой игры у нас с ним пересеклась всего одна смена, поскольку я мало был на льду, но сегодня — другое дело.

Он прицепился ко мне. Не отстаёт.

Пока что мне удавалось сторониться самых грязных его манёвров, и это, похоже, его взбесило. Он не первый защитник, которого возмущает моя проворность на льду, учитывая мои габариты. Он также не первый защитник, нацелившийся на меня так, будто его единственная миссия — покалечить моё тело. С какой бы командой мы ни играли, я — мишень. Я ведущий «забойщик», хорошо ухожу от столкновений, отбираю шайбу, подстёгиваю нападение. Я противоречу законам физики, что шокирует, а потом быстро злит моих противников.

Если честно, поначалу меня это тоже шокировало. Но теперь я понимаю, что это моя сильная сторона — эта моя интуиция, способность чувствовать надвигающиеся удары и ускользать, умение моего тела так хорошо осознавать своё окружение, а потом пронырнуть

вместе с шайбой прямо туда, куда нам надо. Даже если бы захотел, я бы не сумел объяснить, как я это делаю — моя связь между мозгом и телом просто знает.

И пусть я проворно уворачиваюсь от катастроф, ускользать от 27-го и терпеть его нападки надоедает. Постоянные ловушки, тычки и скользящие удары, шлепки его клюшкой по моим конькам в надежде, что я споткнусь. Он бесчисленное количество раз пытался впечатать меня в бортик, но промазывал. И в отличие от прошлых разов, когда я изматывал его и остальных защитников стоической отстраненностью, сейчас во мне нарастает тлеющее раздражение. Не знаю, почему сегодня меня так бесит то, что я обычно игнорировал, пропуская мимо себя. Почему мои руки так и чешутся нанести урон, мои кулаки хотят пролить кровь. Я лишь знаю, что это так.

«Может, ты вот-вот достигнешь своего предела, Бергман. У всех у нас есть свои лимиты».

Справедливо, подсознание. Три года в лиге я продержался с безупречным поведением. Сторонился драк, играл справедливо, никогда не поддавался на подзуживание. Я соглашаюсь на все пиар-мероприятия, появляюсь на обложке каждого журнала и даю все интервью, которых от меня желает лига. И всё это время я улыбался, не лез в проблемы и не просил ни о чём, кроме прекрасной игры, в которую мне дозволяется играть, и тихого дома, где мне дозволяется отдыхать в свободное время.

Но прежде всего я ждал. И ждал. И ждал Фрэнки. И теперь мне приходится выживать в одном доме с ней, видеть, как капельки душевой воды стекают по её груди, наблюдать, как она с сонными глазами и взъерошенными волосами ест мои омлеты, делить закаты на пляже с ней и её лохматой собакой, по которой я уже скучаю. И она до сих пор не моя. Я не могу сказать Фрэнки, как много она для меня значит, и не могу прикоснуться к ней так, как мне хочется.

Я чувствую себя как мамина скороварка в тот раз, когда она забыла про рис, и крышка взорвалась, осыпав всю комнату своим содержимым. Хаос подавляемой, неудовлетворённой потребности, который пробил крышу.

Когда 27-й опять ударяет по моим конькам, я разворачиваюсь, пихаю его плечом и продолжаю вести шайбу к голу. Я сосредоточен исключительно на воротах. Я лечу по льду, делаю обманные финты, петляю, зная, что моя работа ног быстрее, и защитники не успевают. Зная, что этот гол — мой.

Я передаю шайбу Тайлеру, проношусь мимо последнего игрока Уайлдов, снова подбираю шайбу, когда Тайлер возвращает её мне после обманного манёвра. Надвигаясь на вратаря, надёжно контролируя шайбу клюшкой, я замахваюсь для удара, и тут моя нога подкашивается из-за клюшки 27 номера, который подцепляет мой конёк и ставит подножку.

Я падаю, моё лицо вот-вот вмажется в лёд, но я всё равно умудряюсь совершить удар. Мой взгляд следит за летящей шайбой, которая уже падает. Как раз когда я грохнулся на лёд, шайба пролетает мимо щитков вратаря и со стуком падает уже в сетку.

Гоооооооллллл!!!

— Везучий ублюдок! — орёт Тайлер, рывком поднимая меня со льда. — Три минуты осталось, а ты всё равно умудрился!

Роб светится от гордости, хлопает меня по шлему и врезается грудью в мою грудь, как всегда.

— Это было изумительно.

Когда я качусь мимо, 27-й толкает меня. Я застываю, смотрю ему в глаза, затем уже

хочу отъехать, но он снова поднимает руку и толкает меня ещё раз.

— Ну всё, — рывкает Тайлер, сдёргивая перчатку. — Напросился, бл*дь..

Роб останавливает руку Тайлера.

— Рен сам может за себя постоять. А если он не хочет это делать, то не тебе решать.

Номер 27 выплёвывает капю и гаденько улыбается, обнажая четыре дырки на месте недостающих зубов.

— Он тряпка и не может за себя постоять. Он твоя сучка, Джонсон? Надо защищать своих...

Тайлер бросается на него, но я умудряюсь втиснуться между ними.

— Он того не стоит, — говорю я Тайлеру, прижав его перчатку к его животу и развернув его прочь. — Иди отсюда. Остынь.

Я сердито смотрю через плечо на этого типа, поправляю шлем, затем разворачиваюсь и скольжу прочь.

— Вот ведь мямлящий неотёсанный евнух, — бурчу я.

Роб заходится истерическим хрюкающим смехом, катясь следом за мной.

— Как ты меня назвал, бл*дь? — орёт 27-й, толкая меня сзади.

Судья вмешивается и отправляет 27-го прочь.

Тайлер воеет от хохота, когда я хватаю его за руку и тащу за собой к бортику, чтобы поменяться на последнюю смену. Нам нужно всего лишь три минуты сохранять лидерство, которое я только что отвоевал нам, и избежать пенальти. Тогда мы выиграем серию и перейдём на следующий этап плей-оффа.

Роб скользит рядом со мной, всё ещё еле сдерживая смех.

— Лучшее, что я когда-либо слышал на льду.

Я улыбаюсь, крутя в руках капю и чувствуя облегчение, ведь я забил очередной гол и проматерил этого придурка. Я почти у бортика, когда встречаюсь взглядом с Фрэнки, которая снова хмурится. Бросив капю, я ослепительно улыбаюсь ей. Внезапно её глаза раскрываются шире, руки встревоженно машут. Я оборачиваюсь через плечо и проворно ускользаю, успевая увернуться от правого хука 27-го. Просвистев мимо меня, он врезается в бортик и падает на лёд.

Когда я поворачиваюсь обратно, Фрэнки разинула рот и широко распахнула глаза.

— Видишь, — говорю я ей, перемахнув через бортик и усевшись на скамейку. — Я же сказал, что буду осторожен.

Глава 16. Фрэнки

Плейлист: Billie Eilish, Khalid — Lovely

После игры Рен отпросился от ужина с командой. Роб намекнул, что это якобы из-за знатной головной боли, но у меня есть подозрение, что отсутствие Рена скорее связано с тем, что случилось, когда 27-й кинулся на Рена и сам нажрался льда.

Мне не стоит этого делать, но я всё равно иду по мягкому ковру в коридоре отеля напрямик к номеру Рена. Он всегда занимает соседний со мной номер, и это сводит с ума. Каждый раз я слышу, как он включает душ, открывает и закрывает ящики комода (ибо Рен из тех парней, которые аккуратно распаковывают чемодан, даже если остановились в номере всего на две ночи), и я пытаюсь не представлять, как он ходит по номеру в своём обнажённом величии, с молотом викинга между ног, с которым я теперь поразительно знакома после йоги и злоключений с полотенцами.

Тихонько постучав, я жду. Рен открывает дверь и щурится. Он прижимает к голове большой пакет со льдом и как будто нетвёрдо держится на ногах.

— Откуда мне было знать, что у этого парня всего одно яичко? — бормочет Рен.

Я пожимаю плечами.

— Ты не мог знать. Просто неудачное совпадение. Но нельзя сказать, что он этого не заслужил.

Повернувшись, Рен оставляет дверь открытой, возвращается к постели и плюхается на неё со стоном.

— Это было всего лишь импровизированное ругательство Эпохи Возрождения. Просто кучка старинных слов, собранных в словосочетание.

— Одним из этих слов было «евнух», — выразительно произношу я.

Рен взмахивает ладонью в жесте «и что?».

— Я уже десять лет матерю хоккеистов, используя куда более паршивые фразочки из Шекспира, и это ни разу не создавало проблем, — Рен вздыхает и кажется измождённым. — Мне надо как-то выпустить раздражение. Я не дерусь. Я не ведусь на провокации. Я не говорю гадкие вещи про их матерей и не оскорбляю их гомофобными фразами. Елизаветинские ругательства — это мой способ сохранить немножко достоинства.

Вот такое не каждый день услышишь. Я испытываю абсурдное желание сплющить его щёки ладонями и зацеловать Рена за то очаровательное занудство, что слетает с его языка. Вместо этого я довольствуюсь тем, что закрываю за собой дверь и аккуратно опускаюсь на край его кровати.

— Что ж, — я похлопываю его по ладони. — Я понимаю, ты винишь себя из-за того, что назвал евнухом парня с одним яичком, но он — говнюк с одним яичком. Он нацелился на тебя и намеренно задирал, Рен. Ты просто дал отпор, и ты даже не планировал ответить таким метким ударом.

Рен слегка сдвигает пакет со льдом по лбу и ничего не говорит.

— Можно мне кое-что спросить?

Он поворачивает голову на подушке и смотрит мне в глаза.

— Да.

— Почему ты решил профессионально заниматься видом спорта, который, можно

сказать, наиболее терпимо относиться и даже поощряет враждебность и агрессию, тогда как ты явно неагрессивный человек?

— Игра не сводится только к этому, — говорит он как будто про себя. — Мне нравится красота этого вида спорта. Грация и координация, командные усилия в хоккее. Я просто решил не принимать самые жестокие его аспекты.

— И тебе кажется, будто сегодня ты опустился до его уровня.

— Я не хотел, — тихо говорит он. — Я испытал облегчение из-за того, что он не разбил мне лицо, но опять-таки, я почувствовал себя ужасно, когда увидел, как он врезался в бортик и упал на лёд. Я знаю, он сам напросился, я понимаю, что по некой кармической справедливости он даже заслужил, но...

Рен тяжело вздыхает, закрыв глаза.

— Не знаю. Я как будто опять оказался в старших классах. Это ощущалось странно мстительным и вызывало чувство вины. В этом есть смысл?

Я киваю.

— Да. Я понимаю, почему тебе пришлось пропустить ужин.

— О, я собирался на ужин. Умираю с голода. Тут я не разрывался. Но потом началась головная боль.

— Часто у тебя болит голова?

Он сглатывает и сильнее прижимает лёд ко лбу.

— Это началось несколько недель назад. Эми говорит, что так иногда бывает после пары сотрясений. Так что классное приобретение по жизни.

Я краду момент и пялюсь на него. Взъерошенные волосы, беспорядочные волны красновато-рыжего и золотого. Полные мягкие губы, спрятанные под бородой. Я по глупости наклоняюсь и отвожу прядь волос, прилипшую к его лбу.

Его глаза приоткрываются, бледные как лёд и так же заставляющие меня застыть на месте.

— Зачем ты здесь? — шепчет он.

В коридоре через несколько номеров от нас раздаётся эхо приглушённых голосов. Я слышу своё дыхание, хриплое и частое.

— Я не уверена. Я... наверное, я беспокоилась о тебе.

Его глаза не отрываются от моих глаз, будто он пытается меня разгадать. Я лишь надеюсь, что ему это не удастся.

Закрыв глаза, он сдвигает на них мешок со льдом.

— Прости. От света больно.

Его свободная рука лежит вдоль бока и сжимается в кулак. Я вижу, как дёргается мускул на его подбородке. Ему больно. И как бы странно или даже неправильно это ни звучало, я испытываю облегчение, что я не одна такая. Что Рену может казаться, будто его жизнь — сплошной рай, но он такой же раб неидеального человеческого организма, что и я. Он тоже знает, каково это — испытывать боль и быть парализованным ею.

Медленно и аккуратно я кладу ладонь поверх его кулака.

— Расслабься, — тихо говорю я. — Когда напрягаешься, ещё больнее.

Он втягивает воздух, когда я провожу ладонью по костяшкам его пальцев, мягко разжимая его хватку. Я беру его ладонь и начинаю крепко массировать, провожу большим пальцем по его холму Венеры, затем выше, по местечкам между пальцами.

Рен стонет.

— Боже, очень приятно.

— Вот и хорошо.

Я говорю себе дышать, хотя под кожей струится жар, и все волоски на руках встают дыбом. Наверное, виновато чтение «Чувства и чувствительности» для книжного клуба в этом месяце, но что такого чувственного в простом соприкосновении ладоней? Как минимальный контакт может казаться таким интимным?

Несколько минут спустя я нежно опускаю его ладонь на постель. Прежде чем я успеваю отстраниться, Рен скользит своей ладонью по моей — так наши рты и тела делают в моих мечтах. Медленно, мягко. Жарко. Близко.

Наши пальцы переплетаются, и я не знаю, кто сделал это первым, только понимаю, что это случилось.

— «Коль оскорблю я сий священный храм рукою недостойной», — шепчет он всё ещё с закрытыми глазами, — «нежный грех таков: губы мои, два краснеющих странника, готовы загладить то грубое касание нежным поцелуем»⁸.

Я нервно сглатываю.

— Ромео и Джульетта.

— Десять очков Слизерину. Ещё десять будет, если ты скажешь мне, о чём говорит Ромео.

Я улыбаюсь ему. Рен знает, на какой факультет Хогвартса я бы попала — не то чтобы это сложно было угадать.

— Что ладонь Джульетты — это место, которого Ромео считает себя недостойным, которое слишком чисто для его прикосновения. И это явно подкат, ведь он признаётся, что не должен держать её за руку, и предлагает загладить вину, поцеловав её.

Ладонь Рена сжимает мою.

— И что Джульетта думает об этом?

Дыхание вырывается из меня короткими и частыми выдохами. Моё сердце бешено стучит, эмоции узлом скручивают горло.

— Не знаю.

— Нет, знаешь. У тебя невероятная память. Ты как будто увидишь что-то один раз и потом без проблем можешь вспомнить.

У меня не то чтобы фотографическая, но чертовски хорошая память.

— Ты знала ту строку из Гамлета, — настаивает он. — Все шекспировские пьесы про королей.

Боже, он такой задрот. Так и хочется поцеловать.

Но я не могу это сделать. Только не тогда, когда он девственник, ради всего святого, и преданно ждёт женщину, которую будет любить, лелеять и отдаст ей всё. Мы с ним буквально на противоположных концах спектра. Я не имею никакого права целовать его.

«Вот только ты его уже целовала».

Ладно, я не имею никакого права снова целовать его.

Я смотрю на наши переплетённые руки.

— «Ладонь к ладони — это поцелуй паломников».

— Угу, — говорит он невнятно, и его хватка слабеет. — «Пусть губы сделают то, что делают руки», — поднеся наши ладони к своему сердцу, он крепче переплетает наши пальцы и вздыхает. — «Они молятся».

Его дыхание становится размеренным. Лицо расслабляется. И я позволяю себе украдкой

легчайшее прикосновение к его лицу. Я приглаживаю его бороду, невесомо провожу костяшками пальцев по его щеке к виску.

— Что ты со мной делаешь, Рен? — шепчу я. — Что мне делать?

Его рука подрагивает в моей, но черты лица остаются гладкими, и он явно погрузился в глубокий сон. Я остаюсь, держа его за руку и глядя по волосам. Дольше, чем следовало.

Намного дольше.

Вот почему я провела последние четыре года своей жизни, отгородившись. Потому что когда я держу своё сердце, чувства и тело под замком, я не просыпаюсь до тошноты эмоциональной, возбуждённой аж до рассеянности и ужасно невыспавшейся. Я не делаю глупостей — например, не сижу с рыжим великаном целый час, пока веки не начинают опускаться, а суставы — требовать свою кровать для сна. Я не вижу сны, которые не могу вспомнить, за исключением того, как я себя чувствую из-за них. Жарко. Одиноко. Ненасытно.

Это всё Рен виноват.

Моё тело ощущается ноющим и уставшим, когда мы вываливаемся из автобуса уже в Лос-Анджелесе. Моя малышка Цивик мигает фарами, когда я отпираю её брелоком и подтягиваю сумку повыше на плече.

— Фрэнки, — Рен трусцой бежит ко мне, волоча все свои вещи. Серьёзно, когда этот парень позволит помощникам быть помощниками для него?

— Да? — моё нутро сжимается при виде того, как он бежит в мою сторону. Весь день мы негласно избегали друг друга. А может, я избегала его.

Ладно, я избегала его. Потому что именно так моё нутро реагировало при каждом взгляде на него. И что говорить-то? *«Эй, я не знаю, что со мной происходит, но я испытываю к тебе много чувств, которые вертятся вокруг восхищения, желания и пронизывающего до костей страха»*. Я человек без фильтров, но даже я понимаю, что это перебор.

Я хочу поцеловать Рена и хочу оттолкнуть его. Я хочу принять ванну и хочу прокатиться на байке. Я хочу ночь в одиночестве и хочу выходные с друзьями.

Я начинаю слетать с катушек.

Он нагоняет меня.

— Могу я проследить за тобой до дома?

— Ты хочешь проследить за мной?

Его щёки краснеют.

— Неудачно выразился. Я хотел поехать с тобой, но на своей машине, а ты поехала бы на своей. Потому что ты впервые возвращаешься домой с тех пор, как... всё случилось. Я собирался предложить обойти все комнаты, убедиться, что ты чувствуешь себя в безопасности.

Прощайте, кульбиты. Теперь моё нутро делает откровенное сальто назад. Я сжимаю свою трость так крепко, что ноют костяшки пальцев.

— Ну, это очень чутко с твоей стороны. Но я сначала собиралась забрать Паццу от Лорены. Эхо-Парк ещё дальше от твоего дома. Так ты совсем поздно вернёшься домой.

— Я так и думал, что ты заберёшь Паццу, — говорит он, и бровью не поведя. — Её присутствие поможет тебе чувствовать себя безопаснее. И нет, я не прочь прокатиться. Мне

всё равно нужно немного тишины в машине после нескольких дней с этими хулиганами.

Он делает шаг ближе.

— Пожалуйста, Фрэнки? Мне тоже так будет спокойнее.

Его волосы взъерошены ветром, неуправляемые и озарённые сзади отсветами огней тренировочного заведения. Эти зимние глаза искрят под длинными соболиными ресницами, имеющими лёгкий янтарный оттенок. Как отказать кому-то, столь красивому, как Рен Бергман?

Особенно когда внутри он ещё прекраснее.

Я не знаю. У него золотое сердце, но стальные ягодицы. И ещё не ясно, что из этого лучше.

— Ладно, — говорю я со вздохом.

Его ладонь ловит мою и сжимает, затем мягко отпускает прежде, чем я успеваю сообразить, что он сделал. Моя ладонь горит от краткого контакта, и прикосновения прошлого вечера всплывают в памяти.

Не говоря ни слова, Рен снимает сумку с моего плеча и шагает вперёд.

Волоча ноги всю дорогу до машины, я следую за Реном, который придерживает для меня дверцу, бодренько укладывает мою сумку в багажник, затем дважды похлопывает по капоту как какой-то весёленький швейцар.

Он спешит к своему фургону, припаркованному прямо рядом с моей машиной, и машет мне ехать первой. Я решаю включить аудиокнигу, так как до встречи книжного клуба осталось немного, и я отстаю с «Чувством и Чувствительностью».

Это не самая моя любимая книга Остен. Что-то в истории печалит меня, пока я её читаю. Смерть отца и горе, которое она приносит женщинам Дэшвуд. Как несправедливо то, что собственность отбирают у дочерей и отдают кузену-мужчине. Инфантильный романтизм Марианны, то, как она легко игнорирует доброту полковника Брэндона и влюбляется в этого придурка Уиллоби.

И бедняжка Элиноор. День за днём она скрывает свои чувства к Эдварду, потому что понимает, чего это может стоить ей и её семье, если она выразит интерес к мужчине, в чьих чувствах она не уверена. Она такая прилежная. Такая терпеливая. Она имеет дело с безучастной матерью, с сестрой, которая делает всё, чего Элиноор себе не позволяет (выбрасывает осторожность на ветер, безумно гонится за своими порывами), и при этом она воспитывает младшую дочь, Маргарет. Её существование ощущается таким тяжёлым, что даже я устала от долга, взваленного на Элиноор.

— Разум всегда будет меня привлекать, — произносит чтец.

— Вот именно, чёрт возьми, — этому я могу сочувствовать. Потому что разумное поведение оберегает тебя.

Мои пальцы крепко сжимают руль, и я стискиваю зубы с такой силой, что ноет челюсть. Мне надо держать себя в руках. Да, это правда, я считаю Рена привлекательным. Да, я питаю слабость к этой коричной булочке ростом метр девяносто. Да, он фантастически целуется, особенно по меркам девственника, и это приводит к нередкой в последнее время мысли о том, как первобытной части меня хочется стать его первой женщиной. Потому что такой, как он, заслуживает лучшего первого раза, и пусть я не называю себя каким-то гением секса, думаю, я сумею доставить ему удовольствие. Я знаю, что мне совершенно точно понравится прикладывать для этого все усилия. Дразнить, боготворить и смаковать этого романтического, доброго, галантного, задротского, горячего как сам грех...

Чёрт, мне пора прекращать.

Я снова сосредотачиваюсь на аудиокниге, повелевая себе следить за историей, но Элинор и её чёртова сдержанность в отношении Эдварда просто наваливает раздражение поверх раздражения, пока я веду машину, и вот я уже стою на холостом ходу перед многоквартирным жилым домом Лорены и ору:

— Бл*дь, да скажи ты уже, что любишь его!

Рен стучит в моё окно, и я дёргаюсь так резко, что чуть не наложила в штаны. Когда ко мне возвращается способность дышать, я зажимаю кнопку, пока окно не опускается.

Он опирается руками на край и улыбается, глядя на мою приборную панель, где видно название аудиокниги, затем обратно на меня.

— Никогда не видел, чтобы Остен так распаляла человека.

Я выключаю двигатель и открываю дверцу, заставляя Рена сделать шаг назад.

— Видимо, ты не читал «Чувство и бл*дскую чувствительность».

— Хм, — он закрывает за мной дверцу и идёт следом, когда я ступаю на обочину. — Я не знал, что в названии есть такое грубое слово. Должно быть, версия без сокращений.

— Нет его там, — ворчу я. — А должно быть.

Рен жмёт на кнопку звонка для квартиры Ло, и тот факт, что он помнит, побывав здесь всего раз, когда я была в раздразе и плакала по своей собаке, лишь сильнее вонзает нож в ледышку моего сердца.

— Я и правда не читал эту книгу, — говорит он, пока мы ждём. — Но ты теперь распалила мой интерес.

Прежде чем я успеваю сказать ему отвалить от моего книжного клуба, Ло нас впускает.

Лорена в слегка раздетом состоянии, указывающем на то, что у них с Мией был интимный момент, так что я быстро забираю Паццу. Я сажаю её в машину и еду к нашему дому, а Рен следует за мной всю дорогу от Эхо-Парк до Хоторна.

Когда я сворачиваю к дому, моё сердце начинает гулко колотиться. Ладони потеют. Пацца скулит на сиденье, и я глажу её по голове, глядя на своё арендованное бунгало. Место, которое я обычно так рада была видеть, теперь выглядит злобным и негостеприимным. Никакого света внутри. На двери новая ручка и замок, предназначенные для нового незнакомого ключа в моей ладони. Это не похоже на возвращение домой.

Вздыхнув, я открываю дверцу машины, но Рен уже рядом и отворяет её для меня, хватая мою сумку из багажника, гладит Паццу, когда та подскакивает к нему, будто всё так и должно быть.

Когда я добираюсь до двери, мои руки дрожат. Я роняю ключи, и Рен нагибается, подхватывая их вместо меня.

Он держит их на раскрытой ладони, но смотрит мне в глаза.

— Хочешь, я сам?

Я киваю.

Рен быстро вставляет ключ в замок, входит и немедленно включает свет. Это немного помогает. Мои туманно серые стены, везде покрашена свежая белая кайма. Уютный диван цвета овсянки, на котором я провела много вечеров, по-прежнему украшен подушками с тематикой Хогвартса и небольшими пледами.

Закрыв за мной дверь, Рен запирает засов, и этот звук заставляет меня подпрыгнуть. Его ладонь тепло и надёжно ложится на моё плечо. Одно крепкое сжатие, затем он отпускает.

— Ты в безопасности, Фрэнки. Твой арендодатель проделал хорошую работу.

Я снова киваю, прикусывая губу.

— Хочешь, я обойду всё наверху? — спрашивает он.

— Да, пожалуйста.

Не произнося больше ни слова, Рен поднимается, преодолевая по две ступеньки за раз, двигаясь бесшумно как большой кот, и его большая ладонь держится за перила.

Пацца семенит на кухню, принюхивается, тычется носом в миску.

— Знаю, — говорю я ей. — Иду.

Её кормёжка меня немного успокаивает. Я человек привычки, и это наша с ней рутина, когда я забираю её у Ло. Мы заходим внутрь, я кормлю её ужином, затем мы выходим на мой крохотный задний дворик, где она снуёт туда-сюда и делает свои дела. Потом мы устраиваемся на диване и читаем. Ну, я читаю. Пацца лежит поверх меня и отвоёвывает себе внимание.

Я слышу шаги Рена, бродящие наверху. Открывающие и закрывающие дверцы шкафов. Моя шторка в душе оказывается отодвинута, затем задёрнута обратно.

Губы изгибаются в улыбке, пока я открываю контейнер собачьей еды, которую Ло приготовила для Паццы, и вываливаю в миску. Он там, наверху, проверяет каждый уголок.

Как бы ни было глупо расчувствоваться из-за такого, ничего не поделаешь. Я стою на кухне и впитываю звуки заботы, потому что скоро они исчезнут. Я снова буду одна.

«Тебе нравится быть одной».

Пацца скулит, бодая головой мою руку.

— С нами всё будет хорошо, — шепчу я ей.

Фыркнув, она отстраняется и встряхивается всем телом, а эти бледно-золотистые глаза сверлят меня взглядом. *«Конечно, мам, — говорят они. — Продолжай твердить себе это».*

Глава 17. Фрэнки

Плейлист: Cher Lloyd — Sirens

— Фрэнки? — зовёт Рен с лестницы. Когда он останавливается внизу ступеней, я смотрю на его высокий силуэт, заполнивший дверной проём.

— Привет.

«Супер красноречиво, Франческа», — шепчет маленький дьяволёнок на моём плече.

«Я не пытаюсь быть красноречивой, моя дьявольская сторона. Я пытаюсь не сорвать с него одежду».

Рен улыбается, и непослушная прядь волос падает ему на лоб. Машинально смахнув её обратно, он входит в кухню.

— Я провёл основательный осмотр. И поверь мне, благодаря обширному опыту с неприметными и чрезвычайно небезопасными укрытиями (благодаря долгим вашингтонским зимам с заскучавшими, гиперактивными братьями и сестрами), я уверяю тебя, что в доме абсолютно никого нет, кроме тебя и меня.

Пацца гавкает на него и склоняет голову набок.

Он улыбается ей и чешет за ухом, когда она подходит к нему и садится у его ног.

— И Паццы, конечно же.

Я смотрю на него, и моё сердце бьётся о рёбра как заключённый, трясущий решётки тюрмы.

«Выпусти меня. Пожалуйста. Всего разок».

Прерывисто вдохнув, я разворачиваюсь и устремляюсь к задней двери. Распахнув её, я свищу и щёлкаю пальцами, подавая сигнал Пацце. Она проносится мимо меня, сразу прыгая на какое-то насекомое, возящееся в траве.

Моё горло сжимается, я обнимаю себя руками за талию. Я слышу тихие шаги Рена, улавливаю этот чистый, пряный запах, согревающий его кожу.

Его ладонь мягко сжимает мой локоть.

— Ты в порядке?

Я киваю, не встречаясь с ним глазами и изображая сосредоточенность на Пацце.

— Я в норме. Просто надо подышать свежим воздухом. Спасибо, что проверил дом для меня.

Он подходит ближе ко мне.

— Мне было лишь в радость, Фрэнки.

Мой пульс грохочет в ушах. Такое чувство, будто моё сердце расшатывает рёбра, настолько сильно оно бьётся в груди. Если он ещё раз прикоснётся ко мне, мне уже не хватит сил противиться Рену. Я брошусь на него и буду умолять его дать мне всё хотя бы не надолго. Дать мне «пока что» до тех пор, пока он не получит вечность с ней.

С ней.

Боже, моя кровь просто кипит, и злость проносится по венам. Я её ненавижу. Я безумно ревную к женщине, которая, как я могу лишь предполагать, абсолютно и безоговорочно достойна его. И я знаю, я верю, что она достойна, поскольку я доверяю Рену. Он размеренный и вдумчивый. У него есть голова на плечах. Он ценит правильные вещи.

Наверное, она — недооценённая красотка, поскольку Рен слишком здравомыслящий,

чтобы цепляться за модельную внешность; ему нужна лишь внутренняя красота. Она одна из тех волонтеров в приюте для животных, которая печёт идеально круглое печенье с шоколадной крошкой и дружит со всеми бабушками на районе. Она хочет трёх детей (двух мальчиков и девочку) и любит скрапбукинг. Ещё она читает те преступно лишённые секса романы и является наименее эротически отважной женщиной на планете...

«*Воу, полегче, Франческа. Разошлась, да?*»

Ну, да. Мои мысли сделались отнюдь не милыми. Это говорит моя ревность. Моя завистливая ревность. Свирепое собственничество в отношении того, на кого у меня нет прав. Непрошенная, несправедливая враждебность в адрес женщины, за которую я должна радоваться.

— Я хочу извиниться, Фрэнки. За прошлый вечер.

Я разворачиваюсь, выдернутая из своих мыслей.

— Что?

Рен хмурится, сидя на корточках и глядя Паццу.

— Я не помню всего, потому что головная боль была... безбожно сильной, и я принял одну из тех таблеток, что прописала мне Эми, но я смутно помню, что очень решительно хотел держаться за руки.

Жар омывает меня, и я прикусываю губу. Боже, мы как будто целовались, такая интенсивная у меня реакция.

— Так и было.

Он морщится.

— Это было непрофессионально с моей стороны. Прости, — его лицо озаряется улыбкой, когда Пацца лижет его лицо и ставит грязные лапы на его колени.

— Пацца, слезь, — мой голос звучит резко, и она тут же опускается, подбежав ко мне.

Рен медленно встаёт с настороженным выражением на лице.

— Что такое?

— Ничего. Просто Пацца. Она исп-портит твои брюки, — я показываю на пятна грязи и травы на его коленях.

Он улыбается и пожимает плечами.

— Мне всё равно, Фрэнки. Я умею стирать. На самом деле, я просто волшебным образом вывожу пятна.

— Ну естественно, — я не могу вывести пятно с одежды, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

Почему все эти мелочи в нем собираются в нечто идеально правильное для меня? Ну почему он такой замечательный?

Почему я такая похеренная?

— Фрэнки, — Рен сокращает расстояние между нами, обдавая меня жаром своего тела. — Почему у меня такое чувство, будто ты избегаешь темы?

— Какой темы?

Он приподнимает брови.

— Прошлого вечера.

— О. Ну. Ты был не в себе, — я взмахиваю рукой, делая шаг назад. Ветерок от взмаха приносит его тёплую пряность в мою сторону. Он пахнет слишком соблазнительно. — *Non compos mentis*⁹ и всё такое. Всё нормально.

Меж его бровей пролегает складка.

— Тогда почему ты кажешься расстроенной? Пожалуйста, скажи мне, что не так, Фрэнки, — Рен всматривается в мои глаза.

— Не могу.

«Я не могу чувствовать к тебе такое. Я не могу хотеть тебя. Я не могу это сделать».

Что-то на его лице меняется, взгляд пробегается по моим чертам, будто он прочёл мои мысли.

— Могу я спросить тебя кое о чём? — мягко произносит он.

Нет.

Ничего хорошего из этого не выйдет, я уже чувствую. Он ошибочно принимает моё молчание за согласие.

— Там было... — Рен сглатывает, проводит рукой по волосам. — Что ты сказала вчера вечером, когда я засыпал? Так и вертится на языке, но не могу вспомнить.

Моё сердце бешено стучит. Чёрт. Чёрт.

— Эм... ничего. Я... ничего.

Его глаза всматриваются в мои.

— Ничего, потому что ты говорила не всерьёз? Или ничего, потому что ты не уверена, хочешь ли, чтобы я это слышал?

У меня в ушах шумит кровь. Я облизываю губы, сцепляю дрожащие руки.

— Я не уверена, — шепчу я.

Рен делает шаг ближе. Я с непониманием всматриваюсь в его глаза. Если он меня услышал, если он знает, что я разрываюсь из-за чувств к нему, тогда что?

Удерживая мой взгляд, он проводит тыльной стороной ладони по моей руке, отчего тело пронзает зарядом электричества.

— Думаю, мне надо кое-что тебе сказать, — тихо говорит он.

Я смотрю на Рена, и страх неизвестности гложет меня изнутри. Я прикусываю губу, пока не начинаю ощущать тёплый медный привкус крови.

— Фрэнки, — в его голосе слышится спешка. Он проводит большим пальцем по моей губе и освобождает её. Подушечка его пальца гладит укушенное место. Его глаза не отрываются от моих, ищут ответы, которых у меня нет. — Ты делаешь себе больно.

Я отстраняюсь, но Рен делает шаг вперёд вместе со мной, плавно, интуитивно, совсем как во время Великого Голого Танго с Полотенцем. Я делаю финальный шаг назад, пока не оказываюсь прижата к штукатуренной стене. Она покалывает мою кожу, и это желанный дискомфорт. Самая капелька боли в сравнении с тем, что раздирает меня.

Рен слышал моё признание. Он знает, что у меня чувства к нему. И теперь он собирается милостиво и нежно разобьёт моё неопытное сердце. Я уже знаю.

— Ты в порядке? — шепчет он.

— Да не особенно, — я вытираю нос тыльной стороной руки, затем беру пальцами свои подвески. Я кручу маховик времени, просовываю палец в мини-ворота для квиддича. — Я не лучшим образом справляюсь со стрессовыми ситуациями. Я нервничаю. Излишне накручиваю себя. Драматизирую. Прямо в викторианском духе.

Рен смотрит на меня, и череда эмоций проносится по его лицу прежде, чем я успеваю распознать хоть одну из них.

— Вот теперь я точно знаю, что ты расстроена, Фрэнки. Ты отпускаешь плохие, самоуничижительные шутки.

Я хмуро смотрю на него. Он тоже смотрит на меня, и его светлые глаза загадочны, как и

луна позади него.

Я отвожу глаза. Я не в силах справиться с интенсивностью его взгляда. Я смотрю на его туфли, широко расставленные в траве. На его длинные ноги. Вверх по крепкому торсу до впадинки у основания горла. Я закрываю глаза и вспоминаю, как он выглядит под этой безупречной рубашкой. У него одно из тех тел, которые не грех вырезать из гранита. Сила, облачённая в красоту.

Я так сильно хочу Рена. Я хочу его так же сильно, как хочу убежать от него со всех ног. Потому что я уже долго, очень долго никого к себе не подпускала. Это неизменно пугает. И ещё сильнее теперь, потому что я знаю об отказе ещё до того, как успела попросить дать мне шанс.

— Фрэнки, — мольба в его голосе привлекает мой взгляд. Я не сумела бы отвернуться, даже если бы захотела.

— Когда я скажу то, что собираюсь, я хочу услышать, что ты честно чувствуешь, но... не сейчас, если можно. Я надеюсь, что ты сначала обо всём немножко подумаешь.

Я морщу нос.

— Обычно я не так функционирую, Зензеро. У меня мало фильтра между этим и этим, — я показываю сначала на свой висок, потом на рот.

— Одна из многих вещей, которые мне нравятся в тебе, — он улыбается. — Но я думаю, мои слова могут тебя немного... шокировать. Это хотя бы выиграет мне несколько драгоценных секунд, чтобы выйти из твоего дома и забраться в фургон. Я так и сделаю. Потому что я трус.

Я сглатываю нервозность, сжимаю руки в кулаки, когда по мне проносится странный разряд страха и тревоги.

— Ты наименее трусливый человек из всех, что я когда-либо встречала, но ладно.

Рен тяжело выдыхает.

— Итак. Сказав это, я уйду. А когда ты будешь готова... если будешь готова... скажи мне, и мы поговорим, — он смотрит на ночное небо, будто ищет среди звёзд нечто, что земля ему не в силах дать. Но потом его взгляд снова опускается ко мне, и лицо озаряется тёплой, нежной улыбкой.

— Во-первых, я не хотел скрывать это от тебя, но я... я не знал, что можно сделать, кроме как молчать, пока это было невозможным. А потом, когда я узнал, что ты увольняешься, я хотел подождать до тех пор, пока ты не перестанешь работать на команду, но я не знаю, что случилось тогда на пляже, и прошлой ночью, и как будто что-то изменилось, и теперь я не могу. Я больше не могу это сдерживать. Это должно быть сказано.

— Я хочу, чтобы ты знала. Если ты больше не захочешь слышать об этом, я буду уважать твоё решение. Я не стану вести себя неловко. На работе я буду профессионалом и оставляю тебя в покое, ладно?

Вот как надо мягко разбивать сердца? Кажется, весьма странный способ. Я всматриваюсь в его глаза.

— Рен, я вообще не понимаю.

Он издаёт нервный звук и трёт лоб.

— Да, я это осознаю. И... не знаю, легче от этого или сложнее, но была не была.

Выпрямившись, отведя плечи назад, он шумно вздыхает и напряжённо сверлит взглядом землю. Наконец, он смотрит на меня сквозь густые ресницы и встречается со мной глазами.

— Женщина, которую я ждал...

Моё сердце ухает в пятки. Вот как он это сделает. Расскажет мне о ней и погасит все искорки между нами, будто вылив ведро ледяной воды.

Меня уже тошнит от грусти, от понимания, что когда я узнаю, кто она, эти крохотные моменты с ним — украденные поцелуи, пылкие взгляды, мягкий шёпот переплетённых пальцев, ладонь к ладони — должны будут закончиться. Потому что я бываю разной — одержимой, дотошной, прямолинейной и вспыльчивой... но одной вещью я никогда не буду — это любовницей, женщиной-заменой.

— Эта женщина, Фрэнки, — продолжает он. — Это ты.

«*Это ты*».

Два слова. Боеголовки, пронзившие моё сердце и приземлившиеся с оглушительным грохотом.

Рен прав. Я лишилась дара речи. И задолго до того, как мне удастся вновь найти своё тело во времени и пространстве, Рен уходит с моего заднего двора, оставив меня часто моргать и смотреть вдаль, пока мой мозг пытается переварить услышанные слова.

«*Это. Ты*».

Нетвёрдо зайдя в дом, я медленно опускаюсь на пол, моё дыхание становится частым и неглубоким.

Бесчисленные моменты с Реном проносятся в моём сознании, озарённые новым, многозначительным, изумительно ужасающим светом.

Я та, кого он ждал.

Я та, кого он хотел.

Моё горло абсолютно пересохло. Я хватаюсь за край столешницы и рывком поднимаю себя с пола, ищу в шкафчике стакан, наполняю фильтрованной водой и залпом осушаю. Поставив стакан, я вижу своё отражение в окне за раковиной. Я удерживаю её взгляд, смотрю на её потрясённые черты.

Она никогда не испытывала столько противоречивых эмоций разом, и это отражается на её лице. Надежда. Ужас. Радость.

Прошло так много времени с тех пор, как я принимала ту часть себя, что стремится ожить рядом с Реном. Ту, что смеётся и шутит, обнимает крепко и целует глубоко. Ту, что плачет над мелодрамами и распахивает сердце для близких людей. Ту, что верит, что кто-то полюбит её и не начнёт однажды ненавидеть, будет воспринимать её не как список проблем и сложностей, а как совокупность прекрасных частей, составляющих её натуру.

Потому что я знаю, что артрит и аутизм не делают меня менее человеком. Они не делают меня неправильной или сломанной. Да, от этого некоторые вещи в моей жизни становятся более проблемными, и может, я не воплощаю собой «норму», но я могу быть той, кто преодолевает препятствия, и это не означает, что мне недостаёт чего-то фундаментального.

Проблема в том, что за эту правду намного сложнее держаться, когда я подпускаю других людей. Потому что мои сенсорные лимиты, неожиданные эмоции, легко устающее тело, язык без фильтров — всё это идёт в комплекте со мной и, судя по всему, рано или поздно надоедает. Все — моя семья и друзья детства, мой единственный бойфренд в колледже — все, кроме Энни и Ло, кого я любила и подпускала к себе, все в итоге уставали от меня.

Так что переехав и начав жизнь с чистого листа, я сказала себе, что просто не буду любить или быть любимой в такой манере. Потому что каждый раз, когда я подпускала к

себе кого-то, и они показывали мне, что я не стою всех этих усилий, оправляться после этого становилось всё больше и сложнее.

— Что ты будешь делать? — спрашиваю я у своего отражения.

Мой образ жизни так долго меня устраивал. Мне было спокойнее скрывать свои эмоции, разумно распоряжаться своим сердцем, действовать практично, контролировать и сдерживать. Безопасность позволила мне забыть боль прошлого.

Мой дом переполняется тишиной. Отягощённая тяжесть просачивается с углов, такая же суровая и озаряющая, как и луна снаружи. Дискомфортный вопрос вгрызается в мою грудь и пронзает сердце.

Что, если выстроенная мною жизнь, которая должна была меня освободить, всё же превратилась в тюрьму?

Глава 18. Рен

Плейлист: Vance Joy — Saturday Sun

Я проснулся с убеждением, что прошлый вечер был сном. Но потом я выбрался из кровати, по дороге к ванной прошёл мимо корзины с грязным бельём и застыл, заметив на коленях своих брюк следы грязных лап и травы. И всё нахлынуло обратно.

С поразительной мощью.

Я сказал ей. Я правда ей сказал. Я прислушался к ошеломляющей интуиции, к неоспоримому голосу в моей голове, твердившему, что надо сказать.

Потому что вопреки туману в моём побитому мозге тем вечером, я знал и помнил, что не просто держал Фрэнки за руку. Фрэнки тоже сжимала мою ладонь и прошептала что-то, что я не мог припомнить, но я запомнил, как это звучало. Она говорила печально. С надеждой. С нежностью.

Зная, что она поцеловала меня, и как мы говорили на пляже, и каким заботливым было её прикосновение в отеле. И ещё всё то, что она сказала той ночью, когда мы ели еду на вынос... мои братья заявили, что если это не поведение женщины, у которой есть к тебе чувства, то они вообще не знают, что это такое.

Я не мог вынести мысли, что Фрэнки может чувствовать что-то ко мне и сомневаться, чувствую ли я то же самое к ней. Преимущества обмана уже не перевешивали риски.

Так что я сказал ей, что хочу её. Что хотел её годами. Её глаза широко распахнулись. И я по глупости стоял там пять бесконечных секунд, надеясь, что может, она прыгнет в мои объятия, смеясь как сумасшедшая, и мы будем целоваться под звёздами.

Вместо этого она моргнула. И сглотнула. Медленно.

Так что я ушёл и нервно учащённо дышал всю дорогу до дома. Затем принял достаточно седативного, чтобы вырубить лошадь, и попрощался с сознанием на несколько часов.

Теперь, когда я захожу в наш тренировочный корпус, мой живот скручивает узлами. Я еле затолкал в себя протеиновый батончик на завтрак и отказался от обычного кофе со льдом, потому что моё сердце и без кофеина готово выскочить из груди. Входя в здание, я вынужден делать глубокие медленные вдохи, чтобы не вспотеть от паники.

— Доброе утро, лапочка, — Милдред улыбается поверх своих очков-полумесяцев, расположившись за столом на входе.

— Доброе утро, Милли, — я ставлю на её стол горячий стаканчик на вынос. — Как обычно.

Она хватается свой кофе, снимает крышку и делает большой смакующий глоток.

— Ах, вот это дело. Сколько я тебе должна?

— Ты всегда это спрашиваешь, и я всегда отвечаю одно и то же, — дважды хлопнув ладонью по её столу, я начинаю уходить.

Милли улыбается.

— Хороший ты, Рен.

Прежде чем я успеваю ответить, новый голос разносится по помещению.

— Зензеро.

Я резко разворачиваюсь.

Фрэнки.

Как она умудряется становиться ещё очаровательнее с каждой нашей встречей? Что в её одежде для тренировочных дней (мешковатые толстовки и облегающие лосины, длинные тёмные волосы в конском хвосте) так цепляет меня? Это потому, что когда она одета так, я представляю, что вижу её мягкую сторону, нежную женщину с опущенными стенами, которую я так редко видел за мощным фасадом, застёгнутым на все пуговики?

— Привет, — шепчу я.

Она улыбается, и это ударяет меня прямо в центр груди. Её улыбки такие редкие. Каждая кажется победой.

— Привет, — тихо отвечает она.

Сипло сглотнув, я тру шею сзади. В холле так тихо, что можно услышать слабое эхо голосов парней аж с другого конца здания.

Откашлявшись в кулак, Фрэнки подходит ко мне ближе.

— Я хотела спросить, есть ли у тебя время пообедать после тренировок в зале и на льду сегодня утром?

Моё нутро сжимается. Я всматриваюсь в её глаза, но они непроницаемые. Она хочет мягко отказать мне за обедом? Или... возможно, сказать мне то, что я хотел услышать всего-то несколько лет? *«Я тоже тебя хочу»*.

— Конечно, — выдавливаю я наконец. — Просто назови место.

— Я не привередлива. Ты выбирай.

Нас прерывает тоскливый вздох. Мы оба поворачиваемся и смотрим на его источник.

Милли невинно моргает за своими очками.

— Не обращайтесь на меня внимание. Просто не каждый день увидишь молодую любовь...

— О, мы не...

— Это не...

Мы с Фрэнки говорим наперебой, затем одновременно останавливаемся и одинаково краснеем.

— Ладно, — тихо говорит Фрэнки, заправляя волосы за ухо. — Обед.

Она проходит мимо меня, оставляя меня одну с Милли, которая внезапно очень увлечена чем-то на мониторе компьютера.

— Милдред.

Она щурится в монитор, избегая моего взгляда.

— Да, дорогой. Чем я могу тебе помочь?

Я опираюсь локтями на край стола, опускаю лицо так, что ей приходится посмотреть мне в глаза. Знаю, мои радужки иногда пугают людей, особенно если я не моргаю. Это мамыны глаза. Светлые и серебристые. Неожиданное сочетание с моими волосами. Немножко неестественное. Весьма запугивающее.

Милли смотрит мне в глаза и шумно сглатывает.

— Впредь не буду лезть не в своё дело.

— Превосходно, — оттолкнувшись от стола, я добавляю через плечо: — Больше никакого вмешательства, Милдред. Ни упоминаний конфиденциальных встреч Клуба, ни индикаторов «проверьте двигатель» или свечей зажигания, ни соседних номеров в отелях, иначе на следующее собрание Клуба пойдёшь пешком.

Она гогочет.

— Мы оба знаем, что ты слишком добрый, чтобы сдержать такую угрозу, но хорошая

попытка, лапочка.

Она права. И временами мне хочется, чтобы я не был таким чертовски предсказуемым.

— Что возьмёшь? — Фрэнки смотрит в меню и кусает губу. — Слишком много вариантов.

Я поднимаю взгляд от телефона, где по кругу воспроизводится мем, который, как с радостью сообщил мне Энди, стал популярным: как я наелся льда и одновременно забил гол. Тот самый гол, когда 27-й поставил мне подножку. От мема за версту несёт Фрэнки. Она делает такие время от времени, и они всегда набирают популярность.

— Франческа.

— Хм? — она наконец-то поднимает взгляд. — Что? Я пытаюсь выбрать бургер, Бергман. Ха. Понял, да? Бургер. Бергман.

Я разворачиваю телефон, чтобы она увидела мем.

Ей хватает совести залиться румянцем, и кончики её ушей делаются ярко-розовыми.

— А, эта маленькая старенькая штучка.

— Ох, Фрэнки. Тут нет ничего маленького или старенького. На самом деле, всё весьма свежее и огромное. Настолько, что можно даже назвать популярным.

— Дай сюда, — бормочет она. Выхватив телефон из моей руки, Фрэнки разворачивает его к себе.

— Не может всё быть настолько плохо... — все краски отливают от её лица. — Ладно. Всё настолько плохо.

Я прикусываю губу, стараясь не выдать, что на деле меня это не беспокоит. На самом деле, мем кажется мне правда смешным. Фрэнки не просто сделала из моего падения заикленную гифку, она также добавила маленькую гифку бейсбольного судьи, показывающего соответствующий жест, и слова «ЗАСЧИТАНО!».

Это остроумно. Я понимаю, почему всем нравится. Я выгляжу в точности как бейсболист, который скользящим падением приземлился на базу. Вот только я забил гол, чтобы выиграть серию плей-оффа. И хоккей примерно в восемьсот раз интереснее и сложнее бейсбола. Но это я уже отхожу от темы.

Фрэнки сипло сглатывает и барабанит пальцами по столу.

— Рен, прости, я никогда...

Я накрываю ладонью её дёргающиеся пальцы. Мой большой палец мягко гладит её ладонь под моей рукой, чтобы никто не видел интимность этого жеста.

— Я не против. Просто подшучивал.

Когда она смотрит на меня, её ресницы выглядят влажными.

— Я чувствую себя ужасно. Ты говорил, что в школе был огромным задротом, и я могу предположить, что это означает, что над тобой много подшучивали...

— Ну не прям уж много...

— А я тут делаю то, что заставило всех смеяться над тобой...

— Фрэнки, — я мягко сжимаю её ладонь, слегка опешив от эмоциональности её реакции. Знакомая мне Фрэнки лишь закатила бы глаза и сказала мне «смирись, рыжик». — Мне правда всё равно. У меня весьма хорошая жизнь. Если некоторые уловки в соцсетях включают смех надо мной, то моя любовь к игре и стилю жизни, который мне даёт хоккей, более чем компенсируют это.

Наконец, Фрэнки расслабляется. К её щекам возвращается нормальный цвет, плечи опускаются.

— Ладно.

— Вот и хорошо, — я отпускаю её руку. Отпив глоток воды, я улыбаюсь ей поверх стакана. — К тому же, мой гол привёл к победе в серии. Ну типа, это падение было практически героическим.

Её губы подёргиваются.

— Героическим. Ну да.

Я не сдерживаюсь и смеюсь, приподнимая ворот толстовки, чтобы прикрыть рот. Лицо Фрэнки озаряется широкой улыбкой, которую она прикрывает ладошкой.

Но недостаточно быстро. Буквально на долю секунды я замечаю ту широкую, несдержанную улыбку Фрэнки. И это стоит каждого ужасного мема со мной, который она только могла бы сотворить.

Когда наш смех стихает, я замечаю, что некоторые люди пялятся на меня — на нас — и все не слишком скрытно снимают видео или делают фото.

И это напоминает мне кое о чём.

— Франческа.

Она опускает меню.

— Сорен.

Я понижаю голос и наклоняюсь поближе к ней.

— Надеюсь, я не оскорбляю твой интеллект этим вопросом, но ты же подумала о том, что нас сфотографируют вместе, да?

— Ага, — она поднимает меню и продолжает читать.

Приходит официант, подливает воды в наши стаканы. Когда он уходит, Фрэнки следит, когда он отойдёт на приличное расстояние, затем опускает меню.

— Что нам ещё несколько фото за обедом? — говорит она, отпивая воды. — Хоть это правда, хоть нет, люди так думают. Даже Дарлин купилась.

— Что?

— Сегодня утром она написала мне, сказав, что я могу быть честна с ней, и у меня не возникнет проблем. Видимо, она думала (особенно после твоего ответа на пресс-конференции), что мы с тобой вместе, — Фрэнки хрюкает, затем делает ещё глоток воды. — Она сказала, что по фото это видно. Уморительно, да?

Её слова безжалостно ранят. Вот и ответ, быстрый и болезненно стремительный. Боже, это так расстраивает.

Фрэнки хмурится, наблюдая за мной.

— Что?

Я инстинктивно потираю грудь в районе сердца. Это никак не унимает боль.

— Рен. Поговори со мной. Помнишь, я не могу... я читаю намёки ещё хуже, чем среднестатистический человек. Но плюс по сравнению с остальными людьми заключается в том, что ты можешь спокойно сказать мне, как и что я поняла не так, — она подаётся ближе, подвигает руку в мою сторону, но останавливает её посередине стола. — Пожалуйста.

Я подвигаю руку навстречу, чтобы кончики наших пальцев соприкоснулись.

— Ты только что сказала, что идея отношений со мной уморительна.

— Я этого не говорила, — мягко отвечает она. — Я сказала, что судить по фотографии, будто мы в отношениях — это уморительно. Дарлин как никто другой должна понимать, что

нельзя делать выводы по снимкам папарацци, — она приподнимает голову, её взгляд изучает моё лицо. — Ты подумал, будто я сказала, что идея отношений между нами уморительна.

Я подвигаю руку ближе к ней и переплетаю наши пальцы.

— Да.

Она сжимает мою ладонь в своей хватке, заставляя меня поднять взгляд.

— Но я сказала не это. И если ты когда-нибудь и встретишь того, кто подразумевает буквально то, что было произнесено — это я, Зензеро.

— Я понимаю. Логично, — я претерпеваю бумеранг эмоций, но пытаюсь улыбнуться и показать, что верю ей. Потому что я правда верю.

Сжав ещё раз напоследок, она убирает руку.

— Так вот. В свете этого я буду прямолинейна...

Официант снова подходит. Худший момент из всех возможных.

Я остаюсь в подвешенном состоянии, будущее моей любви отложено ради заказа обеда. Не совсем удивительно. Еда — это серьёзный вопрос для Фрэнки. Повернувшись, она говорит официанту, что хочет заказать, закрывает меню и отдаёт ему в руки. Я тоже заказываю, и мы оба провожаем официанта взглядом, когда он уходит и оставляет нас одних в уединённом уголке ресторана.

— Так на чём ты остановилась? — намекаю я. Отчаянно стараюсь не казаться... ну, отчаявшимся.

— Точно. У меня есть некоторые вопросы и опасения. Во-первых, чего ты хочешь от человека, к которому у тебя чувства?

— Ну, я говорю не о ком-то абстрактном, Фрэнки. Я говорю о тебе.

Она прикусывает губу.

— Да. Это.

— Это?

— Просто... — она нетерпеливо взмахивает рукой. — Говори. Поясни.

— Ну, если ты чувствуешь то же, что и я, я бы хотел встречаться. Из-за работы мы можем оставить всё между нами, пока тебе не будет комфортно сказать остальным людям.

Она задумчиво кивает, её пальцы теребят подвески на её шее.

— Рен, ты привлекаешь меня. Ты мне небезразличен, я бесконечно уважаю тебя... — Фрэнки щурится. — Ну чего ты улыбаешься-то?

Слыша это от неё, я испытываю эйфорию. Я чувствую, насколько абсурдно широкой становится моя улыбка, так что прикрываю рот ладонью и пожимаю плечами.

— Но вот в чём загвоздка. Я уже много лет не хотела отношений.

— Много лет?

— Перестань повторять за мной. Да, лет. Я избегала отношений как чумы.

— Почему? — спрашиваю я.

Она шумно выдыхает, надув щёки, и барабанит пальцами по столу.

— Как показывает практика, у людей заканчивается терпение в отношении меня и моих обстоятельств. Я заметила, что я счастливее, что моё благополучие и самооценка на более хорошем уровне, когда я одна. Так что я вроде как отказалась от идеи, что однажды стану человеком, у которого будет домик с белым заборчиком и 2.5 ребёнка.

— Ну, ничего страшного. Я хочу жить в своём доме на пляже, который тебе нравится; хочу собаку, которая у тебя есть; и пятеро детей, которые...

— Пятеро? — Фрэнки комично выпучивает глаза. — Иисусе, Бергман. Моя плюшка

болит от одной лишь мысли об этом.

— Твоя плюшка?

— Я же сказала, прекрати повторять за мной, — зажмурившись, она глубоко вдыхает и на выдохе говорит: — Я отвлеклась.

— Это моя вина, — когда она открывает глаза, я пытаюсь встретиться с ней взглядом. — Можно мне кое-что спросить?

Она кивает.

— Тебе когда-нибудь казалось, что я обращаюсь с тобой таким образом?

— Нет, — тут же отвечает она.

Моё сердце совершает ликующий кульбит.

— Но... — Фрэнки крутит свои подвески и осторожно наблюдает за мной. — Мы не состояли в отношениях.

— Но я этого хотел.

Её пальцы замирают. Щёки окрашиваются румянцем.

— Это не то же самое.

— Ты права. Тогда позволь мне пообещать тебе здесь и сейчас, что я никогда не буду воспринимать тебя как бремя или проблему, которую нужно преодолеть. Ты личность, Фрэнки, личность, к которой я питаю сумасшедшие чувства. И любые сложности, любые проблемы в твоей жизни, ну, я буду просто благодарен, что мне доведётся быть рядом с тобой, пока ты с ними справляешься.

— Пока это не надоест, — ровно говорит она. — Сначала все говорят как ты, Рен.

Я стараюсь не позволять этому причинить боль. Мне приходится напоминать себе, что её сомнение и недоверие вызваны не мной. Это спровоцировано её прошлым и пережитой болью. Для того, кто мыслит так аналитически и выискивает закономерности, как Фрэнки, прошлое — это лучший способ предсказать будущее.

— Ладно, — признаю я. — Знаю, что тебе может быть сложно поверить, что я никогда не буду воспринимать тебя так. Я знаю, что может потребоваться время, чтобы проверить это на практике. Так что если ты готова дать мне шанс, чтобы я заслужил твоё доверие в этом отношении, я буду доволен и этим. Мы можем двигаться постепенно, не спешить. Я прошу лишь о моногамии.

Она опешивается.

— Естественно, я буду верной, — протянув ладонь, она шлёпает меня по руке. — Ты за какую засранку меня держишь?

— Ну, я не знаю, чем сейчас занимаются дети.

— Дети? Рен, я старше тебя.

— Аж на год, да.

Она закатывает глаза.

— Я просто... — я вздыхаю. — Мне нужна верность. Вот и всё.

Фрэнки хватает булочку из корзинки, разрывает её и агрессивно намазывает маслом, полностью сосредоточившись на задаче и бурча себе под нос.

— Что ты там бормочешь? — спрашиваю я.

Фрэнки награждает меня испепеляющим взглядом и говорит, набив рот булкой:

— Как будто я бы захотела кого-то другого, если бы ты был моим.

Когда её слова откладываются в сознании, глубоко в моём сердце теплится чувство привязанности.

— Очень мило с твоей стороны сказать это, Франческа. И я твой.

То, как она смотрит на меня, как её страх и уязвимость душераздирающе близки к поверхности — это подобно удару в грудь. Как часто бывает с Фрэнки (я замечал это и за своей сестрой Зигги), её разум видит мир рассечённым, через откровенный анализ, которого большинство из нас избегает. Фрэнки разрезает прямоиком до самого ядра уязвимости любви. И пусть многие из нас любят утешать себя иллюзией, будто любовь — это блаженство, всё далеко не так. Мы любим, замороженные захватывающим видом, и падаем, не зная, куда приземлимся.

Нашу еду расставляют перед нами, тарелки повернуты под идеальным углом для лучшей презентации. Стаканы заново наполнены водой. И мы опять остаёмся одни.

Фрэнки смотрит на свою еду и вздыхает.

— Эй, — я мягко дотрагиваюсь до неё, накрываю её руку своей. — Что ты чувствуешь из-за всего этого?

Она смотрит мне в глаза.

— После прошлого вечера, когда ты сказал мне и ушёл... я размышляла, могу ли я это сделать, хочу ли я это сделать, — её глаза смягчаются, плечи округляются, будто она хочет свернуться калачиком. — И я могла думать лишь о том, как сильно я по тебе скучала. Мне хотелось быть с тобой. Так что поэтому я здесь. Потому что сейчас я как минимум могу с абсолютной искренностью сказать, что хочу быть с тобой, и мне кажется, что я захочу быть с тобой лишь сильнее и сильнее. Но я также должна быть честной, Рен. Это пугает.

— Как я могу сделать всё это менее пугающим?

Она мягко улыбается.

— Будь честен со мной. Будь честен с собой. Когда всё станет слишком тяжело, скажи мне.

— Не станет, Фрэнки, — я сжимаю её ладонь. — Я тебе это покажу.

— Ну, тогда на этом всё. Но пока мы не вылетим из плей-оффа или не выиграем Кубок, на работе мы ведём себя как обычно — совершенно профессионально. На протяжении сезона, что бы мы ни делали в своё личное время, ничто не изменится в том, как я обращаюсь с тобой в присутствии остальных.

— Что, если кто-то узнает, пока ты ещё работаешь на команду? Ты хочешь подождать до конца сезона?

«Пожалуйста, скажи нет. Пожааааааааалуйста, скажи нет».

— О нет, — она машет рукой. — На работе будем вести себя профессионально, а если кто-то будет гадать, почему я провожу с тобой время вне работы, то мне всё равно уже не грозит увольнение. Я и так уйду из команды. Никого не касается, чем мы занимаемся, чёрт возьми. Впрочем... тебя-то это устраивает?

Я улыбаюсь ей.

— Целиком и полностью.

— Хорошо, — Фрэнки улыбается про себя и принимается за еду. Она тихая, пока ест, и как раз когда я начинаю волноваться из-за молчания, из-за того, о чём она там задумалась, меня останавливает её ступня, мягко прижавшаяся к моей под столом.

Легчайший жест.

Но он ощущается невероятно значимым.

Глава 19. Фрэнки

Плейлист: Tessa Violet — Crush

Я не знаю, почему играю с ним в «ножки» под столом. Я не знаю, почему испытываю такое облегчение от признания, что чувствую себя уязвимой, что перспектива интимной близости ужасает меня, потому что однажды он может сделать то же, что и остальные, и причинить мне боль.

Я знаю одно — мы едим, а я прокручиваю в памяти его ответ, моё сердце бьётся спокойно и размеренно, за рёбрами растекается непривычное тепло, расходящееся в более нежные и забытые уголки моего тела.

Я знаю, что лучи солнца на волосах Рена сверкают как старый медный пенни, что хрупкий бутон счастья расцветает во мне, пока мы едим в комфортной тишине. Он готов доказывать, что заслуживает доверия, хотя не обязан это делать, и мне хотелось бы не нуждаться в этих доказательствах. Хотелось бы не считать всех людей заранее виновными, пока не будет доказано обратное. Но прошлое было жестоким учителем, и его урок непросто забыть — если прятаться за оборонительным фасадом, то не будет больно.

— Итак, — положив вилку, Рен откидывается назад на сиденье, сцепив ладони за головой.

— Итак, — я шумно вытягиваю через трубочку остатки рутбира, затем хмуро смотрю на дно. Когда я поднимаю взгляд, Рен улыбается мне. — Что?

Он качает головой.

— Что планируешь делать после конца сезона, но до начала обучения на юрфаке?

— Ну, планов немного. Заниматься, читать, отоспаться. Может, сделать операцию по замене бедра.

Он роняет руки, широко распахнув глаза.

— Фрэнки, ты не говорила мне, что с твоим бедром всё настолько плохо...

— Полегче, Рен. Это была шутка. Плохая, очевидно.

Рен трёт лицо, затем проводит пальцами по волосам.

— Ладно, я постепенно врублюсь. Про аутоиммунные заболевания и тяжёлые операции шутить можно.

— Это не тяжёлая операция. Новая технология — минимально инвазивная. И да, я с юмором отношусь к своему медицинскому досье. Знаешь же поговорку «если не смеяться, то будешь рыдать». Так что я шучу.

Наш официант подходит с новой порцией рутбира.

— О, — я поднимаю на него взгляд и улыбаюсь. — Спасибо.

Он делается свекольно-красным.

— Не з-за что, мисс, — развернувшись, он сматывается прежде, чем я успеваю сказать что-либо, например, «Можно взглянуть на десертное меню?».

А что? Я сладёна.

Рен прочищает горло, побуждая меня повернуться обратно лицом к нему. Его глаза изучают моё лицо.

— Я понятия не имел, что этого достаточно, чтобы заслужить от тебя такую улыбку.

Я морщу нос.

— Чего именно?

— Рутбир. А я-то думал, что дело в мармеладных мишках.

— Ты купил их ради меня?

Рен склоняет голову набок.

— Конечно, Фрэнки. Я знал, что они тебе нравятся.

— О, — я тереблю вилку. — Я думала, они просто понравились тебе после того, как ты попробовал их у меня дома.

Между нами воцаряется мгновение тишины. Рен подаётся вперёд и вытирает мою губу.

— Кетчуп, — тихо произносит он. Затем кладёт большой палец в рот и начисто облизывает его, причмокнув.

Иисус-Дошкольник с Плотницким Шилом, у меня сейчас случится короткое замыкание. И наклонившись ближе, Рен обдаёт меня своим пряным чистым запахом. Я смотрю в его добрые глаза, впитываю сами его габариты и близость. Я решаю, что Рен — это искушение во плоти. Мне хочется оказаться под ним. Типа, ещё вчера.

Я не могу долго удерживать его взгляд. Его глаза видят слишком много, проникают слишком глубоко под мою кожу и пробуждают чувства, от которых я дрожу и хватаю воздух ртом. Эти мягко улыбающиеся губы говорят, что он способен действовать неспешно. Эти бледные кошачьи глаза говорят «Я хочу тебя на ужин».

— Фрэнки, — говорит Рен.

— Хм?

— Ты придёшь ко мне завтра вечером?

— Да, — выпаливаю я.

«И я могу буквально наброситься на тебя, когда приду».

— Хорошо, — подняв руку, он делает жест официанту. — Потому что я скучаю по Пацце.

— Эй. Девушке приятно знать, что её хотят не только из-за её очаровательной собачки. Он улыбается. Это новая улыбка. Секретная.

— Тогда позволь мне заверить тебя. Причин, по которым я тебя хочу, намного больше.

Я сглатываю.

— Но, как я уже сказал, никакой спешки или давления, — продолжает он. — Для нас обоих. В физическом плане. В эмоциональном. Мы будем действовать медленно, просто проводить время вместе.

— О, я не испытываю никакого давления. Необязательно действовать медленно, — и клянусь именем того святого, который является покровителем сексуального удовлетворения (поверьте мне, такой есть, у католиков есть святые-покровители абсолютно для всего), если этот мужчина не соблазнит меня в тот же миг, когда я завтра войду в его дом, я сойду с ума.

— Отлично. Ты можешь прийти завтра вечером в гости. Я приготовлю еду, и мы просто расслабимся.

Еда и расслабление. Звучит многообещающе. Это как будто версия Рена вместо «зайти на кофе».

— Договорились. Но скажу сразу, я ожидаю, что ты тоже будешь приходить в моё скромное бунгало. Мне нравится моя хоббитовая нора.

— Конечно. Я согласен проводить время в бунгало. Только не уверен насчёт ночёвок. Мне нужна кровать размера кинг-сайз. Не влезаю я на обычные двухместные.

— Я... чего? — я аж сбиваюсь с мысли. Секс — это одно. Ночёвки — это другое.

Ночёвки подразумевают объятия и сближение. Интимность, к которой я не имела доступа годами, если не считать тех раз, когда я позволяю Пацце раздавливать меня своими «обнимашками» на диване и чувствую абсурдное количество любви, которую можно испытывать лишь к животному.

— Так, это... — я откашливаюсь в кулак, стараясь не выглядеть совсем уж ошарашенной. — Ты планируешь ночёвки?

«Дыши глубоко, Франческа. По одному шагу за раз».

Рен пригвождает меня взглядом своих кошачьих глаз.

— Ты видела, как я отрабатывал каждую секунду времени при свете, Франческа. Я планирую сохранять ту же приверженность делу и при выключенном свете.

Пресвятые промокшие трусики.

Он смотрит на официанта, когда тот подходит к нашему столику.

— Можно нам десертное меню? Спасибо.

— Ты закажешь десерт? — каркаю я. Хлебнув рутбира, я пытаюсь вывести себя из секс-транса. — Что же скажет Ларс? Он учует эти быстрые углеводы в твоём дыхании. И тогда всё будет кончено.

Рен улыбается.

— Это не мне. К данному моменту я знаю достаточно, чтобы понимать — если я ем с тобой, то нужен десерт.

— Ты меня умасливаешь.

— Едва ли. Я просто пытаюсь вызвать на твоём лице улыбку с помощью маленьких кулинарных излишеств.

Я награждаю его резким взглядом.

— Не рассчитывай на много улыбок. Думаю, я выполнила квоту на сегодня.

Его улыбка становится шире, и ресторан будто заливает светом.

— Да, мэм.

Тарин, наш инструктор по водной аэробике, резко разворачивает своё тело в бассейне, её конечности совершают плавные движения, будто плотность воды — это городская легенда, а не неоспоримая физика.

— Давайте, дамы! Активнее шевелим своими ленивыми жопками!

Энни слева от меня фыркает.

— Сдаётся мне, преподаватель не должен такого говорить.

— Ага, — я пыхчу. Боже, эти моменты ходьбы в воде. — Напрашивается на судебный иск.

— Ты сегодня тихая, Фрэнки. Что случилось?

Я качаю головой.

— Просто запыхалась.

— А такой проблемы не возникало бы, если бы ты ходила на водную аэробiku хоть с какой-нибудь регулярностью.

— Выкуси, Аннабель. У меня работа, отнимающая много времени. И не у всех у нас есть двадцать кило беременности, удерживающие нас на плаву.

Энни ахает, затем шлёпает по воде, посылая брызги в мою сторону.

— Как ты смеешь! Это выносливость, которую я сама выработала. И пусть мои запасы

жира и утробные воды имеют меньшую плотность в воде...

— Прекрати, — я едва не содрогаюсь в рвотном позыве. — И больше никогда не говори «утробные воды».

Она закатывает глаза.

— Я к тому, что я отлично справляюсь с этим упражнением потому, что я в хорошей форме, а не из-за ребёнка.

— Ладно, Аннабель.

— Франческа, я клянусь...

Тарин прочищает горло. Громко.

— Вы не могли бы не отвлекаться?

Мы смущённо улыбаемся и хором говорим:

— Простите.

Как только Тарин переключает внимание на пожилых участников группы, использующих надувные шутки, за которые я бы сейчас отдала левую сиську, Энни косится на меня.

— С тобой что-то не так. И я хочу услышать, что именно.

Чёрт возьми, почему я такая прозрачная? Ма всегда говорила, что моё настроение написано на моём лице, и это приводит к ещё одному преимуществу хмурой гримасы — она скрывает все остальные чувства.

После ланча все мои шестерёнки продолжают крутиться, а мозг не затыкается. Моя тревожность разошлась на всю катушку, и если бы я сейчас могла заламывать руки без риска утонуть, я бы так и делала.

Мне не лучшим образом даются переходы и перемены. Я ужасно справляюсь со всем новым. Ещё хуже предвижу всё, что может пойти не так. Этот порог, который мы вот-вот пересечём с Реном, олицетворяет всё перечисленное. Отсюда и паника.

— У меня был долгий день, — говорю я ей. — Ты же знаешь, какой я бываю. Я ухожу в себя, когда выматываюсь.

— Хм, — она шмыгает носом. — А я-то думала, какой хорошей идеей будет после занятия попить молочные коктейли с картошкой фри...

— Ладно! Ну то есть, углеводы мне не помешают.

Она прищуривается.

— И между делом расскажешь мне, что с тобой происходит.

Спустя ещё двадцать минут ада водной аэробики и быстрого душа, чтобы смыть хлорку, мы с Энни едем в ближайшую любимую забегаловку. Купив вкусняшки, мы устраиваемся за угловым столиком.

Усевшись со вздохом, Энни поднимает ноги и закидывает ступни на моё сиденье.

— Ты не против?

Я мягко похлопываю по её опухшим лодыжкам.

— Конечно, нет. Так вот. Как дела в лаборатории? — спрашиваю я, воюя с бутылкой кетчупа.

Сдавшись, я отдаю её Энни. Она открывает крышечку и передаёт обратно мне.

— Волнительно. Сложно. Но в то же время много раздражающего дерьма. Мужчины объясняют мне очевидные вещи как тупой. Я пытаюсь добиться, чтобы меня слушали и уважали. Тот факт, что из-за беременности мне нужны особые меры предосторожности в лаборатории, тоже не помогает. Клянусь, будь я парнем, мне не было бы так сложно

получить финансирование.

Снова вздохнув, она берёт свой молочный коктейль и делает большой глоток.

— Надеюсь, у меня будет мальчик, чтобы я воспитала его абсолютным феминистом. Этому миру нужен ещё один мужчина, который ценит женщин и поддерживает равные возможности.

Странный укол в груди заставляет меня отложить картошку фри. С тех пор, как Энни сказала мне о беременности, в моём мозгу витала отдалённая идея детей — как страшно будет любить это крохотное беспомощное создание, но как невероятно будет наблюдать, как он или она вырастают и становятся изумительным человеком, которым непременно будет ребёнок Энни и Тима. Рен и его разговоры о домах, его «отцовский» фургон — всё это давит на меня; в одно мгновение это клаустрофобный страх, в следующее — головокружительная надежда.

— Фрэнки?

— Прости, — я встряхиваю головой и выдёргиваю себя из этого состояния. — Я здесь, с тобой. И я думаю, что ты воспитаешь отличного маленького феминиста.

— Как дела на работе? — спрашивает она. — И почему ты такая отрешённая?

— Ты же знаешь, какой я бываю в период плей-оффа. Это невозможная двойственность взвинченности и выгорания. Мы хотим победить, но нас всех тошнит друг от друга. Мы устали, у парней все тела уже в синяках, и мы устали путешествовать из-за выездных игр. То же самое дерьмо, что в прошлом году в это время, и в позапрошлом тоже.

— Дело правда только в этом? — она тянется ко мне и похлопывает по руке. — Мы теперь уже можем поговорить о нём. Мы прошли тест Бекдел¹⁰.

— Чего?

Энни хмуро смотрит на меня.

— Фрэнки.

— Что? Я не знаю, о чём ты говоришь.

— Ты смотрела столько фильмов, читала столько книг, и не знаешь тест, который следит, чтобы в фильмах и художественной литературе женщины не изображались говорящими исключительно о мужчинах?

— Эм. Нет. Видимо, я пропустила это на своём пути к абсолютному задротству.

Она кидает в меня ломтик картошки.

— Так вот. Мы его прошли. Поговорили о многом другом в жизни. Так что говори уже о нём.

— О ком?

Энни закатывает глаза, шумно втягивая коктейль через трубочку.

— О Рене, козьявка ты этакая. Он сказал тебе о своих чувствах, да?

Я смотрю на неё с разинутым ртом.

— Что? Как ты...

— Не знала я, — говорит она, подняв ладони. — Это просто чутьё. Его симпатия была весьма очевидной.

— Не для меня!

— Ну, я знаю. Как ты сама говорила, ты не улавливаешь интерес мужчин. Клянусь, с самого начала, как я его встретила... он так смотрел на тебя, когда ты нас представляла... просто умереть не встать. Но когда он присоединился к нам за ланчем, всё подтвердилось.

— Что ж, классно понимать, что догадались все, кроме меня, — я бросаю салфетку на

стол и откидываюсь на спинку сиденья. Иногда откровенно унизительно понимать, насколько я слепа и недогадлива в отдельных сферах жизни.

— Эй, прости, я не хотела тебя расстроить, — Энни вздыхает. — Фрэнки, мы обе знаем, что если бы ты знала, ты бы всё равно не захотела знать. Ты не хотела это видеть. Потому что решительно настроилась остаться старой девой.

— Аннабель. Не будь ты глубоко беременной, эта старая дева натянула бы тебе бриджи до самых ушей.

— Тогда женщины не носили бриджи, Франческа.

Дверь в закусочную отворяется со звоном колокольчика, побуждая меня небрежно обернуться через плечо.

И пол уходит из-под моих ног. Входит Рен. С женщиной.

— Убейте меня немедленно, — я сползаю по диванчику, чувствуя, как кожа покрывается холодным потом.

— Что? — Энни оживляется как маленький птенчик, выглядывающий из гнезда. — Что?

— Иисусе, Энни, — шиплю я. — Я пытаюсь спрятаться, а не привлечь к нам внимание.

Её глаза выпучиваются.

— О, ну привет, красавчик. Уф, вот есть в нём что-то. Рыжие обычно меня не привлекают, но твой мужчина...

— Он не мой мужчина, — стону я. Поверить не могу, что Рен здесь. С высокой, стройной женщиной, у которой великолепные тёмно-рыжие волосы и большие зелёные глаза.

Почему он здесь с женщиной, если мы буквально восемь часов назад говорили о том, что попытаемся быть вместе? Этому должно существовать рациональное объяснение, но чтоб мне провалиться, я не могу его отыскать. Это уже слишком для моего мозга.

Натянув бейсболку пониже на лоб, Рен кладёт ладонь на поясницу молодой женщины и мягко направляет её перед собой, пока хостес подводит их к столику. Его взгляд бродит по помещению, подмечая людей, смотрящих на него и разговаривающих меж собой. Я разворачиваюсь и ещё ниже сползаю по сиденью.

— Кто это с ним? — спрашивает Энни.

— Не знаю, — я понятия не имею, как понимать увиденное. Ясно лишь, что Рен стоит бок о бок с женщиной, которая не менее сногшибательна, чем он сам, и наверняка не несёт в себе стог личных проблем.

В отличие от меня. Картошка и коктейль скисают в моём желудке. Так вот как ощущается ревность. Мне это не нравится.

Энни вздыхает.

— Ты ведёшь себя нелепо, прячась вот так. Это бессмысленно. Он тебя увидит. Эту закусочную не назовёшь огромной.

— Ну почемуууу, — ною я. — Почему мы не пошли в In-N-Out?

— Потому что в закусочной Бетти лучшая картошка фри. Идти куда-то ещё — не вариант.

Я стону и тру лоб.

— Вот ведь вечно мне так везёт.

— Прекращай разыгрывать из себя Плаксу Миртл. О, кажется, он меня увидел, — Энни

косится на меня и улыбается, её щёки порозовели. — Ладно, я стараюсь вести себя естественно. Это всего лишь горяченький Рен...

— Горяченький Рен?

Она шикает на меня.

— Я бы на твоём месте выпрямилась. Ты будешь выглядеть странно, так сползая по сиденью, когда он подойдёт поздороваться.

Я как раз выпрямляюсь, когда вижу Рена, идущего в мою сторону, и его льдистые глаза искрят в тени козырька бейсболки.

Рен. Бейсболка. Борода.

Уф.

Кто-то за соседним столиком поднимает телефон, и Рен проворно меняется местами с девушкой, чтобы та оказалась заслонена от нахальных зевак.

Кто она?

— Я в порядке, — бормочу я себе под нос. — Я в порядке.

— Просто дыши, Фрэнки, — тихонько говорит Энни.

— Фрэнки, — Рен улыбается мне, затем смотрит на Энни. — Привет, Энни. Как ты?

Энни улыбается ему, заливаясь ярко-розовым румянцем, и хлопает ресницами.

— Эм, да.

Я закатываю глаза.

— Привет, Рен.

Рен слегка поворачивается, обнимая женщину рукой за спину, и кладёт ладонь на её плечо.

К моему горлу подступает желчь. Болезненные, резкие уколы ревности. Что происходит?

— Зигс, это Фрэнки и её подруга Энни.

Женщина протягивает руку сначала Энни, которая сидит поближе, затем мне, и тогда её черты оказываются ближе, и я могу её рассмотреть. Ну конечно. Поразительно молодая. Высокая. Молочная кожа, яркие зелёные глаза, насыщенно-рыжие волосы такой длины, что почти доходят до бёдер. Одежда сидит на ней не очень хорошо — мешковатые спортивные штаны и большая толстовка с пятнами. И всё же в её внешности есть нечто знакомое и манящее для меня.

— Вау, — говорит она с широко раскрытыми глазами. — Я наконец-то вижу Фрэнки вживую. Рен постоянно говорит о тебе.

Моё нутро совершает кульбит, и я невольно улыбаюсь. Рен делается ярко-красным и морщится. Она замечает и смотрит на него.

— Что? — её голос окрашивается искренним непониманием, пока она смотрит то на него, то на меня. — Это правда.

— Да, — отвечает он со вздохом. — Ты права.

Её щёки розовеют, и она опускает взгляд в пол.

— Прости.

— Ты не сделала ничего плохого, Зигс. Всё хорошо, — тихо заверяет он.

Что-то в её смущении, осознании оговорки отдаёт знакомостью. Я делала это столько раз — говорила нечто, в чём, по-видимому, взрослым вообще никак нельзя признаваться. Как бы я ни пыталась понять закономерность, что можно говорить, а что нет, у меня не получается. То есть, иногда я лажаю. Я бывала на её месте.

А ещё есть что-то знакомое в открытом любопытстве её распахнутых глаз, когда мы пожимаем руки, в её слаженных попытках следить за вежливостью знакомства, но вместе с тем нетерпением вернуться в убежище своего тела и мыслей.

Всё встаёт на место. Это...

— Ты его сестра, — в шоке говорю я. — Ты...

— Да, это Зигги, — быстро говорит Рен, встречаясь со мной взглядом. — Моя младшая сестрёнка.

Между нами что-то проносится. Он пытается что-то сказать мне взглядом, но я худший кандидат в мире для подобного. Так что я для перестраховки держу рот на замке и несколько секунд собираюсь с мыслями.

Я улыбаюсь ей, ощущая странное родство с этой молодой девушкой, в которой узнаю так много от себя даже спустя пару минут знакомства. Должно быть, именно об этой сестре он мне рассказывал. У которой тоже аутизм.

— Что ж, — произношу я, — тогда теперь моя очередь говорить, что Рен тоже постоянно о тебе рассказывает. Приятно наконец-то соотнести имя с лицом.

Она моргает, затем как будто неохотно улыбается.

Внезапно кто-то из-за соседнего столика идёт в нашу сторону, маяча возле Рена. Я вижу, как выражение лица Рена становится закрытым, он натягивает вежливую улыбку, поворачиваясь и заслоняя Зигги своим телом.

— Извините, что беспокою... — говорит парень.

Почему люди извиняются за что-то, если собираются продолжить делать то же самое? Или продемонстрируй искреннее раскаяние и перестань, или просто прими, что ты назойливый придурок, донимающий профессионального хоккеиста из-за автографа в 21:30 будним вечером, когда он просто пришёл спокойно поесть.

— Что такое, дружище? — спрашивает Рен.

— Просто хотел узнать...

Я поднимаю свою трость, взмахиваю ей над головой как волшебной палочкой и говорю:

— Сектумсемпра!

— Иисусе! — парень отшатывается, налетев на стул, и убегает за свой столик. Я сверлю его убийственным взглядом, пока он не скрывается из виду.

Зигги резко зажимает рот ладонью, отчего её голос звучит приглушённо.

— Это было потрясно.

Рен смотрит на меня.

— Чутьочку слишком агрессивное проклятье вот так сразу, тебе не кажется, Франческа?

Энни качает головой.

— Ты себе даже не представляешь. Когда она и Тим напиваются, она орёт «Империо», а он выполняет её приказы. Это напоминает какие-то извращённые поттероманские шарады.

Не будь она на трёхсотой неделе беременности, я бы пнула её под столом.

— Это приватная информация, Аннабель.

Она отмахивается от меня.

— Ну, а теперь, когда мы избавились от фаната, почему бы вам не присоединиться к нам? — говорит Энни Рену.

Зигги открывает рот, но прежде чем она успевает ответить, Рен мягко сжимает её плечо.

— Да всё нормально. Мы не хотим мешать вашему общению, — говорит он. — И я давненько не виделся с ней. Ей давно пора вытерпеть очередную инквизицию от старшего

брата.

Зигги закатывает глаза. Это заставляет меня улыбнуться. А ещё моё сердце совершает кульбит из-за того, как Рен защищает своё время наедине с сестрой.

— Держись, — говорю я ей. — Я тоже младшая сестра, у которой есть командующая старшая, так что сочувствую.

— Эй, — Рен мягко пихает меня, и я драматизирую, плюхнувшись на диванчик. — Чёрт, Фрэнки, — он обхватывает руками мои плечи и поднимает. — Мне так жаль, я...

Его лицо меняется, когда он видит, что я пытаюсь не заржать, и понимает, что я в порядке. Он прищуривается.

— Вот это был грязный ход.

— А мне показалось весьма смешно, — сухо произносит Зигги.

— Ага, ага, — Рен выпрямляется и награждает меня притворно суровым взглядом. — Мы вас оставим, — повернувшись к моей подруге, он улыбается намного шире. — Энни, рад был повидаться, — и снова поворачивается ко мне, корча гримасу скунса. — Увидимся завтра на работе, Франческа.

— Сорен, — я показываю ему язык.

Зигги резко втягивает вдох, переводя взгляд между нами.

— Она зовёт тебя Сорен? Пресвятые...

— Пошли, — Рен берет её за локоть. — Мы уходим, пока-пока!

Энни улыбается, провожая их взглядом до столика. Рен садится на своё место, лицом в мою сторону, и пригвождает пронизывающим взглядом. Его лицо постепенно расплывается в тёплой улыбке, будто он ничего не может с собой поделать.

— Ох, Фрэнки, — мечтательно говорит Энни. — Ты встряла.

Я вздыхаю и осознаю, что улыбаюсь в ответ.

— Мне ли не знать.

Глава 20. Фрэнки

Плейлист: Charlotte Day Wilson — Work

Я поднимаю руку, чтобы постучать в дверь Рена, но та распахивается прежде, чем я успеваю это сделать.

Я неловко опускаю кулачок вдоль бока. О Иисус, Опрокидывающий Столы в Храме, на Рене спортивное трико. Облегающее, тёмно-серое трико. И белый джемпер с длинными рукавами, поддёрнутыми на предплечьях.

— Франческа, — он делает шаг назад, открывая дверь пошире. Пацца залетает внутрь и прыгает, упираясь лапами ему в живот.

— Пацца, сидеть! — я тыкаю её тростью по попе и закрываю за собой дверь.

Когда я оборачиваюсь, Рен смотрит на меня, и его лицо озарено тёплой улыбкой.

— Я не возражаю, когда она прыгает. Приятно, когда кто-то рад меня видеть.

Я склоняю голову набок.

Рен вздыхает.

— Это был намёк. На тебя.

— Я не говорю на языке намёков, — я прохожу мимо него, бросая сумку и прислоняя трость к стене, чтобы можно было наклониться и снять обувь. — Или говори как есть, или... ай!

Тёплые крепкие руки поднимают меня над полом. Три широких шага Рена, и потом я оказываюсь аккуратно усаженной на кухонный островок, а ладони Рена упираются по обе стороны от меня. Его губы шёпотом проходятся по моей щеке, дразнят раковину уха.

— Никакого давления. Просто ты могла бы немного порадоваться, что пришла сюда.

— Я очень рада, — говорю я с придыханием. Мои ладони скользят вверх по его рукам и ложатся на округлые плечи, отчего он резко выдыхает. Тепло Рена ещё сильнее вжимается между моих ног. Его ладони нежно опускаются на мою талию, притягивают ближе. Мягкие, ласковые поцелуи в шею разжигают где-то внутри меня солнечные вспышки.

— Хорошо, — шепчет Рен. Один последний крепкий поцелуй у основания моего горла, затем он отстраняется. — Я тоже рад, что ты пришла.

Он аккуратно снимает меня с островка и начинает отходить, но я бросаюсь на него и крепко обвиваю руками его широкую грудь.

— Прости, что я хмурилась, когда ты открыл дверь. Меня это удивило. Когда меня застают врасплох, я хмурюсь. Всегда так. Но я рада тебя видеть, ладно?

— О. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Прости, что докопался.

— Ничего страшного, — тихо отвечаю я.

Его руки как будто окутывают всё моё тело и прижимают к нему. Прикасаясь губами к моим волосам, к виску, Рен делает медленный глубокий вдох, затем прижимается ртом к моему лбу.

— Ты так приятно пахнешь.

Я улыбаюсь ему в грудь.

— Ты тоже.

Это смешит его.

— Рад слышать.

— Пряно, — я утыкаюсь носом прямо в его джемпер и вдыхаю. — Мужское мыло.

Ещё один поцелуй согревает моё лицо.

— Орхидеи. Ночной воздух.

Покрепче стиснув его руками, я вжимаюсь животом в его бёдра и прикусываю губу. Рен такой твёрдый и толстый под своими спортивными штанами, что я могу лишь представлять вес его тела на мне, во мне.

— Фрэнки, — произносит он с болезненными нотками в голосе. — Я, эм... Духовка вот-вот запищит.

Застонав, я роняю лоб на его грудь.

— Зачем мы вообще едим, напомни?

— Потому что я хочу счастливую Фрэнки, а Фрэнки счастливее всего, когда она хорошо накормлена.

— Я буду очень счастлива, если мы с тобой окажемся в этой большой кровати, рассчитанной на Реновские габариты, — я моргаю и пытаюсь улыбнуться ему.

Он хмурится.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, — я опускаю руки и прохожу мимо него, хватая свою трость. — Просто я не могу заставить себя улыбнуться точно так же, как ты не можешь затеять драку с другими хоккеистами.

— Так, ну вот не надо, — он проходит глубже в кухню. — Не высмеивай моё отсутствие агрессии.

— Да я бы не посмела.

Рен стоит спиной ко мне, мешая что-то, что пахнет просто охрененно — ароматное, мясное, какое-то подобие рагу.

Пока мой взгляд скользит по его телу, я всё сильнее убеждаюсь в несправедливости жизни. Почему мужчины выглядят просто сексуальными зверями в домашней одежде? На Рене спортивное трико, облегающее его большую хоккейную задницу и льнущее к длинным мощным мышцам ног. Его тонкий джемпер сужается к талии, демонстрирует точёные бицепсы и плечи. С таким же успехом он мог бы быть голым... нет, на самом деле, отсутствие наготы — это ещё более чувственно. Это самая раздражающе сексуальная вещь из всего, что я видела.

За всю свою жизнь.

— Фрэнки?

— Хм? — я моргаю, виновато отводя взгляд от его задницы.

— Мне тоже нравится твоя попа.

Подняв трость, я тыкаю ей вышеупомянутую попу.

— Мужчины тысячелетиями овеществляли женщин. Просто вношу свой вклад в уравнивание счёта.

Рен смеётся и протягивает руку в мою сторону. Я подныриваю под эту руку и прислоняюсь к его груди, поближе присматриваясь к куску мяса на плите.

— Ого, ням-ням. Что это?

Он улыбается мне, проводит ладонью по моей руке, словно убеждаясь, что мне тепло. Слово он не понимает, что он — живая печка, источающая комфортный жар.

— *Kalops*, — отвечает Рен.

— *Kalops*.

— Ага, — чмокнув меня в макушку, он постукивает ложкой, чтобы скинуть с неё жидкость, и откладывает в сторону. — Шведское говяжье рагу. Рецепт моей мамы.

— Как так получилось, что я не знакома с твоей мамой? Или с твоим папой, если на то пошло?

Что-то в глазах Рена делается замкнутым, и он отворачивается к кастрюле с варящимся картофелем.

— Папа — онколог, жонглирующий огромным количеством дел одновременно. Мама была весьма занята с Зигги с тех пор, как я подписал контракт. В последние несколько лет ей приходилось тяжело, и маме не нравится оставлять её одну. Зигги какое-то время была... в опасном состоянии. Думаю, моя мама так и не оправилась от этого.

— Почему она не может просто взять Зигги с собой на игру?

Рен вздыхает.

— Ты же видела её, Фрэнки. Выйти в тихую закусочную — это практически весь контакт с внешним миром, который она сейчас может выдержать. Какофония места вроде арены буквально вызовет у неё нервный срыв.

Я знаю, что он не разбрасывается такими терминами впустую. Одно из многого, что мне нравится в Рене — это то, что он с умом выбирает слова, верит в силу и ответственность речи.

Люди наплевательски используют термин «нервный срыв», но в отношении аутизма это весьма специфичное выражение. В случае сенсорной перегрузки срывы иногда выглядят так, будто у взрослого человека случается истерика, или же он впадает в кататонический ступор. Тело и разум делают всё возможное, чтобы остановить ошеломительный поток стимулов — это эмоциональные шлюзы, ментальный переключатель, когда в мозге случается короткое замыкание от избыточного потока информации. Срыв — это механизм выживания.

— Ну, я понимаю, — говорю я Рену. — Ты знаешь, что во время матчей я ношу беруши, — моё бедро неприятно покалывает, и я слегка пошатываюсь. Чтобы не грохнуться и не заставить Рена обделаться в штанишки от беспокойства, я хватаю стул от его кухонного островка и опускаюсь на него. — Но всё равно тебя наверняка расстраивает, что твои родители не приходят.

Я провожу мысленный подсчёт членов семей, которых видела на играх Рена. Фрейя, старшая, которая приходит с качком, у которого синие как Карибское море глаза и чёрные волосы — кажется, его зовут Эйден. Райдер и Уилла, конечно же — они приходят чаще всего. Затем старший брат, Аксель, который приходил один и выглядел так, будто проглотил нечто кислое. Мы не были представлены друг другу. Я просто видела его издалека, когда он неловко обнял Рена и ушёл. А что остальные?

— У тебя же миллиард братьев и сестёр. Никто из них не может побыть с Зигги, чтобы твои родители пришли на игру?

Нет ответа.

— Твои братья и сестры вообще знают, почему ты играешь под номером 7?

Всё его тело напрягается. Я вижу, как дёргается его кадык, когда он сглатывает.

— Мне просто нравится семёрка.

— Хрень собачья, Зензеро. Это же в честь твоей семьи. Семь братьев и сестёр, так?

Которые почти не приходят на его игры. В какой же реальности статус профессионального хоккеиста делает тебя белой вороной в семье?

Словно проследив за моим ходом мысли, Рен пожимает плечами, открывает духовку и

заглядывает внутрь. Оттуда вырывается вспышка сладких и коричных ароматов, но прежде чем я успеваю заглянуть, он захлопывает дверцу обратно.

— Бергманы — не хоккейная семья.

— Вы же шведы, ради всего святого. Хоккей изобрели в Северной Европе.

— В Новой Шотландии, горошинка.

Я давлюсь практически ничем, если не считать абсурдности того, что слетело с его языка.

— Прости, как ты меня только что назвал?

Рен улыбается, выключая конфорку под рагу и накрывая его крышкой.

— Мне нужно уменьшительно-ласкательное обращение к тебе. Пробую разные варианты.

— Эм. Как насчёт Фрэнки? Отлично сгодится.

— Пфф, — Рен сокращает расстояние между нами и встаёт между моими ногами. Эти тёплые мозолистые ладони проходятся по моей шее, зарываются в волосы, массируют ноющие мышцы. — Ты же называешь меня милыми словами.

Я постанываю, когда он задевает напряжённое место. Мои глаза сами собой закрываются.

— Итальянское слово, обозначающее корнеплод. И плохо завуалированная отсылка к брутальным викингам-мародёрам. Как-то не очень по-любовному.

— Да и не обязательно по-любовному, — тихо говорит он. — Просто это должно быть моё обращение к тебе... голубка.

— Неа.

— Черничка.

— О нет.

— Ягнёночек.

Я приоткрываю один глаз и бросаю на него взгляд.

— Ты безнадежен.

— Мы оба это знали, — он вновь прижимает губы к моему лбу в долгом поцелуе. — Ты на моей кухне, — шепчет он, приподнимая мой подбородок, чтобы наши взгляды встретились. — Ущипни меня.

Я стискиваю небольшой кусочек кожи на его боку. Только кожи, ибо на этом торсе жир не водится.

— Ой! Фрэнки, я же образно выражался.

«Упс».

— Прости. Я буквальная девчушка, Зензеро, — я хватаю его за бёдра и притягиваю ближе. — Дай поцелую, чтоб не болело.

Запустив руки под его джемпер, я дрожу от восторга, когда мои ладони проходятся по гладкой тёплой коже, по мышцам его живота.

Из горла Рена вырывается низкий, сдавленный звук.

— Фрэнки...

— Шшш. Я не буду заходить слишком далеко.

Я замечаю крошечное покраснение там, где я ущипнула. Наклонившись, я прикасаюсь губами к его животу, затем медленно прокладываю дорожку к местечку чуть повыше бедра. Это ощущается до нелогичного сексуальным. Ну типа, это его живот. Я целую его бо-бо.

Но потом его пальцы вплетаются в мои волосы, и он беспомощно подается бедрами

навстречу.

— Аккуратнее, а то глаз мне выколешь этой штуковиной, — я снова целую его в живот и накрываю ладонью внушительные очертания эрекции под этими грешными спортивными штанами.

Рен со стоном отстраняется и сгибается, упёршись ладонями в колени и делая глубокие медленные вдохи. Совсем как после спринта на льду. Видеть, что я так на него влияю, приносит странное удовлетворение.

— А ты опасна, Франческа.

Я улыбаюсь ему и похлопываю по спине.

— Ну наконец-то до тебя дошло.

Набив животы потрясающей стряпнёй Рена, мы устроились на диване и смотрим «Чувство и чувствительность». Хью Грант стоит на экране напротив Эммы Томпсон, и оба они одеты в одежду эпохи Остен. Хью в роли Эдварда Феррарса, пытается поговорить с Эммой Томпсон, которая, конечно же, играет Элинора. Но он ужасно неловок. Я не могу представить, кому ещё лучше удаётся очаровательная неловкость, чем старомодному Хью Гранту.

С другой стороны, Рен со своим очаровательным задротством тоже весьма хорош.

Рен слегка меняет позу, снова переплетая наши пальцы и нежно сжимая. Никогда не настолько крепко, чтобы сделать больно моим суставам. И это хорошо, потому что они и сами по себе достаточно пульсируют.

Последние два дня я пыталась игнорировать тот факт, что мой базовый уровень дискомфорта поднялся до надоедливой боли и ощущению окоченелости. У меня не должно быть вспышек. Биопрепараты и кортикостероиды в низких дозах, которые я принимаю, обычно хорошо работают. Если надвигается вспышка ухудшения, я буду в бешенстве. К сожалению, тут ничего не поделаешь, остаётся лишь сидеть и ждать. И поудобнее устраиваться в объятиях Рена, зевая.

Мои веки закрываются сами собой, но не потому, что мне скучно. Фильм великолепен. Он завладел моим вниманием. Мне нравится сравнивать фильм с тем, что я читаю для книжного клуба, и подмечать, где они позволили себе художественные вольности. Но правда в том, что расписание команды сказывается на мне. И меня выматывает то, что я весь день терплю дискомфорт и боль разной степени, а также стараюсь справиться с рабочей нагрузкой и общением.

А потом я оказываюсь в объятиях рук Рена. И его ног тоже. Тут так уютно. Я невольно испытываю сонливость, расслабляясь на массивном диване в его гостиной. Сизая обивка из мягкого льна. Мягкие, но в то же время упругие диванные подушки. Его крепкая грудь, согревающая мою спину, и вес его рук, успокаивающий даже лучше утяжелённого одеяла.

К моему виску прижимаются мягкие губы.

— Ещё не спишь, сахарочек?

Я вяло пихаю его локтем.

— Это отвечает на мой вопрос, — стонет он.

— Знаешь, как ты можешь меня называть? — я поднимаю взгляд, а Рен наклоняется, и мы задеваем друг друга носами.

Он целует меня в кончик носа.

— Как?

— Ворчунопотам.

Он хмурится.

— Мне не нравится называть тебя ворчливой в той или иной форме, — убрав мои волосы с лица, он смотрит на меня. — Ты не ворчливая. Ты просто...

— Ворчливая. Мы это обсуждали. Лучше не спорь, а спроси, почему?

Рен вздыхает.

— Ладно. Почему?

Я провожу ладонью по его бедру и смотрю, как на его подбородке дёргается мускул.

— Потому что я хочу выключить фильм. И перестать обниматься.

Его лицо теплеет от медленной улыбки.

— Тебе не нравятся обнимашки?

— Нет, нравятся. Ты мастер обнимашек.

Он склоняет голову в поклоне.

— Благодарю.

— Просто я хочу большего.

Рен высвобождает пальцы из моей ладони, обхватывает мой подбородок, и его большой палец проходит по моим губам.

— Мы придём к этому, Фрэнки. Я тоже хочу большего, — шепчет он, после чего его рот мягко прижимается к моему. Он побуждает мои губы раскрыться, дразнит кончиком своего языка.

Я обвиваю рукой его шею и запускаю пальцы в его волосы. Они шелковистые, но в то же время густые, и он вздыхает мне в рот, когда я царапаю ногтями кожу его голову. Рен обвивает рукой мою талию, пока другая его ладонь накрывает мою щёку, а большой палец ласкает мою ямочку на щеке. Его прикосновения — сдержанная нежность. Но его поцелуй — чистый голод.

На моей коже словно вспыхивают искорки, жар разливается по моим венам, между бёдер зарождается сладкое ноющее ощущение. В своё время я немало целовалась, и до этого момента сказала бы, что испытала немало хорошего сплетения языков и откровенных ласк. Но когда наш поцелуй углубляется, и тело распаляется под его прикосновениями, я сталкиваюсь с новым пониманием прошлого. Ничто из того, что я делала, меня не подготовило. Ничто не сравнится с этим.

Рен отстраняется и улыбается, его взгляд не отрывается от моих губ. Я жду. Жду, что его ладони скользнут к моей талии, стянут мои леггинсы и ласками доведут до грубого, мощного оргазма, но вместо этого я ощущаю тёплые мозолистые пальцы, снова сплетающиеся с моими.

У меня вырывается прерывистый вздох. Я до боли возбуждена. Озадачена и благоговею перед тем фактом, что человек, прождавший так долго, решительно настроен ждать ещё дольше.

Рен подносит мою руку к своим губам и оставляет дорожку горячих, медленных поцелуев открытым ртом по моей ладони, а затем на кончиках каждого из моих пальцев. Я буквально задыхаюсь, выгибаюсь ему навстречу, когда его рот опускается к нежной внутренней стороне моего запястья. Его язык описывает медленные, размеренные круги, и легко представить это дразнение в другом месте, жаждущем его прикосновений.

Медленно выдохнув, Рен оставляет последний поцелуй на моём запястье, затем

опускает его. Я смотрю на него с явным непониманием, мои губы приоткрыты, волосы взъерошены его касаниями.

У него вырывается сухой смешок, но он подавляет этот звук.

— Пошли, медовая булочка. Пора в кровать.

Я смотрю на него с разинутым ртом, пока Рен стоит и протягивает мне руку.

— Ты издеваешься?

— Ладно, «медовая булочка» — слабоватый вариант, признаю.

— Я не про это.

Он хмурится, но потом складка между его бровями разглаживается от осознания.

— О. Про то, что пора в постель. Нет, не издеваюсь. Время позднее. Почему не лечь в постель?

— Ну, эм, — я показываю на огромный стояк прямо на уровне моих глаз, который вот-вот прорвёт штаны. — Я бы сказала, вот тебе добрых 20 см причин, почему.

Вздыхнув, Рен пытается поправить себя, но терпит абсолютный провал. Такой стояк поудобнее не устроишь.

— Всё нормально.

— Как скажешь, — взяв его руку, я поднимаюсь чуть тяжелее, чем обычно, медленно выпрямляюсь и ищу во внешности Рена признаки суетливости или жалости. Но он просто внимательно наблюдает за мной, изучая и впитывая. Ничего больше.

— Тебе, может, и нормально, — говорю я ему. — Но если ты думал, что голодная Фрэнки страшна, то сейчас ты столкнёшься с сексуально неудовлетворённой Фрэнки. Готовься.

Сделав шаг в мою сторону, Рен обхватывает руками мою спину и притягивает меня поближе.

— Я сказал «пойдём в постель», Франческа, а не «пойдём спать».

Быстро чмокнув меня в кончик носа, он разворачивается и приступает к своей ежевечерней рутине, которую я уже знаю после проживания с ним. Дважды перепроверить охранную систему и все замки. Убедиться, что наружное освещение с сенсорами движения активировано.

Пацца просыпается на своём месте у двери, где она храпела всё это время. Рен подхватывает мою трость и ставит её рядом со мной.

Пока я стою совершенно огорошенная и гадаю, как девственник может быть настолько хорош в игре соблазна.

Плейлист: The Maccabees — Toothpaste Kisses

Когда я запер всё прошлой ночью, мы почистили зубы бок о бок, стоя перед двумя раковинами в моей ванной. Фрэнки хмурилась под жужжание своей электрической зубной щетки, я улыбался её отражению с пеной от зубной пасты. До её прихода вчера, пока я готовил, убирался и менял постельное бельё, я много думал о том, что Фрэнки сказала мне ранее. О том, как ей страшно открыться и попытаться быть вместе.

Я осознал, что единственный фактор на моей стороне — это время. Время, чтобы показать ей — я могу действовать медленно, выстраивать доверие и комфорт. Время, чтобы показать ей — все её особенности и потребности не кажутся мне назойливыми и неудобными, как людям в её прошлом.

Так что когда она пришла в гости, я держал её за руку вместо того, чтобы залезать в эти тесные чёрные леггинсы, как бы мне этого ни хотелось. Я водил языком по шёлковой коже её запястья, а не по шёлковой коже между её бёдер.

Чего я не сумел предвидеть, так это то, какой раздражительной она станет из-за постепенного развития отношений. Так что, адаптируясь на ходу, я решил, что уложу её в постельку, буду целовать и трогать, доведу до оргазма и вызову улыбку на её лице. После чистки зубов я как следует зацеловал её, пытаюсь стереть надутое выражение с губ. Похоже, это частично сработало, поскольку она вышла из ванной без ворчания, пошла напрямиком к моей кровати и плюхнулась туда со стоном.

К тому моменту, когда я принял душ, сходил в туалет и вышел, она уже тихонько храпела под одеялом, а её тёмные волосы чернильным пятном рассыпались по белым простыням.

Скользнув в постель, я поблагодарил Бога за ортопедический матрас, который поглощал движения, и потому её тело ни капельки не шевельнулось, пока я устраивался рядом и выключал свет. А потом я обнял Франческу Зеферино, поцеловал в щёку и заснул, вдыхая её запах.

Её тихий стон — первое, что я слышу. Затем чириканье птиц за окном. Я моргаю, видя, что солнечный свет купает её в своём сиянии, и поднимаю голову, чтобы лучше рассмотреть её. Глаза Фрэнки зажмурены, челюсти сжаты. Я не могу понять, то ли ей снится сон, то ли она просто недовольна тем, что частично проснулась.

Глянув через плечо, я смотрю на время. До моего будильника остаются считанные минуты, так что я отключаю его, пока он не начал играть музыку банджо и не вызвал у солнышка в моей постели желание совершить убийство.

У неё вырывается очередной тихий стон. Я аккуратно приподнимаюсь на локте, ища причину, по которой она может испытывать дискомфорт.

«У нее артрит, приятель. Естественно, она испытывает дискомфорт, особенно по утрам».

Фрэнки это знать не обязательно, но осознав, с чем она имеет дело, я изучил ревматоидный артрит поподробнее. Я знаю цену сна. Лежание в неподвижной позе вызывает воспаление в суставах и заставляет их коченеть. Это неизбежно.

Но почему ей больно? Разве лекарства не должны помогать от этого? Меня накрывает

ожесточённые прилив беспокойства и желания защитить. Я хочу обнять её и зацеловать, чтобы стало лучше. Я хочу забрать у неё всё, что болит, и поместить в своё тело. Я большой. Крепкий. Подобные проблемы должны быть у кого-то вроде меня, а не у кого-то вроде Фрэнки. Это несправедливо. Совершенно несправедливо.

— Думай ещё громче, — бурчит она, — и окончательно разбудишь меня.

Я улыбаюсь, нежно проводя ладонью по её руке вверх-вниз, и целую в изгиб шеи.

— *Morrn, morrn, min solstråle.*

— Опять обзываешься.

Я издаю фыркающий смешок.

— Я просто сказал «Доброе утро, солнце моё».

— Солнце или нет, в утрах нет ничего доброго, — с протяжным стоном она медленно перекатывается с живота на спину, и её лицо искажается. — По крайней мере, для меня.

— Фрэнки, что не так?

Она вздыхает.

— Утром хуже всего. И у тебя нет матраса с подогревом. А это практически единственное, что помогает.

Меня накрывает облегчением.

— Вообще-то есть, — наклоняясь через неё и осторожно стараясь не давить на её тело, я щёлкаю выключателем подогрева матраса. Это была одна из первых моих покупок после подписания контракта с командой, чтобы справляться с ноющими мышцами и болью в теле после игры в хоккей на новом уровне. Пришлось отстегнуть немалые денежки за обещание, что он разогреется до нужной температуры меньше, чем за 30 секунд.

— Есть? — её большие ореховые глаза распахиваются. Когда тепло расходится по поверхности кровати, у Фрэнки вырывается протяжный счастливый вздох. — Есть.

Я смотрю на неё, изучаю её лицо, всё ещё расслабленное после сна, со следами от подушки на щеке. Её волосы нехарактерно наэлектризованные, сонно поджатые губы кажутся особенно пухлыми.

— Ты пялишься на меня, — шепчет она.

Я киваю, наклоняюсь и целую её в подбородок, затем в шею. Всё в ней такое гладкое и мягкое, такое невероятно соблазнительное.

Вот почему я надел чистые спортивные штаны перед тем, как лечь в постель — я настолько твёрд, что прикосновение простыней, вес одеяла на нас ощущается почти невыносимо. Я так сильно хочу развести её ноги, стиснуть бёдра и погрузиться в неё... ощутить тесное тело Фрэнки вокруг себя, двигаться с ней, слышать её крики, но сейчас не время. Пока что нет.

«Ты много говоришь эту фразу, Бергман. Не сейчас. Ещё нет».

«Кому ты рассказываешь, подсознание. Скажи об этом моему несчастному утреннему стояку».

— Я сейчас вернусь, — шепчу я ей в шею.

Сбросив одеяло, я выскакиваю из кровати и натягиваю футболку. Фрэнки издаёт очередной звук, и это заставляет меня обернуться, пока футболка натянута лишь до середины груди.

— Что такое?

Она хмуро смотрит на меня.

— Я была бы не против получить кофе от обнажённого по пояс Сорена, вот и всё.

Я натягиваю футболку до конца.

— Я чувствую себя весьма овеществлённым, Франческа. А теперь я планирую принести лёгкий завтрак и кофе. Что-нибудь ещё надо?

Она качает головой.

— Помимо твоей наготы? Неа.

Пацца прилежно лежала в изножье кровати, но она вскакивает в тот же момент, когда я открываю дверь спальни. В топоте её лап, в цоканье когтей по паркету слышится счастье, и это заставляет меня улыбнуться. Я открываю раздвижную дверь, смотрю, как она бежит на террасу, вниз по ступеням и на песок, где писает на рядок овсянницы, частично закрывающий мой участок от берега. Она отбегает чуть дальше, носится по утрамбованному песку и терроризирует чайку.

Когда я свищу, она взбегает обратно на террасу и останавливается, позволяя мне помыть её лапы из шланга и вытереть полотенцем.

— Пошли завтракать, щеночек.

Она бежит к миске с едой, которую Фрэнки принесла с собой, а я тем временем готовлю Фрэнки кофе так, как ей нравится, и подогреваю две испечённые мной булочки с корицей.

Всё так по-домашнему. Умиротворенно. Выпустить собаку, сварить кофе, пока Фрэнки отдыхает в постели и готовится к новому дню с комфортом.

«Не забегай вперёд. Она сказала, что нервничает из-за этого. Она сказала, что попробует. Вот и всё».

Мой живот скручивает беспокойством. Пусть я ценю честность Фрэнки и её прямолинейный стиль общения, неотрывно связанный с аутизмом, но такое острое осознание её настороженности в плане отношений очень нервирует. Я в лёгком ужасе от мысли, что Фрэнки разобьёт моё сердце ещё до того, как поймёт, что оно принадлежит ей.

Пацца скулит и склоняет голову набок. Если собаки способны на улыбку, то эта только что улыбнулась.

Взяв поднос с едой, я иду по коридору, плечом открываю дверь и чуть не роняю всё. Фрэнки сидит в постели, одетая лишь в одну из моих нижних маек. На мне майка сидит облегающе и невидима под пошитыми на заказ рубашками, которые мне надо носить перед и после каждой игры. Но на Фрэнки она свисает свободно.

Мучительно свободно.

V-образный вырез образует глубокое декольте, обнажающее ключицы и центр её грудной клетки, изгибы теней между её полных грудей. Тёмные соски остро выступают под тканью. При взгляде на них у меня выделяются слюнки.

— Видишь? — говорит она, явно ожидая положительной реакции. — Посмотри на меня. В вертикальном положении, — поворачивая запястьями, она взмахивает руками как актриса, приготовившаяся получать аплодисменты. — Я даже встала и пописала. Умылась. Переоделась в удобную одежду. Разве ты не горд мной?

Я сглатываю.

Она широко улыбается, видя, к чему прикован мой взгляд.

— Я подумала, тебе понравится.

— «Понравится» — интересный выбор слова, — я пересекаю комнату, ставлю поднос между нами на кровать и вручаю Фрэнки её кофе.

Сделав большой глоток, она удовлетворённо вздыхает.

— Это кажется несправедливым, — говорю я, стараясь не отводить глаз от булочки с корицей, которую разрезаю на четвертинки, но мой взгляд то и дело возвращается к её груди. — Я в твоей одежде выглядел бы далеко не так хорошо.

Она улыбается.

— Матрас с подогревом помогает моим суставам, но от этого я потею как проститутка в церкви. Все мои футболки и кофты ощущались неприятно, когда я их надевала. Слишком колючие. Слишком тёплые. Мне просто нужно было что-то просторное, мягкое и приятно пахнущее.

Я кладу в рот кусочек булочки с корицей и провожу тыльной стороной ладони по её соску, проступившему сквозь материал.

— Рад, что тебе удалось это найти.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — говорит она. По её телу пробегает лёгкая дрожь, когда мой палец опускается во впадинку между её грудей и дразнит другой сосок в такой же манере. — Я пошарилась в твоём комодке и нашла это.

Я вскидываю голову.

— Ты шарилась в моём комодке?

— Угу, — говорит она, откусив от булочки с корицей и жуя. — Кто бы мог подумать, что Сорен Бергман сортирует по цвету своё нижнее бельё, носки, футболки...

Я целую её по одной лишь простой причине — чтобы она перестала поддразнивать. И пусть я знаю, что утренний запах изо рта никому не нравится, сейчас мы оба имеем вкус корицы и кофе.

Когда я отстраняюсь, её глаза словно подёрнулись дымкой, и у неё глазурь на губе. Я слизываю это пятнышко и чувствую, как у Фрэнки перехватывает дыхание.

— Мне нравится, когда всё аккуратно и упорядочено, — тихо говорю я. — Так проще найти нужное.

Её улыбка медленная, но тёплая, и когда Фрэнки поднимает ладонь и смахивает волосы с моего лба, мне хочется рухнуть на колени.

— Привет, — шепчет она.

— Привет, — шепчу я ей в губы. Я снова целую её, затем отстраняюсь и прислоняюсь к изголовью, вторя её позе. Мы едим в тишине, но это комфортная тишина. Лёгкая и умиротворённая.

Пока Фрэнки не доедает свою булочку и не облизывает кончики пальцев. Не то чтобы я не был твёрдым на протяжении последних 12 часов из-за близости Фрэнки, но теперь мой член буквально пульсирует, и в паху зарождается свирепое ноющее ощущение.

Фрэнки цокает языком и отставляет свой кофе.

— Ну такое нельзя терпеть, Зензеро.

Я поднимаю взгляд от своего кофе.

— Нельзя терпеть ч... Иисусе!

Её ладонь скользит по моим спортивным штанам, прямо между ног, и я едва не обвариваю нас обоих, с силой расплескав кофе и оставив его на тумбочку. Я хочу остановить её, но если сделаю это, то наверняка грохнусь в обморок, ибо вся кровь прилила к тем дюймам моего тела, которые ладонь Фрэнки ласкает умелыми движениями.

— Ф-фрэнки, ты не обязана...

— Сорен Бергман, если дом не горит, и если у тебя нет риска сердечного приступа, заткнись и позволь мне сделать так, чтобы ты кончил.

Я охаю, когда она отпускает меня, а потом запускает ладонь под резинку моих штанов. Повернувшись к ней, я убираю поднос с кровати и стягиваю Фрэнки пониже, чтобы она полностью легла на матрас. Мой рот накрывает её сосок, и я с силой сосу его через хлопок майки. Из-за влаги сосок становится ещё заметнее — насыщенного ягодного цвета, который мне хочется лизать, кусать и дразнить часами. Накрыв её полные груди ладонями, я одобрительно стону.

Когда я нежно провожу зубами по одной влажной напряжённой горошинке, её пальцы зарываются в мои волосы. Она ахает и выгибается навстречу.

— Срань Господня, Рен.

Лаская её сосок ртом, я опускаю ладонь ниже по её животу и накрываю влажный жар, просачивающийся сквозь её трусики. Лишь лёгкое скольжение моего пальца, и её бедра уже сжимаются вокруг моего касания.

— О. Не останавливайся, — она задыхается. Её пальцы крепче вцепляются в мои волосы, удерживая меня на месте. Её бедра приподнимаются.

Я довольно улыбаюсь, пока не чувствую её ладонь, глядящую мои боксеры-брифы, обхватывающую мою длину, ласкающую вверх и вниз.

— Фрэнки.

Это всё, что я могу сказать, всё, что я могу видеть и чувствовать. Её губы прижимаются к моим волосам, пока я сосу и дразню её соски, нежно потираю через трусики быстрыми и небольшими кругами. Ладонь Фрэнки продолжает ласкать меня, отчего позвоночник пронзает головокружительным жаром и отчаянной потребностью в разрядке. Потребность совершать толчки, двигаться и вбиваться берёт надо мной верх. Я сильнее вжимаюсь бедрами в её ладонь, чувствую приближение оргазма, горячего и мощного.

— Рен, — шепчет она.

Я поднимаю голову ровно настолько, чтобы наши губы встретились, чтобы поцеловать её, пока она кричит мне в рот, кончая мягкими, прекрасными волнами на моей руке.

Я хотел бы смаковать это — помутнённое удовлетворение в её глазах, и она улыбается как никогда широко... но её рука — воплощение искушения, и я уже совсем на грани.

Удерживая мой взгляд, она кусает мою губу, тянет её зубами. Лёгкая боль провоцирует тот самый импульс, что доводит меня до предела. Охнув от чистого блаженства, я кончаю, пока ладонь Фрэнки нежными ласками продлевает мой оргазм.

Спустя несколько долгих безмолвных секунд я плюхаюсь обратно на кровать и аккуратно подтягиваю её к себе, положив её голову на мою грудь, но подальше от горячего семени, расплескавшегося по всему моему животу. Крепко поцеловав её в макушку, я тяжело вздыхаю.

— Рен? — тихо произносит она.

Я смотрю на неё.

— Да?

— Я немного беспокоюсь.

Я обхватываю её подбородок, приподнимая её голову, чтобы она посмотрела на меня.

— Почему? — её лицо напряжено, черты явно искажены тревогой. — Что такое?

Она тянется и целует меня.

— Потому что если всё так здорово, пока мы в одежде, то что, чёрт возьми, случится, когда мы останемся без одежды?

Всматриваясь в её глаза, я пытаюсь понять, почему обещание чего-то столь хорошего

так сильно её пугает. Но мне ничего не удаётся. Нет иного ответа кроме того факта, что всё это новое и пугающее для Фрэнки, как и для меня, пусть и в другом смысле. Тут ничего не поделаешь, и игнорировать это не надо. Нужно лишь время и терпение.

Поцеловав её в лоб, я прислоняюсь головой к её голове, позволяя тишине служить ответом.

Пока что.

Глава 22. Фрэнки

Плейлист: Leanne & Naara — Somewhere Over the Rainbow

С недавнего времени моя жизнь превратилась в роман Остен. Словно сама книга способна на какую-то сексуально подавляющую чёрную магию, я испытываю искушение выбросить «Чувство и Чувствительность» в окно и надеяться, что от этого Рен прибежит ко мне в комнату и консуммирует наши отношения.

Это превратилось в прекрасную, великолепную, головокружительную пытку. Целые дни объятий, переплетения пальцев, поцелуев, ласк через одежду, и О Святой Франциск Ассизский и Его Пушистые Животные Друзья, мне надо, чтобы Рен пустил в дело эту свою большую клюшку, которой наградил его Господь, и забил мне гол.

Я миную двух парней в коридоре, спеша в тренировочную комнату. Мне надо найти Рена, потому что уже четыре часа. И сейчас мой план вступает в действие.

Я не лучшим образом умею врать на ходу, но я чертовски хороша в просчитанных уловках. Ровно через три минуты у меня заболит живот. Я дам Рену знать, что поеду домой и пропущу игру.

Дарлин в курсе моего плана и проследила, чтобы один из пиар-интернов готов заниматься хотя бы твиттером и инстаграмом на протяжении игры, так что тут фронты прикрыты. Это будет всего лишь вторая пропущенная мной игра. Первую я пропустила, потому что заболела ужасным бронхитом (спасибо большое, иммунодепрессанты), и мне пришлось наконец-то признать поражение, лежать на диване и хрипло орать на телик, пока Пацца яростно крутила головой, глядя то на экран с хоккейным матчем, то на меня.

— Рена видел? — спрашиваю я Лина.

Он качает головой, пока Джон крепит тейпы на его лодыжку.

— Шер? Видел Бергмана?

Крис поднимает взгляд, продолжая разминать ступни.

— Ответ отрицательный, Фрэнки.

Бурча себе под нос, я вылетаю из тренировочной комнаты и брожу по коридорам, наострив уши и надеясь услышать тёплый низкий тенор Рена.

Я должна оказаться в доме детства Рена ровно через час, и с паршивыми дорожным движением Лос-Анджелеса я хочу выехать заранее, чтобы самой добраться туда, а у его родителей было время приехать на арену. Потому что Рен Бергман не проведёт ещё одну профессиональную игру без присутствия его родителей, хоть сложная у них динамика в семье, хоть нет. К тому же, это дало мне идеальную возможность побыть с Зигги. Он каждый день говорит с ней по телефону, и несколько дней назад (засудите меня, да) я подслушала. Рен заметил, в уголках этих кошачьих глаз пролегли мелкие морщинки, когда он улыбнулся, и пугающая связь между этим выражением на его лице и моим либидо усилилась, ибо я чуть не кончила на том же месте.

— Хочешь поздороваться, Франческа? — спросил он.

Я на дух не переношу телефонные звонки, но у меня же есть гордость. Я взяла у него телефон, и кто бы мог подумать, разговор с Зигги прошёл на удивление легко. После этого мне показалось, что между нами заложен достаточный фундамент, чтобы воплотить мою идею.

Затерявшись в мыслях, я врезаюсь прямоком в знакомую грудь. Тёплую, прядную, крепкую. Мне приходится сжать свободную руку в кулак, чтобы не схватить его за рубашку и не поцеловать.

— Франческа.

Я шлёпаю его по животу.

— Для тебя Фрэнки, Зензеро.

— Как скажешь, божья коровка.

Мои глаза закатываются с такой силой, что аж больно.

— Безнадёжен.

Рен нежно сжимает мою руку и отводит в сторону в коридоре, когда мимо проходят Энди и Тайлер. Обычно я не замечаю, когда люди вокруг приходят или уходят, если я при этом на чём-то сосредоточена. Я тот самый человек, кто может стоять посреди коридора и болтать, не осознавая, что перегородил кому-то дорогу.

— Всё хорошо? — тихо спрашивает Рен.

Прочистив горло, я кладу ладонь на свой живот.

— Вообще-то нет.

Выражение чистой паники, исказившее его лицо, вызывает во мне прилив симпатии. Я подношу ладонь к его груди — интуитивный жест заверения — но потом убираю, вспомнив, где мы.

— В целом я в порядке, но мой живот... *no bueno*.

Он склоняет голову набок.

— Твой живот? Ты съела что-то испорченное? Вирус подхватила?

— Рен. Расслабься.

Правда в том, что колющие спазмы мучили меня с прошлой ночи, резкие и постоянные. Последнюю неделю я также чувствовала себя ноющей скрипучей тушкой. Месячные вот-вот должны начаться, так что неудивительно. Так намного проще изобразить дискомфорт. Потому что я правда испытываю дискомфорт, просто обычно это не помешало бы мне работать. Когда живёшь с хронической болью, привыкаешь жить сквозь эту боль. Ты просто живёшь свою жизнь, пока не свалишься. А потом поднимаешься, переходишь на другие лекарства и пробуешь снова.

— Это... по женской части, — говорю я ему.

Он заметно расслабляется.

— О. Окей. Знаешь, я не щепетильный, Фрэнки. Ты можешь сказать, что у тебя спазмы и месячные.

Я смотрю на Рена, чей настрой восторгает меня и немного удивляет. Это естественная функция организма. Я не понимаю, почему мы должны прятать это за эвфемизмами. Но я давным-давно запомнила, что люди ожидают такого, особенно мужчины. Приятно понимать, что с ним не придётся вести такую игру.

— Ладно. Да. У меня ужасные спазмы, и меня аж тошнит. Я поеду домой, — на краткое мгновение встретившись с ним взглядом, я переплетаю наши пальцы, следя, чтобы этот жест оставался скрытым от всех в коридоре. — Удачи сегодня. Или хет-трик, или ничего, Бергман.

Он улыбается.

— Как всегда, я могу лишь обещать, что сделаю всё возможное.

Это ли не правда? Мы все только на это и способны. И лишь немногие из нас могут это

признать. Когда я отпускаю его руку и начинаю отворачиваться, Рен зовёт меня по имени.

— Да?

Шагнув ближе, он понижает голос.

— Могу я сегодня заглянуть в гости?

— Ну типа... как я и сказала, я могу быть не в состоянии для чего-либо.

— Я это знаю. Просто хочу побыть с тобой.

Моё сердце совершает пируэт в груди.

— О. Ну, конечно, ты можешь приехать. Но давай начистоту. Моя кровать — отстой в сравнении с твоей. Давай встретимся у тебя после игры?

Рен открывает рот, затем медлит и вежливо улыбается одной из координаторов команды, проходящей мимо. Когда она уходит, его взгляд возвращается ко мне.

— Поезжай туда прямо сейчас. Полежи в ванне, которая прилегает к моей комнате, расслабься. Хорошо?

— Хорошо, — наши взгляды встречаются, и Рен стискивает челюсти. Я знаю, что ему хочется обниматься. Целоваться. У него есть привычка покачиваться вместе со мной в его объятиях, и это не только мечтательно, но и успокаивает. — Пока, — шепчу я.

Он сжимает мою ладонь, затем отпускает. И я ухожу с противным тянущим ощущением внутри, которое растёт с каждым шагом. Мне не нравится оставлять его, не поцеловав на прощание.

«Ты кто вообще?»

Хороший вопрос. Что-то во мне меняется буквально спустя неделю этого маленького эксперимента, в котором я еле как приоткрываю железные ставни своего сердца и впускаю кого-то внутрь. Что-то во мне хочет не просто слегка приоткрыть эти двери, а просто гостеприимно распахнуть их настежь. Это что-то хочет доверять любви и сказать вселенной «покажи худшее, на что ты способна».

Потому что нет сомнений в том, что вселенная так и сделает.

Итак. Встреча с родителями Рена вживую оказалась куда более стрессовой, чем я думала. Я чувствовала себя каким-то подростком, который попался за поцелуями в подвале. Они не знают, что я боготворила ошеломительное тело их сына, пока желание направляло мои ладони. Они не знают, что он готовит мне булочки с корицей по рецепту его матери и целует в лоб каждое утро, когда вручает мне кофе. Они не знают, что я так много раз приправляла его имя ругательствами, когда он заставлял меня рассыпаться на куски.

И если у меня есть право голоса, они никогда не узнают.

Я также чувствовала себя чуточку неловко, потому что тайком взяла номер Зигги из телефона Рена, написала ей сообщение и спросила, не возражает ли она против моей идеи, которую я просто презентовала как возможность ненадолго избавиться её от родителей и поговорить по душам между нами, девочками. Пусть идея родилась из желания наконец-то затащить родителей Рена на чёртову игру, я правда хочу подружиться с Зигги, дать ей немного ободрения, в котором я сама нуждалась, когда впервые получила диагноз. Я пытаюсь наладить контакт не только из-за головокружительных чувств к Рену, но так же из-за искреннего беспокойства за Зигги и желания узнать её получше.

Далее пришлось позвонить миссис Бергман, объяснить, что я хороший друг Рена, знакома с Зигги и хотела побыть с ней как другая женщина с аутизмом, поговорить о

наболевшем. Я сказала ей, что Рен не знает, и я хочу удивить его присутствием родителей на игре. После этого миссис Бергман весьма насторожилась. Я сказала, что она может спросить обо мне у Уиллы и Райдера и перезвонить мне.

Она позвонила буквально через десять минут и говорила уже куда дружелюбнее.

Видите, мы с Уиллой подруги. Кто бы мог подумать.

Когда я добралась до прекрасного дома детства Рена (воплощение просторного спокойствия, море кремово-белых стен и натуральной древесины), казалось почти сюрреалистичным соотнести голос его матери с лицом, увидеть глаза и скулы Рена в её чертах. Затем приветствие его отца с раскатистым голосом и широкой улыбкой, которые он точно передал Рену вместе с волнистыми медными волосами и широким, крепким телосложением. Я так нервничала, что мои ладони сделались скользкими от пота, а сердце колотилось о рёбра.

Но как только они ушли, большая часть тревоги ушла с ними, оставив лишь нервозность из-за желания помочь Зигги и наладить контакт.

Она уставилась в телевизор, смотрит хоккейный матч. Взглянув на экран, я сразу выделяю Рена. Выше остальных, проносится мимо вратаря. Прядь рыжеватых волос выглядывает из-под шлема.

— Я хочу, чтобы однажды у меня получилось пойти, — тихо говорит она. — Я вижу, ему грустно, что я никогда не прихожу. Что я делаю практически невозможным, чтобы мама и папа приходили.

Я не отвечаю сразу же. Я не знаю всего случившегося, Рен только упомянул, что в какой-то момент состояние Зигги было опасным. Похоже, лучше просто дать ей время выговориться и переварить всё, особенно когда я не знаю деталей.

Я не трогаю Зигги и даже не сажусь слишком близко. Я понимаю, что ей это не нравится. С момента, как я переступила порог, она держалась на расстоянии минимум пары метров. Её родители также не стали обнимать её на прощание, только поцеловали в лоб и уши.

Так что вместо этого я расположилась через два места от неё на диване, который столь огромен, что диван Рена в сравнении кажется игольницей. Уютно устроившись под одеялом, я большую часть времени смотрю в телевизор, хрустя попкорном и проклиная эти спазмы.

— Что именно мешает тебе пойти? — наконец, спрашиваю я.

Она смеётся, но смех звучит пустым.

— Всё. Толпы. Шум. Освещение. Даже дорога туда. Дорожный трафик вызывает у меня клаустрофобию. Мне ненавистно просто сидеть там. Когда мы в последний раз застряли в пробке, я выпрыгнула из машины и прошла последние 400 метров пешком. Мама перепугалась.

Это заставляет меня издать хрюкающий смешок.

— Эх. Тут я не могу тебя винить.

Зигги косится в мою сторону, её ярко-зелёные глаза, в которых я теперь узнаю копию глаз Райдера, пронизывают меня.

— Как ты это делаешь? — спрашивает она.

Я приподнимаю брови. Я сказала миссис Бергман, что у меня аутизм, но Зигги я не говорила. Потому что она не говорила мне, и я не хочу на неё давить.

— Делаю что?

— Ты аутист, — говорит она буднично. — Как и я.

— Рен тебе сказал?

Она кивает.

— И тебе он сказал про меня.

Туше.

Уставившись на свои ладони, она бормочет:

— Он сказал, что я могу поговорить с тобой, если захочу.

— Ну, — говорю я со стоном, ёрзая на диване и пытаюсь уставиться поудобнее. — Он прав. Это так. А ты хочешь поговорить?

Зигги поднимает взгляд, снова смотря в телевизор.

— Не знаю. Иногда мне кажется, что хочу. Но иногда мне кажется, что я не хочу знать.

— Не хочешь знать что?

Она пожимает плечами.

— Сложные части. Те вещи, которые не станут лучше. Последние несколько лет были отстойными. Я не могу представить, что впереди ждет что-то ещё хуже.

Поставив миску попкорна между нами, я смотрю на неё. Она худая как жердь. Съежилась калачиком. Если она похожа на меня в её возрасте, то она не питается нормально, постоянно недосыпает и мучается от тревожности. Что мне чрезвычайно любопытно, так это какие меры поддержки она получает.

— Ты ходишь на терапию?

— Беседы с психологом, — говорит она ровно. — Иногда это кажется полезным. Но по большей части изматывает.

— А помимо бесед ты посещаешь бытовую терапию? Ты изучила тему сенсорных диет?

Она морщит нос.

— Бытовая терапия — нет. Но психолог её, возможно, упоминал. Я не помню. Я часто ухожу в себя на сеансах. Я делаю это, чтобы успокоить маму и папу. Потому что они беспокоятся обо мне.

— Ну, может, он подводит тебя к БТ. Там ты узнаешь, как позаботиться о тех вещах, которые сложно объяснить, и разговоры о которых утомляют. Например, сенсорные диеты. Если диетолог помогает понять, какие у тебя пищевые потребности, то сенсорные диеты составлены таким образом, чтобы помочь отдельному человеку поддерживать мозг и тело как можно более сбалансированными и спокойными. По крайней мере, пока внешний мир не перевернёт всё вверх дном.

Зигги меняет позу, слегка поворачиваясь в мою сторону.

— Что ты имеешь в виду?

Я приподнимаю своё ожерелье с подвесками.

— Мне вечно надо что-то теревить, так всегда было. Моя мама была уверена, что мне поставят диагноз СДВГ, когда она привела меня на обследование. Но вот результат. У меня аутизм. И мне нужны сенсорные стимулы, чтобы чувствовать себя уравновешенной и спокойной. Так что я сижу на большом фитболе, чтобы иметь возможность подпрыгивать и раскачиваться. У меня есть подвески на ожерелье — люди и бровью не поведут, если я буду их теревить, а я могу получать стимуляцию, когда надо, не привлекая к себе внимание. Каждое утро я занимаюсь йогой и плаваю, чтобы сжечь энергию. Годится любая активность, которая не вредит моим суставам.

Я задираю ткань своих слаксов, показывая изнанку.

— Французские швы. Никакого раздражения. Блузки без ярлыков, — я барабаню

пальцами, перебирая всё в голове. — Что ещё... ах да. Обычно я расслабляюсь после трудового дня под утяжелённым одеялом, и моя собака ложится сверху. Но я ищу сенсорные стимулы, так что тебе это может не понравиться. Ты, похоже...

— Избегаю стимулов, — заканчивает она, глядя на свои изодранные кутикулы и кусая ноготь. — И да, и нет. Просто нужно, чтобы это не заставляло меня врасплох, но мне нравятся объятия. От правильных людей. В правильное время. Я же не робот.

— Я и не говорила, что ты робот. Но я понимаю желание обороняться. Это стереотип насчёт аутистов — что мы холодные, безэмоциональные скорлупки, что совсем неправда. Просто мы чувствуем иначе. И часто проблема в том, что мы на самом деле чувствуем так много, что приходится разделять это всё, направлять в защитные механизмы, которые делают всё терпимым.

Она прерывисто вдыхает.

— Ты первая, кто это понимает.

Я пытаюсь прочесть подтекст в её словах, что для меня непросто. Мне кажется, она говорит не только о подвесках или о том, как отстойно общаться с психологом, когда ты устала от разговоров. У меня усиливается подозрение, что никто толком не трогал Зигги с тех пор, как у неё случился срыв, и ей поставили диагноз. Ну то есть, я видела, как Рен держал её за плечо, мягко прикоснулся к её спине, но обнимал ли её кто-нибудь? Прижимал к себе? Помогал выстроить контекст вокруг этих больших, ошеломляющих чувств и проблем, чтобы она знала, что они не поглощают её, не делают её нечеловечной или сломанной, а доказывают её стойкость, способность исцеляться и расти?

Любящее прикосновение напоминает нам о нашей человечности. Всем это нужно в той или иной форме, в то или иное время. Иногда нужно лишь спросить.

— Когда кто-нибудь обнимал тебя в последний раз, Зигги?

По её щеке скатывается слеза. Чёрт. Я довела сестрёнку Рена до слёз. Он отречётся от меня, перестанет дарить мне великолепные оргазмы и больше никогда не приготовит мне шведские блюда...

«Остынь, Франческа. Сосредоточься на Зигги».

Скатывается ещё одна слезинка, и она моргает, глядя на свои руки на коленях.

— Зигги, — тихо спрашиваю я. — Мне можно сейчас тебя обнять?

Маленькая вечная тишина повисает в комнате, пока слёзы всё быстрее и быстрее катятся по её щекам. Я становлюсь свидетелем бремени её горя, которое я прекрасно понимаю, и от воспоминаний у меня сдавливает грудь, сжимается сердце.

Зигги вытирает нос рукавом, затем кивает. Буквально два медленных движения подбородком.

Я аккуратно отставляю попкорн в сторону и подвигаюсь ближе к ней на диване, держа руки разведёнными в стороны. Я позволяю Зигги прийти ко мне. Потому что я знаю (по тому, как её брат разводит руки в стороны и позволяет мне решить, как и когда упасть в его объятия), как это важно, когда кто-то не просто терпит тебя такой, какая ты есть, но и принимает тебя со всем этим.

Медленно, как срубленное и упавшее молодое деревце, она падает в мою сторону, пока её лоб не опускается на моё плечо. Её щёки влажные от слёз. Поначалу рыдания тихие. Но они не остаются такими. Они нарастают волной похороненных эмоций, наконец-то вышедшей на поверхность. Боль. Смятение. Беспомощность. Я чувствую, как всё это сочится из неё. Я чувствую эхо всего этого в своих воспоминаниях. Слёзы катятся и по моим щекам,

пока я аккуратно обнимаю её и глажу по спине, выписывая ладонью размеренные восьмёрки.

— С тобой всё будет хорошо, Зигги. Может, это случится не так быстро, как тебе хотелось бы, но ты со всем разберёшься. Однажды ты вновь будешь счастлива, я обещаю.

Её рыдания становятся более резкими, и внезапно она так свирепо сжимает меня тисками птичьих косточек и упорства.

— Господи, я так на это надеюсь.

— Так и будет, — шепчу я, прижимаясь щекой к её макушке. — Обещаю. И я не говорю подобные вещи просто так. Я обещаю, ясно?

Я покачиваю её в объятиях, пока её плач не стихает. Когда я мягко отпускаю её, Зигги выпрямляется, проводит ладонями по глазам и робко, нерешительно улыбается.

Передав ей пачку салфеток, я вместе с ней сморкаюсь и вытираю лицо. Наши глаза опухли от слёз, мы обе кажемся облегчёнными и уравновешенными, и воздух между нами словно прояснился как после сокрушительной грозы. Я тянусь к сумке и достаю ноутбук.

— Что ты делаешь? — тихо спрашивает Зигги.

Я улыбаюсь, поднимая экран и нажимая кнопку включения.

— Мы с тобой сейчас пойдём на мои любимые сайты со всякими сенсорными штуками и комфортной одеждой. Шопинг в моём стиле — прямо с дивана. Как тебе?

Она буквально сияет. Аккуратно подвигается по дивану, устраиваясь рядом со мной. Когда Зигги смотрит на меня, в её ярко-зелёных глазах блестит нечто, чего я не видела там прежде. Нечто маленькое и хрупкое, но неоспоримо присутствующее.

Надежда.

Глава 23. Фрэнки

Плейлист: Rihanna — Close To You

— Самородочек мой?

Голос Рена прокатывается по дому, эхом отдаваясь в его ванной, где я отмокаю в ванне, явно рассчитанной на гиганта. Нежного рыжего гиганта, по которому я абсурдно скучала весь вечер.

Его родители вернулись в дом первыми, но сказали, что Рен едет повидаться с Зигги, так что я дала дёру, забрала Паццу из своего дома и набрала себе пенную ванну здесь.

— Туточки, жеребец, — откликаюсь я.

Его смех низкий и тихий, но всё равно разносится по дому. Широкие твёрдые шаги становятся громче, пока дверь ванной не приоткрывается, и каблуки его классических туфель не начинают стучать по кафельной плитке.

— Жеребец, — говорит Рен, прикрывая глаза ладонью. — Я могу и привыкнуть к такому.

Сдвинувшись в воде, я убеждаюсь, что все стратегические места прикрыты пеной. Внезапно я на удивление стесняюсь. Может, потому что я ощущаю себя в шатком положении, немного не уверена. Может, Рен порадуетя из-за того, что я сделала с Зигги и его родителями.

А может, и нет.

— Моя добродетель сохранена, — говорю я ему. — Можешь открыть глаза.

Опустив руку, Рен улыбается мне, и весь воздух вылетает из моих лёгких.

Я не видела этой улыбки прежде. Она более глубокая. Более сложная. Только так я могу её описать. Он мягко опускается на край ванны и играет с прядью моих волос, выбившихся из небрежного пучка на голове.

— Привет, — я поднимаю взгляд на него, подавляя нервный порыв задержать дыхание и скрыться под водой.

Просто он для меня так красив. И да, отчасти это потому, что Рен объективно красив, но тут есть нечто намного большее. В его глазах живёт доброта, в улыбке — готовность, и всё же некоторые из его улыбок особенные, только для меня.

Его рубашка безупречно белая, и каким-то образом это гармонирует с его бледной кожей и едва заметными веснушками на груди и шее. Его волнистые волосы взъерошены от быстрого душа после матча, борода быстренько причёсана, но нуждается в подравнивании, которого, конечно, не случится до завершения плей-оффа.

Моё нутро странно сжимается, я испытываю потребность броситься в его объятия, пока он улыбается мне в костюме и ослабленном галстуке, и его ничего не отделяет от моей наготы, кроме ванны с водой и быстро лопающимися пузырьками.

— Всего два гола, мистер Бергман, — я цыкаю с притворным неодобрением. — Я ожидала лучшего.

— Прощу прощения, — сухо отзывается он. — Фрэнки, — отпустив мои волосы, Рен кладёт ладонь на мою шею сзади и мягко массирует. — Спасибо за то, что ты сделала сегодня.

— О... Эм. Да не за что.

Я краснею от смущения. Мне хочется раствориться. Позволить тёплой водичке поглотить меня.

Я никогда не умела принимать благодарность. Я как будто оказываюсь под ударом и получаю вдобавок дозу синдрома самозванца. Разве не любой сделал бы такое, будь у него возможность? Получать благодарность за нормальные поступки кажется странным.

Словно прочитав мои мысли, Рен медленно качает головой. Подавшись вперёд, он целует меня с абсолютной нежностью, пока его большой палец до безумия приятно гладит мою шею.

Когда он отстраняется, его глаза прикованы к моему рту. Он снова крадёт ещё один поцелуй, затем выпрямляется.

— Мне прямым текстом сказали, что ты должна прийти на семейную вечеринку в честь дня рождения Зигги, а если я тебя не приведу, мне не будут рады.

У меня вырывается искренний смех.

— Она такая хорошая, Рен.

Он кивает, его лицо серьёзнеет. Его ладонь опускается от моей шеи к плечу, пальцы прослеживают за капельками воды, стекающими по коже.

— Да, она такая.

— С ней всё будет хорошо. Мы сегодня о многом поговорили. Я просто не думаю, что твои родители (ни в коем разе не хочу их оскорбить) или психолог подходят к проблеме лучшим образом. Они всё ещё сосредотачиваются на точке её срыва. Но корни срыва Зигги не в её депрессии или тревожности. Это симптомы. Она страдала от депрессии и тревожности, потому что выгорела. А теперь надо работать на предупреждение, а не реагировать на то, что уже случилось.

Рен склоняет голову набок.

— Продолжай.

— По сути, ей нужна помощь с изучением её сенсорных порогов, её потребности в комфорте, рутине, социальном окружении. Ей нужен режим питания (я не шучу, у меня был такой режим в старших классах, потому что я слишком часто забывала), домашнее обучение, если она того хочет, чтобы передохнуть от людей и восстановить её резервы.

— О, и мы также заказали ей подходящую одежду, — я приподнимаю брови. — Серьёзно, она ростом метр восемьдесят, у неё такое высокое и красивое тело, а она носит одежду для парней. Ну то есть, я спросила, что ей хотелось бы носить (я не хотела предполагать), и она сказала, что носит одежду своих братьев, потому что это единственные комфортные вещи, которые удалось найти, но она хочет одеваться иначе. Просто она не думала, что можно чувствовать себя комфортно и выглядеть так, как ей хочется. Я заверила, что и то, и другое возможно, и я тому подтверждение.

Рен смеётся, и его взгляд танцует по мне.

— Ты всегда прекрасно выглядишь, Фрэнки.

— Спасибо. Так что мы заказали леггинсы в размере XS, но с удлиненными штанинами — тот производитель делает их очень мягкими, без раздражающих швов. Несколько кофточек с длинными рукавами безо всяких ярлычков, и из 100 % хлопка. Мягкие толстовки, ожерелье с подвесками вроде моего, и ещё она хотела попробовать... мммххх!

Его губы снова накрывают мои, но на сей раз его ладони обхватывают моё лицо, язык проходится по моему, рот действует с голодом.

— Я не могу выразить, как я тебе благодарен, — шепчет Рен мне в губы. — И завтра я

хочу услышать ещё больше подробностей. Но сегодня я больше не хочу говорить о моей сестрёнке. Ты голая в моей ванне, и если я не прикоснусь к тебе немедленно, то сойду с ума.

Меня омывает жаром. Мои груди напрягаются, между ног зарождается свирепое ноющее ощущение.

— Тогда прикоснись ко мне.

Рен продолжает целовать меня, но его руки заняты, лихорадочно расстёгивая манжеты его рубашки, потом подворачивая рукава. Затем его рука ныряет в воду и находит мой клитор как маяк.

— Иисусе, Рен, — я поднимаю руку из воды, чтобы ухватиться за бортик ванны, пока он целует меня — терпеливо, но с призывом.

«Откройся. Больше. Сильнее».

Я царапаю его губу зубами, дразню языком и получаю его тихое рычание. Его пальцы размеренно скользят по мне, шёпот прикосновений вызывает лихорадочную, отчаянную потребность. Губы проходятся по моему подбородку до чувствительного местечка за ухом, где он лижет кожу и обдувает её прохладным воздухом.

По мне проносится дрожь.

— Рен, — шепчу я.

— Хм?

— Я хочу... — моё предложение обрывается, потому что он вводит в меня один палец и потирает мою точку G с такой приверженной точностью, которая выдает его профессию. Найти цель. Наметься. Забить гол.

Первая волна разрядки ослепляет меня, заставляя содрогнуться в воде. Я стискиваю бортик ванны с такой силой, что ноет ладонь, но Рен не останавливается.

— Ещё раз, — шепчет он, после чего следует горячий, безудержный поцелуй, где зубы и языки воюют за контроль.

— Я не м-м-могу, — я никогда не испытывала оргазмы один за другим. Множественные оргазмы. Когда Лорена и Мия просто спали друг с другом без обязательств, Лорена снисходительно хвасталась, что Мия постоянно доводит её до множественных оргазмов. А мы с Энни дулись в уголке из-за того, что наши увальни не могли вызвать нормальный оргазм, даже если бы от этого зависели их жизни.

Ну, пока у Энни не появился Тим.

А у меня, видимо, Рен...

— О Господи, — ору я.

Рен смахивает последние пузырьки пены с моих грудей и проводит языком по напряжённым горошинкам сосков. Время делается каким-то мутным. Секунды превращаются в минуты, те накладываются друг на друга, не осознавая своего течения. Я понятия не имею, уходит ли на это маленькая вечность, но Рену как будто всё равно. Я блаженно не осознаю идею течения времени, и Рен невозмутимо продолжает свои размеренные касания, каждый голодный поцелуй помогает мне закрепиться в настоящем моменте, боготворит меня.

Он делает нечто иное своими пальцами, и это просто магия.

— Я сейчас ко... — я вскрикиваю и поворачиваюсь к нему, оббив рукой его шею, потому что не могу пережить это одна. Я не могу испытывать так много, парить к новым высотам. Невесомая, задыхающаяся, удовлетворённая.

— Прекрасная, — тепло и мягко шепчет он мне в шею. — Такая прекрасная, — за

нежными словами следуют нежные поцелуи.

Мой язык будто разбух, тело ощущается тяжёлым и расслабленным. Кому нужна травка, когда есть оргазмы?

— Ургубух, — бормочу я.

Он убирает волосы, прилипшие к моему лицу.

— Правда, что ли?

— Колдовство, — сиплю я, и моя грудь вздымается, когда я опускаюсь обратно в воду.

Рен смеётся, вставая, и тянется к полотенцу на полотенцесушителе. Увидев, что меня ждёт горячий пушистый хлопок, я осознаю, что мои губы, наверное, уже посинели. Я дрожу.

Держа полотенце, Рен отводит взгляд, пока я выхожу из ванны в тепло, ждущее в его руках. Крепко обернув моё тело полотенцем, он улыбается мне.

— Боюсь, я неспособен на подобное колдовство, Франческа. Лишь старый-добрый маггловский труд.

Я показываю на внушительную ситуацию в его брюках.

— Чем тогда объяснишь волшебную палочку?

Он закатывает глаза.

— Серьёзно. Это лучшее, что ты придумала?

— Они размером 20–35 см! — оскорбленно восклицаю я. Рен нагибается, затем принимается бережно вытирать мои ноги и ступни другим тёплым полотенцем. — Это внушительная длина. Если бы ты читал Гарри Поттера хоть сколько-нибудь внимательно, то знал бы, что назвать пенис волшебной палочкой — это лучший в мире комплимент для мужчины.

Он приподнимает бровь, присев на корточки у моих ног и вовсе не выглядя впечатлённым. Но когда я открываю рот, чтобы возразить, он каким-то образом уже выпрямился и целует меня, не давая сказать ни слова.

— Вы с Зигги поели? — спрашивает он, наклоняясь, чтобы подобрать свой пиджак и мою кучку брошенной одежды. Я непременно плююсь на его задницу.

— Ага. Мы заказали пиццу... оооох, — жёсткий, болезненный спазм скручивает мой живот, а следом я чувствую знакомое тепло крови, стекающей по бедру. — Да ёб твою мать.

Ладони Рена уже на моих плечах, голова наклонена в попытках поймать мой взгляд.

— Что не так?

Заметив кровь, Рен застывает и бледнеет.

— О Боже, Фрэнки. Я тебе навредил?

— Нет, Рен! Ты не сделал ничего плохого, — я вздыхаю. Слава Богу за воду в ванне. Потому что ещё немного, и было бы очень неловко. — Это моё долбанное женское проклятье.

Всё его тело расслабляется. По лицу проносится облегчение, и он мягко поглаживает мои руки вверх и вниз.

— Мне очень жаль, что тебе больно. У тебя есть необходимое здесь? Тебе нужно, чтобы я сгонял в магазин?

Я смотрю на него, чувствуя, как глаза щиплет от иррационального прилива эмоций.

— Я забыла. Я забрала Паццу и спешила...

«Добраться сюда как можно скорее и ждать тебя голой в ванне, надеясь соблазнить тебя, когда ты придёшь домой».

Да уж. Эту мысль я оставляю при себе.

Он мягко сжимает плечи.

— Какая марка?

Я моргаю, уставившись на него. Парни не должны так спокойно относиться к месячным, ведь нет? Особенно когда всё было так близко к катастрофе. Но Рен ведь не просто какой-то парень, верно?

— Эммм, — информативно отвечаю я.

— Давай так, — он мягко подхватывает меня на руки и выносит в свою комнату.

— Рен! — пишу я, когда он перехватывается, чтобы я покоилась повыше на его руках. — Это же месячные, а не чахотка.

— Я знаю, просто так проще. Потому что я знаю, что ты будешь сопротивляться.

— Только не в кровать. Твой матрас будет выглядеть как место убийства!

Откинув одеяло, Рен укладывает меня, затем идёт к шкафу, откуда быстро достаёт два толстых пляжных полотенца. С армейской точностью он складывает их пополам, кладёт друг на друга и подсовывает под моё тело, завернутое в полотенце как шаурма.

Взяв мой телефон и бутылку воды с другого конца комнаты, затем достав из комода одну из своих нижних футболок, Рен кладёт всё рядом со мной на постель.

— Вот, — говорит он.

Я хмуро кошусь на него. Он улыбается.

Похлопав по карманам, Рен проверяет, что не забыл бумажник и телефон, достаёт ключи. Напоследок чмокнув в щёку, он отворачивается и выходит из комнаты — весь такой сексуальный хоккеист в костюме после игры.

— Просто пришли мне в смс марку и размер. И устраивайся поудобнее! — кричит он из коридора. — Тебе разрешается взять пакетик рутбирных мишек, но клянусь, Франческа, что если я вернусь и найду тебя где-то не в кровати, у тебя будут большие проблемы.

Я хочу сказать ему, куда он может засунуть свои указания, но кто бы мог подумать, вместо этого я осознаю, что молча и счастливо устроилась в его постели, а моё лицо озаряет ослепительная улыбка.

Не то чтобы моё невезение меня удивляло, но с меня станется начать истекать кровью именно в тот момент, когда Рен как будто был готов покончить с пытками и уложить меня под себя. Ещё одна неделя (да, вот такие безжалостные у меня месячные) жестокого целибата. Ладно, может, не совсем целибата. Простой ночью он заставил меня кончить, просто дразня мои соски и проделывая ту штуку вибратором...

— Фрэнки?

Я резко дёргаюсь на сиденье в машине.

— А?

Губы Рена изгибаются в улыбке, но глаза не отрываются от дороги.

— Ты не слышала ни слова из того, что я сказал, да?

— Да. Извини, — я делаю медленный, успокаивающий вдох. — Я не хотела отключиться. Грезила наяву.

Он мягко сжимает мою ногу.

— Тебе не нужно извиняться. Я не знал, что твои мысли витают где-то ещё.

— Если послушать тебя, то я кажусь весьма философской натурой, тогда как на деле я просто представляла новые вариации взаимного удовольствия без проникновения, и как мне

хочется, чтобы ты нагнул меня через спинку дивана, а потом...

— Фрэнки, — голос Рена звучит сдавленно. — Я пойду на тренировку с... — он показывает на свой пах и выраженную эрекцию.

— Прости, — я бьюсь затылком о подлокотник. — Просто я раздражительна. Меня бесят месячные.

— Я сказал, мне всё р...

— Нет, — я поднимаю ладонь в затыкающем жесте. — Исключено. Ты ни за что не будешь лишаться девственности со мной во времена кровавого прилива. Нетушки.

— Я же не собираюсь делиться историями с парнями за пивом. Это личное между мной и тобой. Мне без разницы.

— Зато мне не без разницы.

Рен вздыхает.

— Очевидно. И вот к чему это привело — новый уровень озлобленности для тебя, а мне повезёт, если я сегодня вообще смогу нормально кататься на коньках.

— Ох. Пельмешек. У нас состоялась наша первая ссора?

Прежде чем он успевает сострить в ответ, нас подрезает спортивная машина, втиснувшаяся в то расстояние, что Рен поддерживал между нами и автомобилем впереди.

Рену приходится резко ударить по тормозам. Он инстинктивно выставляет руку перед моей грудью и придерживает меня, а сам смотрит в зеркало заднего вида, логично ожидая возможного удара сзади, которого чудом удастся избежать.

Адреналин курсирует по моему телу. Я выдыхаю с облегчением и смотрю на руку Рена, всё ещё берегающе вытянутую передо мной. Перед глазами всё расплывается от слёз. Я задерживаю дыхание. В моём мозгу мелькает понимание, что будь я со своей семьёй, с друзьями из колледжа, то сейчас возник бы целый список дел по удушающей заботе. Беспокойство о хлыстовой травме шеи. Требования рентгена.

«Пожалуйста, не делай этого. Пожалуйста, не делай...»

Внезапно рука Рена отрывается от моего тела, и он кулаком ударяет по рулю, сигнала. Ткнув на несколько кнопок, чтобы окно с его стороны опустилось, Рен орёт на мудака в Бокстере перед нами:

— Свинобрюхий негодник!

Я закусываю щёку изнутри. Положив ладонь на основание шеи Рена, я запускаю пальцы в его густые взъерошенные волосы, надеясь немножко успокоить его.

Рен резко бросает взгляд на меня.

— Ты в порядке?

Я киваю.

— Ничего не болит? — настаивает он.

Я качаю головой. И задержав дыхание, жду того, что последует дальше.

— Ладно, — он шумно выдыхает и трёт лицо. Повернувшись, он накрывает ладонями мои щёки, целует меня. Его ладони начинают путешествие по моему телу, будто он мне не верит.

— Точно ничего не болит?

— Я в порядке, Рен, — я нежно царапаю ногтями его бороду и целую в ответ. — Поверь мне.

Он кивает.

— Ладно. С нами всё в порядке, — позади нас сигналит машина. Рен свирепо смотрит в

зеркало заднего вида. Яркое утреннее солнце озаряет его, отчего его волосы кажутся огненно рыжими. И О Иисус, Скачущий По Саду Воскрешения, Рен умеет хмуриться.

Всё во мне делается жарким как inferно. Неулыбающийся Сорен Бергман откровенно великолепен.

— Ты ужасно привлекателен, когда злишься, сладкая булочка.

Он щурит свои кошачьи глаза.

— Почему из нас двоих ты используешь раздражающие ласковые обращения и улыбаешься, — выдавливают он, — а я матерю незнакомцев и скриплю зубами?

Потому что мы оба настолько сексуально неудовлетворены из-за самого неудачного стечения обстоятельств на свете, что вот-вот взорвёмся?

— Потому что мир — жестокое место, а в Лос-Анджелесе ужасные водители, — я улыбаюсь и показываю вперёд. — Смотри на дорогу, кнопочка. Машины уже тронулись.

Глава 24. Фрэнки

Плейлист: Tyrone Wells — And the Birds Sing

— Она такая крохотная, — шепчу я. Наоми Грейс Чёрчилль родилась вчера после обеда.

Она моя крестница, а я, возможно, слегка одержима ею.

— И ты присваиваешь её себе, — сетует Ло.

Миа пихает её локтем.

— Остынь. Пусть получит свою дозу. У Фрэнки явно бэби-лихорадка¹¹.

Я вскидываю голову, и мои глаза инстинктивно находят Рена. Он прислоняется к стене, скрестив руки поверх мягкой серой футболки. Старые джинсы облегают его длинные ноги. Бейсболка низко натянута на лицо. Ни единая душа не узнала его, когда мы пришли в больницу. А если кто и узнал, то милостиво оставил в покое.

Уголок его рта приподнимается, вокруг кошачьих глаз, поразительно светлых в тени козырька, образуются мелкие морщинки. Но он не говорит ни слова.

Энни улыбается мне.

— Ты правда хорошо смотришься с ребёнком, Фрэнки.

— Вот поэтому ты и родила её для меня, — говорю я ей. Наоми сжимает мой мизинчик в кулаке. Её кожа нежная как лепесток цветка.

— О, да что ты говоришь? — сухо цедит Энни. — Я-то думала, что она для нас с Тимом.

— Неа. Заберу её домой.

Тим смеётся.

— Давай ты заберёшь её на ночь. Мы вообще почти не спали.

Лорена практически скалится на меня.

— Уф, ладно, — ворчу я. — Возьми её. Нам всё равно пора.

— Куда направляетесь? — Ло аккуратно забирает у меня Наоми, баюкая малышку на руках и инстинктивно покачивая. Если у меня бэби-лихорадка, то у Ло просто бэби-фебрильные судороги.

— Не пускай на неё слюни. На день рождения к сестре Рена.

— Ооуууу, здорово! — Энни подмигивает мне, затем обращается к Рену. — Итак, Рен, ты ведёшь Фрэнки на семейный праздник...

— Аннабель, — предостерегаю я.

Рен улыбается мне, потом поворачивается к Энни.

— Веду. Сегодня она со всеми познакомится. Будем благодарны за молитвы о нас. У меня шесть братьев и сестёр, так что с нами бывает непросто.

— Ах, — вклинивается Ло. — Так вот почему Фрэнки сидит тут с таким видом, будто вот-вот обкакается.

— Знаете, ребят... — я медленно встаю с кресла рядом с Энни. — Я бы сказала, что мне ненавистно уходить, но вру я дерьмово, так что всем, кроме Наоми, которая не сказала ни единого едкого словечка — ну когда-нибудь пересечёмся.

Я мягко ударяю кулачком по кулачку Энни, затем прощаюсь с остальными, пока мы не оказываемся у двери.

— Подождите! — зовёт Энни.

Мы с Реном застываем, затем разворачиваемся.

— Что такое? — спрашиваю я у неё.

Тим смущённо улыбается.

— Моя бабушка вроде как сохнет по Рену, о чём вы, пожалуй, не хотите знать, и она слегла с простудой, так что не может прийти в больницу и посмотреть на ребёнка. Я подумал, если мы сфотографируем его с Наоми на руках, это сделает её десятилетие.

Я собираюсь включить суровую Фрэнки и отказать вместо Рена (ибо разве он не имеет права иногда побыть просто мужчиной, а не эмблемой своей команды?), но Рен лишь пожимает плечами и делает шаг вперёд.

— Я не против. Конечно.

Энни смотрит на меня и одними губами произносит «Прости».

Я показываю на Рена и пожимаю плечами. Если ему всё равно, то и мне всё равно. Просто меня тянет оберегать его. Он всегда улыбается, всегда ведёт себя вежливо, всегда подписывает что-то. Я хочу, чтобы он отказывал, когда ему не хочется. И если ему это сложно, я готова вмешаться, поскольку я в этом эксперт.

— Позвольте мне быстренько помыть руки, — Рен использует для этого воду и мыло на раковине, не сводя глаз с задачи. Я наблюдаю за ним, абсурдно наслаждаясь тем, как его волосы торчат из-под бейсболки, его лохматой бородой плей-оффа, поджатыми от сосредоточенности губами.

Глядя на него, я испытываю такие тёплые и искрящие чувства. То большое слово на букву Л так и бьётся в моей голове, но я практически душу его.

«Слишком рано. Ещё нет. Притормози».

— Готов, — Рен нежно забирает Наоми у Лорены и умело разворачивает, чтобы уложить на своё предплечье.

О Иисус, Ходящий По Воде. Я и раньше видела, как Рен держал детей, но не...

— Моя малышка, — бормочу я.

— Она не твоя малышка, — Ло шутливо шлёпает меня по заднице. — А моя.

— Она наша малышка, — дипломатично говорит Энни.

Тим подносит камеру ближе и ловит тот самый момент, когда Наоми приоткрывает глаза, а затем широко распахивает их при виде Рена.

— Ладно, — говорит Тим. — Есть!

Я подхожу ближе и кладу голову на бицепс Рена. Он ощущается как подушка. Если бы подушка состояла из чистых мышц, высеченных из камня. От него исходит пряный чистый запах, как от мыла, которым он утром мылся в душе. Я экстра-долго чистила зубы, чтобы полюбоваться его торсом, не прикрытым паром, а также мышцами, напрягавшимися и бугрившимися, пока он мылся.

— Он ей нравится, — самодовольно говорит Миа. — И посмотри на его лицо. У Рена тоже бэби-лихорадка.

Я закатываю глаза. Но когда я перевожу взгляд на него, Рен смотрит на меня, и на его губах играет едва заметная улыбка.

Улыбка, которая не такая яркая, как лучи солнца, и не такая широкая, как сам океан. Это не улыбка для фанатов, бабушек или прохожих. Лёгкая, знающая улыбка.

Для меня.

— Ладно, — Рен паркует фургон, надувает щёки, затем медленно и размеренно выдыхает. — Не буду врать, семья у меня странная и ошеломляющая. Я один из буйных, но

даже я временами считаю нас слишком шумными. Так что если тебе понадобится ускользнуть в тихое место, я покажу тебе мою старую комнату, и ты можешь в любое время уйти туда. Вот одна хорошая черта моей семьи — они ни капельки не обидятся, если ты им в лицо скажешь, что тебе нужен перерыв от них. Уилла делала это десятки раз...

Я сжимаю его ладонь, переплетая наши пальцы.

— Всё хорошо, Рен. Я знаю, что могу сказать тебе, если станет чересчур. Уверена, всё будет хорошо.

Рен нервно смеётся.

— Ага. Ладно. Хорошо.

— Эй, — накрыв его щёки ладонями, я дарю ему медленный, основательный поцелуй.

Когда мы отрываемся друг от друга, он вздыхает и прислоняется лбом к моему.

— Спасибо, — шепчет он. — Мне это было нужно.

Я тянусь за ещё одним поцелуем.

— Мне тоже.

Обогнув машину, он как всегда открывает мне дверцу, затем предлагает опереться на его локоть.

От места, где он припарковался, земля идёт под лёгким уклоном вверх, и он сердито смотрит под ноги.

— Им надо было оставить мне место для парковки впереди.

— Почему?

Рен взмахивает ладонью.

— Для тебя. Чтобы тебе не идти всё это расстояние. Так, давай я тебя понесу...

— Ладно, Зензеро. Тайм-аут.

Рен резко разворачивается, уперев руки в бёдра, и не будь он на взводе по такой очаровательной причине, я бы посчитала позу весьма устрашающей.

— Ты не напугаешь мне этим шоу Рыжего Великана, так что просто расслабься.

Он опускает руки.

— Я хочу, чтобы это стало для тебя приятным опытом, — он снова показывает на дом. — А начинаем мы с того, что топаем полкилометра до дома. Ты стараешься казаться крутой, Фрэнки, но я знаю, что тебе больно идти по такой поверхности. И тебе больно прямо сейчас.

— Ну, у меня есть Посох Старца, и я схвачусь за тебя, если вдруг соберусь падать. Ладно?

Он вздыхает.

— Ладно.

Я беру его под руку, чтобы утихомирить. Он немедленно прижимает её локтем к своему боку.

Рен натягивает бейсболку пониже и чешет шею.

— Всё будет хорошо, — говорит он словно про себя.

Я улыбаюсь ему.

— Вот именно.

Дорога до дома не ужасна, но Рен не ошибается. Моё бедро было бы счастливее без необходимости идти так далеко по неровной земле. Рен не стучит, не колеблется, просто распахивает входную дверь в дом и орёт что-то на шведском, чего я не понимаю.

В ответ хором раздаётся та же фраза, отчего я вздрагиваю.

Он улыбается мне.

— Я же говорил, мы странные.

— Вы здесь! Наконец-то. Вы опоздали, — мама Рена шагает ко мне и крепко обнимает.

— О... — начинаю я, но Рен перебивает.

— Мама, я же говорил, что у меня тренировка, — он встречается со мной взглядом и вздыхает. Меня заранее предупредили, что его мама безжалостно прямолинейна. Я заверила его, что прямолинейность — это последнее, что может меня смутить. — Эй, — говорит он матери. — Полегче с ней.

Ладони Элин ослабевают хватку.

— Точно. Прости! Я обнимаю крепко. Но ты... — она мягко сжимает мои плечи, пригвозждая меня взглядом тех же зимних глаз, что она подарила своему сыну. — С тобой я должна быть нежной.

Рен массирует переносицу.

— Спасибо, что пригласили, миссис Бергман...

— О, просто Элин. Прощу, — говорит она с ослепительной улыбке.

Я легонько шлепаю Рена по животу.

— Моя сумочка у тебя.

— А. Точно, — спустив ремешок моей сумки с другого плеча, он передаёт её мне.

Я вынуждена поставить её на пол, чтобы придерживать ремешки, открыть молнию и достать бутылку вина. Выпрямившись, я сдерживаю стон от дискомфорта в спине и передаю ей вино.

— Спасибо.

— Как мило с твоей стороны, — Элин берёт бутылку, улыбается и подхватывает меня под руку. — Теперь можешь опереться на меня, Фрэнки.

Мой взгляд путешествует по просторному помещению. Массивный, грубо обтёсанный обеденный стол. Чистые линии в интерьере, большая кухня, а справа до комичного огромный секционный диван. Из кухни, переполненной исключительно женщинами, доносится шум, и это заставляет меня нервно остановиться.

Элин бросает на меня взгляд.

— Обычно мы так не разделяемся, но они все только что завершили футбольный матч, и если женщины были готовы к коктейлям, то мужчины захотели продолжить игру. Почему бы тебе не присоединиться к нам? Мы только начали готовить напитки.

Я нервно улыбаюсь Рену через плечо. Рен мягко улыбается в ответ.

— Фрэнки! — Уилла соскакивает со своего стула и обнимает меня. — Ты только что пропустила резню. Мы надрали им задницы, не так ли?

— Да, так и было, — говорит Зигги, и её лицо озаряется мягкой улыбкой. Она первая разводит руки в стороны, показывая, что я могу её обнять.

— С днём рождения, Зигги, — шепчу я. Отстраняясь, я вкладываю в её руки упакованный свёрток.

— Что это? — спрашивает она.

— Открой.

Зигги кладёт свёрток на стол и разрывает обёртку. Затем визжит.

— Она же только что вышла! Мама, Фрэнки подарила мне шестую книгу! О божечки!

Когда мы разговаривали в последний раз, Зигги рассказала мне про серию любовно-фантастических романов, которые она читала запоем, так что я купила ей новую книгу в

серии, вышедшую на прошлой неделе. Зигги прыгает на месте, затем бросается на меня и крепко обнимает.

— Спасибо большое.

Я обнимаю её в ответ.

— Всегда пожалуйста, Зигги.

Счастливо вздохнув, она прижимает книгу к груди.

— О! И ты заметила, что я в той одежде, которую мы заказали? Только что переделалась из футбольной формы.

Я окидываю её взглядом. Чёрные леггинсы с хорошей длиной до лодыжек. Изумрудно-зелёная футболка под цвет её глаз.

— Ты отлично выглядишь, Зигги.

Она заливается ярко-розовым румянцем.

— Спасибо. Мне так комфортно.

— Вот и хорошо, — я нежно сжимаю её руку, после чего поворачиваюсь к Фрейе, которую встречала лишь однажды. Она практически копия своей матери. Резкие, поразительные черты. Светлые глаза, волнистые волосы почти белого оттенка блонда, опускающиеся чуть ниже подбородка.

— Привет, — я протягиваю руку. — Я Фрэнки.

— Я помню, — отвечает она. — Фрейя, — в её голосе есть лёгкая хрипотца, и пусть я не могу прочесть выражение лица, её тон как будто окрашен печалью. Она мягко пожимает мою руку, не стискивая, что неудивительно. Рен сказал, она физиотерапевт. Она знает, что надо действовать бережно. — Рада наконец-то познакомиться с тобой, а не просто помахать рукой на стадионе.

— На арене, — поправляет Зигги.

Фрейя отмахивается.

— Да какая разница. Мы футбольная семья, — она улыбается мне. — Рен так долго рассказывал о тебе столь великолепные вещи.

Я встречаюсь с ним взглядом и наблюдаю, как он становится ярко-красным.

— Вот как?

Она выгибает светлую бровь.

— Ну типа, он по тебе с ума сходил аж...

Рен перебивает её объятием, утыкая её лицо в свою грудь, затем отодвигает на расстояние вытянутой руки.

— Фрейя Линн. Ты что-то сачкуешь.

Она ударяет его по животу несильно сжатым кулаком, но тот лишь отскакивает от его пресса. Она трясёт рукой в воздухе.

— Неправда.

Рен улыбается мне, обвивает рукой шею Фрейи, притягивает к себе и ерошит её волосы. Она выкручивает его сосок, что заставляет его взвизгнуть и отпрыгнуть в сторону.

— Трепло, — обзывает он её.

Она снова кидается, пытаясь ухватить его сосок, но он слишком быстрый. Бережно положив руки на плечи Зигги, он встаёт позади неё.

— Имениница — это «в домике». Больше никаких сосков.

Это настоящий Рен. Тот, кого я вижу чуть чаще с каждым днём, что провожу с ним. Игривый, дурашливый, слегка задирающий, до сих пор слегка стеснительный. Я улыбаюсь

так широко, что щёки болят, и наблюдаю за ним в кругу семьи.

— С днем рождения, Зигс, — Рен обнимает её сзади, целует в макушку и суёт в руки конверт.

Она разрывает его, читает открытку и держит в руке что-то вроде подарочного сертификата. Когда она поднимает взгляд на него, в её глазах стоят слёзы. Она долго обнимает его, и он обнимает её в ответ.

Зигги поворачивается лицом ко всем нам и вытирает нос.

— Рен вручил мне подарочный сертификат, которого хватит на ботсы, которые я хотела, — тихо говорит она.

Элин улыбается Рену и качает головой.

— Американцы столько денег тратят на обувь...

— Это не обувь, — говорит Зигги обороняющимся тоном. — Это ботсы, и они много для меня значат. Спасибо, Рен, — она снова обнимает его, а потом улыбается мне и кладёт подарочный сертификат на подаренную мной книгу. — Я рада, что ты привёл Фрэнки, — говорит она.

Рен улыбается мне поверх головы Зигги.

— Я тоже рад, что привёл Фрэнки.

К моим щекам приливает жар. Сейчас Рен смотрит на меня совсем как сегодня утром, когда он прошёл мимо меня и встал под душ, и это пробуждает во мне такие вещи, которые неуместны для семейных встреч.

— Итак, — я поворачиваюсь к Фрейе. — О каком сачковании он говорит?

— Мы с Фрейей выполняем челлендж по приседаниям, — отвечает Рен. — Но она не доложила о своём количестве повторений за прошлую неделю, — он показывает на длинные мускулистые ноги Фрейи, частично обнажённые рваными джинсовыми шортами. — Явно халтурит.

Фрейя щурится, стоя по другую сторону кухонного островка.

— Я не халтурю, — перевернув гигантскую бутылку вина над высоким стеклянным графином, она утаскивает кусочек фрукта с доски, где Элин занимается их нарезкой. — Просто я была занята работой, целый день ворочала туда-сюда человеческие тела. Я могу присесть, держа на плечах тебя, Рен.

Рен тихо присвистывает.

— Вызов принят.

Элин улыбается про себя.

— У тебя есть братья или сёстры, Фрэнки?

— Старшая сестра.

— Аа, — отвечает Элин, поглядывая на меня. — Значит, вы близки.

— Нет, не особо. Ну то есть, мы любим друг друга, но между нами вся страна и разница в возрасте.

— Хм, — Элин снова сосредотачивается на нарезке. У меня такое чувство, будто я провалила какой-то тест.

Уилла наклоняется ко мне и шепчет:

— Не волнуйся, ей просто любопытно. Тут нет правильного или неправильного ответа. Если я сумела влиться в эту семью, то кто угодно сможет, — выдвинув стул за кухонным островком, Уилла хлопывает по нему. — Идём, садись.

Рен открывает рот, наверняка собираясь сказать, что эти стулья убийственны для моих

бёдер, но я его опережаю.

— Рен, почему бы тебе не поздороваться с парнями? Я побуду тут немножко, а потом выйду и познакомлюсь с ними. Так у меня будет время освоиться.

Рен как будто разрывается, переводит взгляд между женщинами, словно не до конца им доверяет. Внезапно он показывает пальцем на Фрейю, затем на свою мать.

— Вы двое. Никаких позорных историй из ранних лет. Я и так достаточно выставял себя дураком перед Фрэнки.

Фрейя закатывает глаза.

— Почему мужики такие хрупкие? Нам есть о чём поговорить, помимо того случая, когда ты накакал в дедушкину шляпу, упавшую с вешалки и приземлившуюся вверх дном.

— Меня приучали к горшку! — орёт Рен. — Это выглядело в точности как детский горшок наверху.

Элин запрокидывает голову от хохота.

— Ох. Эта история вечно меня добивает. Каждый раз.

Зигги поднимает взгляд от телефона.

— Лучшая часть истории — никто этого не заметил, пока дедушка не надел шляпу на голову.

Уилла взрывается хохотом рядом со мной. Но я не свожу глаз с Рена, который стоит в трёх метрах от меня, покрасневший и смутившийся.

— Сорен...

В комнате воцаряется тишина.

— Как ты его только что назвала? — переспрашивает Фрейя.

Рен улыбается мне, игнорируя её.

— Да, Франческа.

— Я сделала практически то же самое.

Зигги роняет телефон на стол.

— Да?

— Угу, — вытянув руку, я жду, когда Рен подойдёт поближе. Когда он приближается, я обнимаю его одной рукой за крепкую тёплую спину. — Вот только я была на церковной службе и решила, что крестильная купель — это прекрасное место, чтобы сходить по-маленькому.

Уилла шлёпает ладонью по столу и ржёт.

— Да ладно?!

— Абсолютно серьёзно говорю, — я вожу ладонью по спине Рена, мягко потираю местечко между лопатками и смотрю ему в глаза.

«Видишь? Ты не одинок, пока я здесь».

Мне хотелось бы, чтобы он мог прочесть мои мысли, услышать, что я хочу ему сообщить.

И происходит совершенно забавная штука. Он как будто это и делает. Потому что Рен наклоняется, мягко целует чувствительное место за моим ушком и шепчет:

— Спасибо.

Только Рен направляется к раздвижной стеклянной двери, ведущей на террасу, как высокая блондинка распахивает дверь и налетает на него. Закрыв дверь за собой, она радостно приветствует всех. Золотистые волосы подстрижены по прямой линии и доходят до плеч. Искрящие глаза имеют оттенок, который будто колеблется между зеленью и синевой,

сушей и морем.

Она воплощение солнца.

И когда она смотрит на Рена, мне хочется призвать молнию и покарать её.

Он обнимает её в знак приветствия и быстро отходит. Стоя рядом друг с другом, они выглядят до невозможности идеально. В моём нутре зарождается очень странное, ужасное чувство.

Вот с такой девушкой я представляла себе Рена. Беззаботная общительная бабочка — эмоционально гибкая, уверенная в общении, раздающая улыбки как королева красоты на параде.

Она даже в чём-то похожа на него. Статная и высокая. Сильные черты лица, широкая улыбка, привлекательное тело.

— Ну? — она пихает его локтем под рёбра. — Могу я наконец-то познакомиться с ней?

Уилла прочищает горло.

— Поскольку сначала ты была моей подругой, Рустер, я бы хотела оказать честь. Руни, это Фрэнки. Возлюбленная Рена.

Так это Руни. Лучшая подруга Уиллы по колледжу.

Руни отходит от Рена, наклоняется и мягко обнимает меня.

— Очень рада наконец-то познакомиться с тобой.

Когда она выпрямляется и подмигивает мне, это так же ослепительно нервирует, как взгляд на солнце. Но может, я просто не привыкла к патологически позитивным людям вроде Руни. Она, похоже, превосходит в этом даже Рена.

— Взаимно, — выдавливаю я.

Фрейя мешает алкоголь в графине. Я смотрю, как он покорно кружится вслед за движениями длинной деревянной ложечки. Фрукты. Алкоголь.

Сангрия.

О слава Богу. Мне нужна целая бочка. Тут столько людей в одном месте, включая женщину, которая в этот момент неуверенной слабости лишь напоминает мне обо всём, в чём я кажусь неуместной.

— Катись отсюда, Рен, — говорит Фрейя, махнув рукой и делая пробный глоток из кувшина. — И если увидишь, как мой муж там корчит из себя спортсмена, передай — я надеюсь, что он споткнётся.

Элин шлёпает Фрейю по попе и бурчит что-то на шведском.

— Даже не подумаю, — Рен машет и открывает дверь. — Выходи поскорее, ладно? — говорит он мне.

Я киваю.

— Ладно.

«Очень скоро выйду, если мне дадут право выбора».

Руни плюхается рядом со мной, тянется к морковке и макает её в миску с хуммусом. Хрустя этим перекусом, она окидывает меня взглядом.

— Ты секси.

Уилла вздыхает.

— В этом мире совсем не осталось преданности, да?

Руни посылает ей воздушный поцелуй.

— Ты была моей первой, дорогая. Но потом предпочла Райдера. Мне пора двигаться дальше.

Я таращусь на них двоих.

— Вы двое... были... вместе?

— Они не говорят на нашем языке, Фрэнки, — отвечает Зигги, свайпая по экрану телефона. Мне кажется, она читает. На вечеринке в честь её дня рождения. Умница.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

Зигги поднимает взгляд.

— Это всё одна большая шутка. Если воспринимать что-либо буквально, как склонны делать мы с тобой, то это сильно сбивает с толку.

Руни смущённо улыбается.

— Простите. Дурная привычка. Я единственный ребёнок, который вырос на «Девочках Гилмор», но никто так и не стал Рори для моей Лорелай.

— Но тогда получается, что она была бы твоей мамой, — непонимающе говорю я.

Зигги поднимает ладонь.

— Вот и я об этом.

Уилла мягко похлопывает меня по руке.

— Руни имеет в виду, что ей нравится болтать. Много. И я тоже много болтаю. Мы постоянно пререкаемся, обычно ни о чём, но всё это с любовью. Понимаешь?

«Да не особо».

Я никогда не говорю, если не могу сказать нечто значимое, а если могу, то в таком случае мне очень много надо сказать. А разговоры ради разговоров очень утомляют.

Зигги улыбается мне, будто подумала о том же самом, затем утыкается обратно в телефон.

У двери на террасу появляется тень, и входит старший Бергман, Аксель. Он выше Рена и худой, будто бегаёт марафоны. У него длинные жилистые мышцы. Идеально прямая осанка. Он очень привлекательный, пусть и немного пугает суровым выражением лица. Зелёные глаза как у Райдера и Зигги. Взъерошенные шоколадные волосы как у Вигго.

Он застывает, увидев всех нас.

— Почему все смотрят на меня?

— Да кто ж отказался бы на него посмотреть? — бормочет Руни едва слышно.

Уилла хрюкает. Аксель прищуривается, глядя на неё.

— Никто на тебя не пялится, Акс, — говорит Фрейя, добавляя в кувшин вина. — Ты только что вошёл. Люди склонны смотреть на того, кто входит в комнату.

Аксель видит меня, но выражение его лица не меняется. Странное покалывание в затылке заставляет меня чуть выпрямиться.

— Ты Фрэнки, — говорит он. Его голос практически лишён интонаций. Поскольку лица сбивают меня с толку, для понимания контекста я полагаюсь на интонации. Но от этого нейтрального ответа ничего не улавливаю.

— Да. Ты Аксель, — я протягиваю руку. — Приятно познакомиться.

Прошагав в мою сторону, Аксель принимает мою руку и пожимает.

— Взаимно, — заметив Руни, он окидывает её повторным взглядом. — Твои волосы короче.

Она улыбается.

— Ага. Подстриглась. Что думаешь?

Он пристально смотрит на неё, увлажняя нижнюю губу языком.

— Ты поменяла причёску.

Её улыбка увядает.

— Тебе не нравится?

— У Акса аллергия на перемены, — сообщает Фрейя, помешивая сангрию. — Он едва не отрёкся от меня, когда я несколько лет назад сделала стрижку «пикси».

Аксель по-прежнему смотрит на Руни.

— Думаю... мне надо к этому привыкнуть. В моей голове у тебя длинные волосы.

— Ну, хотя бы я бываю в твоей голове, — отвечает Руни. Её улыбка возвращается с внушительной силой.

Прочистив горло, Акс пятится назад.

— Туалет, — сообщает он.

Три широких шага, и он скрылся. На кухне воцаряется неестественная тишина. А щеки Руни заливаются свирепым румянцем.

Глава 25. Фрэнки

Плейлист: Feist — Mushaboom

Уилла наклоняется и провожает Аксея взглядом, пока дверь вне пределов моей видимости не захлопывается. Вернувшись в реальность, она кидает кубик сыра в Руни. Тот отскакивает от её лба.

— Ты такая бесстыжая с ним.

Руни поднимает сыр и закидывает себе в рот.

— А он такой качок. Ничего не могу с собой поделать.

Элин улыбается про себя и ополаскивает руки. Фрейя ставит передо мной бокал сангрии, и я киваю в знак благодарности. Я толком не знаю, что сказать, поэтому делаю глоток напитка.

— Руни всегда западает на угрюмых, — говорит Уилла.

— Раньше западала, — поправляет Руни. — Я отреклась от мужчин.

Все женщины в комнате, кроме меня, взрываются хохотом.

— Ну правда! — говорит она. — Они все ужасные. Кроме Акса. Он другой.

— Да что ты говоришь? — переспрашивает Уилла, играя бровями.

— И давно ты, эм... — я откашливаюсь, пытаюсь завести небрежный разговор с ней. —

Отреклась от мужчин?

— Дай подумать, — Руни постукивает себя по подбородку и смотрит в потолок. — Пять недель. Это было ужасно. Но я заказала дилдо, и посылка вот-вот придёт, так что дела налаживаются.

Уилла хрюкает в свою сангрию. Элин остается невозмутимой, Фрейя едва слышно усмежается. Зигги читает и полностью пропускает этот диалог мимо ушей.

Когда кто-то озвучивает подобные факты в присутствии группы людей, он/она навеки завоёвывает моё расположение.

— Выпьем за это, — я поднимаю свой бокал. Руни чокается со мной, и когда она улыбается мне, я правда улыбаюсь в ответ.

После этого разговор завязывается без моей помощи, хотя я время от времени нахожу моменты, чтобы вклиниться. Вскоре в моём организме оказывается всего один бокал сангрии, но я уже покраснелась и расслабилась, слегка навеселе, и в эти самые моменты мне кажется, что я хоть немножко умею быть социально адаптированным человеком. Плыть по течению разговора и наслаждаться им, а не следить как за теннисным матчем, отчаянно пытаюсь уловить, кто подавал, и чья очередь отбивать.

Но в то же время я чувствую себя согретшейся и слегка взбудораженной, и я уже научилась понимать — это означает, что мне нужен свежий воздух и немножко тишины. Извинившись, я выхожу на заднюю террасу и едва не врезаюсь в отца Рена.

— Бл*дь! — восклицаю я. — То есть, блин. То есть...

Его смех так похож на смех Рена, что я невольно окидываю его повторным взглядом.

— Фрэнки. Я не святой. Ты можешь материться в моём присутствии, — поддержав меня, он ловко делает шаг в сторону. Его ладонь указывает мне присаживаться в кресло.

— О. Эм. Ладно, — я неловко плюхаюсь в кресло, беру со столика подставку под тарелку и начинаю обмахиваться. — Ещё раз извините, доктор Би, — я слышала, что Уилла и

Руни называют его так, поэтому это кажется логичным вариантом. — Я не смотрела, куда иду.

Он машет рукой, слегка постанывая и опускаясь в кресло напротив меня.

— Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? Эти монстры, которых я воспитал, вымотали меня.

— Как вам угодно, — отвечаю я.

— Спасибо.

Я улыбаюсь, наблюдая, как все пятеро братьев Бергманов подбрасывают футбольный мяч, пытаюсь удержать его в воздухе. Вигго отбивает грудью, затем отправляет мяч в сетку, после чего единственный незнакомый мне брат, который методом исключения получается Оливером, бежит и подхватывает его. Мой взгляд скользит по газону за нами, просторному и ровному, расположенному между цветами и рощей деревьев вдали. Сумерки — это моё любимое время суток, когда небо становится персиковым и фиолетовым, а воздух — более прохладным.

Переведя взгляд, я застываю. Штанина доктора Би приподнялась достаточно, чтобы обнажить титановый штырь вместо лодыжки. Я таращусь в абсолютном шоке.

Он с тихим стоном массирует мышцы выше колена, глядя во двор на своих сыновей, и его лицо согревает тёплая улыбка. Глянув в мою сторону, он замирает, его взгляд изучает моё выражение.

— Он тебе не сказал?

Я качаю головой.

— Мой сувенир из армии, — говорит он, похлопывая себя по бедру. — Ноет после долгого дня и попыток поспевать за ними. Прости, если я расстроил...

— Нет, — выпаливаю я.

Моё сердце бешено стучит. Почему Рен мне не сказал? Я столько металась и терзалась из-за потенциальных сложностей со мной в отношениях, а он не подумал, что мне поможет знание того, что он вырос, своими глазами видя подобную любовь?

«Видишь? Нормальные отношения между здоровым человеком и человеком с ограниченными возможностями реально существуют», — злорадствует маленькая Лорена на моём плече. Я испытываю желание смахнуть её с себя, не будь она плодом моего воображения, и не будь это потенциальным поводом для беспокойства со стороны папы Рена.

— Прошу, не извиняйтесь, — наконец, выдавливаю я хрипло, поднося ладонь к горлу и нервно потирая его.

Доктор Би улыбается мне, и это ещё одна очень похожая на Рена черта.

— Если тебе будет лучше, ты не первая, кого я удивил. Думаю, иногда мои дети забывают, что такое не для всех нормально. Они-то не знали другого.

— Каково это? Иметь суровую и требовательную профессию, состоять в браке, воспитывать детей, и все это с...

— С физическими ограничениями? — он смотрит на поле и вздыхает. — Иногда тяжело. Иногда обескураживает. Но всегда ведёт к исцелению.

— Почему? Почему к исцелению?

Доктор Би барабанит пальцами по подлокотнику кресла.

— Ну... когда это случилось, Фрейя была детсадовского возраста, а Элин была беременна Акселем. Я был сокрушён. Я думал, что никогда не сумею дать своей жене и

детям всё необходимое. Во всяком случае, не так, как я себе представлял. Я никогда не смог бы практиковать медицину так, как надеялся это делать. Мне казалось, что моя жизнь кончена.

— Но потом родился Аксель, я взял его на руки, эти глаза, так похожие на мои, посмотрели на меня, и что-то щёлкнуло в мозгу. Я осознал, что он любит меня. Он уже любит меня таким, какой я есть. Я создал его с его матерью, он моя плоть и кровь, и отсутствие ноги ничего не меняет. Наконец, я понял, что моя жизнь не кончена. Пришёл конец лишь моим представлениям о жизни.

— Тогда я полностью отпустил свои старые ожидания, представления о том, какой должна быть моя жизнь, и вместо этого любил свою жизнь как дар. Всё это дар — сердце, бьющееся в моей груди. Дыхание в моих лёгких. Жена и дети, любящие меня таким, какой я есть.

Перед глазами всё расплывается от слёз. Я вытираю лицо, когда влага начинает скатываться по щекам.

— Это очень... вдохновляет, — шепчу я. — Спасибо, что рассказали мне.

Он кивает, на мгновение удерживая мой взгляд, затем мы оба смотрим в сторону поля. Промокая влагу под глазами, я осматриваю протяжённость травы, пока не нахожу Рена на позиции вратаря. Как раз когда Оливер совершает бросок пенальти, Рен кидается в сторону и совершенно промазывает. Все пять братьев предаются веселью, выражающемуся в разных позах и воплях, и доктор Би смеётся, наблюдая за ними. Словно зная, что я смотрю на него, Рен поднимает взгляд, вставая, и встречается со мной глазами. Его смех стихает. Моё сердце пропускает удар в груди.

Внезапно дверь вновь отодвигается, и выскакивает Зигги, буквально бросаясь на своего папу и приземляясь на его колени. Охнув, он ловит её, а она целует его в щёку и обвивает руками шею. Я испытываю облегчение, видя столь лёгкое проявление привязанности. Это означает, что её родители перестали поддерживать такое расстояние между ними и Зигги, а ей вновь комфортна физическая близость.

— Привет, Зигги Звёздочка, — шепчет он, обнимая её обеими руками.

— Привет, папочка, — Зигги бросает на меня взгляд и поудобнее устраивается на его коленях, будто вовсе не комично, что такая высокая и длинноногая девушка взгромоздилась на своего папу. Это мило, невинно и абсолютно в духе Зигги. Она во многих отношениях до сих пор девочка. Совсем как и я в свои подростковые годы.

Доктор Би прижимается щекой к её макушке и вздыхает, вокруг его глаз виднеются счастливые морщинки.

— Ты знаешь, в честь кого назван Рен? — спрашивает он у меня.

Я киваю.

— Кьеркегор.

— Верно. Ближе к концу беременности Элин Реном я читал его «Дело Любви». Я читал ей вслух, пока она нежилась в ванне, когда я уже уложил Фрейю и Аксея спать. Всё просто сложилось. Имя, его философия...

— Я не знакома с Кьеркегором в каких-либо подробностях, — честно говорю я.

Доктор Би смотрит на меркнувший свет дня и улыбается.

— «Осмелиться — это на мгновение утратить почву под ногами. Не осмелиться — это утратить себя».

— Другую, папочка, — тихо говорит Зигги.

Он целует её в лоб.

— «Наиболее распространённая форма отчаяния — не быть тем, кто ты есть».

Зигги улыбается.

— Вот эта моя любимая.

— А моя любимая, — говорит доктор Би, поудобнее устраивая Зигги на своих коленях, — это...

Вклинивается новый голос. Я оборачиваюсь через плечо и вижу Рена, улыбающегося мне и держащего руки в карманах.

— «Обманом лишить себя любви, — говорит он, — это самая ужасная форма лжи; вечная потеря, для которой не существует компенсации».

В моём рту сухо как в пустыне. Я облизываю губы и чувствую, как плавлюсь в жаре его взгляда.

— Хорошая.

Рен кивает.

— Да, хорошая.

— Фрэнки! — орёт голос снизу.

Я поворачиваюсь и выглядываю за перила террасы, шурясь, чтобы найти говорившего.

— Да?

Вигго машет рукой.

— Спускайся сюда. Мне нужен напарник.

Я смотрю на поле. Они готовятся... к бадминтону? Оливер и Аксель с помощью Райдера натягивают сетку. Я нигде не вижу мужа Фрейи, Эйдена. Взглянув на Рена, я замечаю, что он сердито смотрит на Вигго, стиснув челюсти.

Встав, я протискиваюсь между столом и креслом и салютую доктору Би и Зигги.

— Приятно было пообщаться. Ну а теперь пора пойти, чтоб мне надрали задницу в бадминтоне.

Доктор Би улыбается и похлопывает Зигги по спине, удерживая мой взгляд.

— Иди и покажи им, как это делается.

Глянув на Рена, я улыбаюсь. Его руки на бёдрах. Щёки покраснелись. Стойка Сердитого Рыжего Великана. Я обвиваю рукой его талию и улыбаюсь ему.

Рен хмурится, а я держусь за него, пока мы спускаемся с крыльца на задний газон.

— Я же сказал Вигго, что крокет будет лучше, — ворчит он.

— Возможно. Но я думаю, что смогу оборонять свой угол сетки. Мы разделим территорию, и я буду придерживать своего участка, — я похлопываю его ладошкой по щеке. — Помни. Давай мне шанс. Не предполагай, что я не смогу.

— Я стараюсь. Я... — он вздыхает. — Можно я буду честен?

— Всегда. Пожалуйста.

— Ладно, — он проводит рукой по своим волосам и грубо дёргает за пряди. — Я волнуюсь, что ты пострадаешь. Не потому что считаю, что ты неспособная, или что бадминтон за пределами твоих возможностей — я так не думаю, правда, но посмотри на нас... — он показывает на своих братьев, которые все ростом метр восемьдесят и выше, а весом от 90 кг.

— Ну, справедливо. Но это же не контактный вид спорта.

— В доме Бергманов абсолютно всё является контактным видом спорта.

Я смеюсь.

— Ладно. Я буду осторожна.

Рен обхватывает рукой мои плечи и целует в волосы. Моя голова ложится на его плечо в такой манере, что я могу видеть происходящее за его спиной... где Оливер украдкой подбирается к Рену. Я видела эту его позу. Это поза «я вот-вот стяну с кого-то штаны».

Втиснувшись перед Реном так, чтобы заслонить его собой, я поднимаю трость и указываю ей на Оливера.

Младший брат Рена широко улыбается, замерев на месте.

— Беллатриса срывает планы. Что же она сделает?

— Я, может, и из Слизерина, — говорю я ему. — Но я не Пожирательница Смерти.

Райдер переводит взгляд между нами.

— Это что такое, чёрт возьми? Я только что провалился на девятый круг задротского ада?

Рен отпихивает его.

— Отвянь. Она меня защищает.

Оливер широко улыбается, делая обманный маневр вправо. Я взмахиваю тростью и ору:

— Остолбеней!

Он идеально замирает в полуприседе, приоткрыв рот.

— И это всё, что у тебя есть? — окликает Вигго.

Подняв трость повыше, я дотрагиваюсь кончиком до груди Оливера.

— Локомотор Мортис.

Стараясь не улыбаться, Оливер резко выпрямляется, соединив ноги, и бревном падает на траву. Взрыв аплодисментов доносится с террасы, где стоят Зигги, доктор Би, а теперь ещё и Уилла, Руни и Элин.

— Вуухууу, Фрэнки! — вопит Уилла.

Не успев ответить, я уже оказываюсь в объятиях Рена, и он мягко целует меня в щёку.

— Ты спасла меня, — шепчет он.

Я улыбаюсь ему и краду поцелуй.

— Действительно.

Глава 26. Рен

Плейлист: Nick Jonas, Tove Lo — Close

— Что происходит с Фрэнки? — спрашивает Энди. — Она на этой неделе особенно ворчливая. И я даже не видел, как она сегодня ушла, — стянув форму через голову, он бросает её и стряхивает пот как мокрый пёс. Я сижу на скамейке и смотрю на свой шкафчик. Как в трансе.

«Приходи домой голодным».

Вот что говорится в её сообщении. Как только прозвучал сигнал об окончании игры (с минимальным перевесом в нашу пользу), Фрэнки растворилась в толпе персонала, пока какой-то пиар-интерн разбиралась с завершающей работой и быстрыми интервью, явно подменяя её. Как только мне представилась возможность, я пришёл в раздевалку и шарился в своей сумке, пока не нашёл телефон. Потому что я знал, что она не уехала бы вот так без объяснений.

«Приходи домой голодным».

Я нервно сглатываю. Интерпретировать это сообщение можно двумя способами. Один из них пронизывает всё моё тело похотью.

Толчок в плечо заставляет меня поднять взгляд.

Энди всё ещё тут.

— Что ты говорил? — переспрашиваю я всё так же в трансе.

— Я спрашивал... — он снова толкает меня, и на сей раз я толкаю его в ответ, отчего он отлетает до своего шкафчика. — Что происходит с Фрэнки?

Я снимаю шлем и бросаю на пол, проводя пальцами по волосам.

— Её опять беспокоит желудок, — вру я наобум.

— Ну, хотя бы это не та гадкая зараза, которую притащил Мэддокс.

Мэддокс слёг с бронхитом. А до этого неделю выкашливал свои лёгкие перед всеми нами. Перед Фрэнки. Я сжимаю руки в кулаки и стараюсь медленно выдохнуть. Если она заболит из-за его беспечности...

Энди морщит нос.

— Просто странно. Фрэнки всегда такая суровая. Хоть больная, хоть нет, она всегда здесь. Как думаешь, она в порядке?

Похлопав его по руке, я отрешённо улыбаюсь.

— Думаю, с ней всё будет хорошо.

— Эй, — Крис подходит ко мне. — Вы видели Фрэнки? Как-то странно без неё.

Энди закатывает глаза.

— Чувак. Он только что сказал, что у неё болит живот. Научись слушать, ладно?

Пока эти двое пререкаются, я перестаю их слушать, быстро раздеваюсь и хватаю полотенце. Проходя мимо и слыша их продолжающийся разговор, я невольно думаю о том, что Крис прав, и как странно не видеть её здесь. И какими неподготовленными мы окажемся, когда лишимся её навсегда.

Шагнув под струи душа, льющиеся на моё тело, я чувствую давление тревоги в груди. Страх, что она не всегда будет со мной, робкой надежды, что куда бы ни завела её жизнь дальше, я буду рядом, потому что мы выстроили меж собой нечто крепкое и длительное...

«Между вами точно есть нечто крепкое и... длинное, идиот».

Я смотрю на свой стояк. Куда ж он денется. Торчит прямо и мучительно неудовлетворённо; эти слова буквально описывают последние несколько недель. Одна лишь мысль о Фрэнки заставляет меня изнывать, так всегда было. Но в последнее время пытки усилились из-за всего времени, что мы проводили вместе, из-за её запаха ночного воздуха и орхидей, из-за ощущения шёлка её волос на моей щеке, когда она прижимается ко мне, из-за обнимания её в постели и прижимания её мягкого тела к моему твёрдому.

Ключевое слово — «твёрдому».

Мой член сердито дёргается от воспоминания о том, как она, кончая, выгибается навстречу моим прикосновениям, как её полная попка прижимается ко мне, когда она засыпает.

Застонав, я шлёпаю рукой по кафелю и делаю воду ледяной, затем дрожу и быстро моюсь. Это работает. Я беру своё тело под контроль, но мысли всё равно возвращаются к Фрэнки. Как она прикусывает губу, пока думает. Как прижимается ко мне в объятиях, позволяя мне покачивать её из стороны в сторону и целовать. Как мы сплетаемся в постели, изучая, познавая тела друг друга через одежду и касания украдкой.

Схватив полотенце с крючка и обернув им талию, я шагаю к своему шкафчику. Нет необходимости переодеваться в душевой зоне, раз я знаю, что Фрэнки тут нет.

Да, моя скромность в этом отношении была целиком и полностью для неё. Поскольку я надеялся, что если она не увидит меня с оголённым достоинством, я не буду для неё просто одним из парней, которые не удосуживаются прикрыться в её присутствии. Совсем как её тело было и до сих пор по большей части является загадкой для меня, я хотел, чтобы моё тело было загадкой для неё.

«Приходи домой голодным».

Это должно означать нечто большее, чем просто поздний ужин. Мой желудок скручивает нервозностью. Я достаю телефон, снимаю блокировку и печатаю:

«Слушаюсь, мэм».

Когда я закрываю за собой входную дверь, весь воздух вырывается из меня. Фрэнки стоит у плиты с бокалом вина и покачивается под музыку, играющую на телефоне. Медленный, чувственный ритм заставляет трепетать её крохотные пижамные шортики. Прозрачный как салфетка топ спадает с одного плеча, волосы собраны на макушке, и лишь отдельные невесомые шоколадные прядки ласкают её шею.

Обернувшись через плечо, она улыбается и ставит бокал вина.

— С возвращением.

Я сокращаю расстояние между нами, обхватываю ладонью её рёбра и притягиваю к себе. Я целую её, посасываю нижнюю губу, дразню язык.

— Рен, — произносит она с придыханием. — Всё в порядке?

Покачивая головой, я целую её в шею, прикусываю зубами мочку уха, заставляя её дёрнуться, а потом растаять в моих руках.

— Мне тебя не хватало, — шепчу я.

Её смех тихий, запыхавшийся.

— Прошёл всего час.

Я накрываю ладонями её щёки, поворачивая её лицо так, чтобы иметь возможность

поцеловать все места, которые мне хочется.

— Нет, — бормочу я. — Прошли годы.

Фрэнки замирает, склонив голову набок и подняв ладонь к моей щеке. Её глаза всматриваются в мои.

— Что такое, Рен? — тихо спрашивает она.

Я отстраняюсь достаточно, чтобы удерживать её взгляд, и поглаживаю большим пальцем ямочку на её щеке.

— Просто один из парней кое-что сказал. Это заставило меня нервничать и грустить.

— Что именно?

— Когда ты уйдёшь, — шепчу я, — я буду по тебе скучать.

Её лицо смягчается.

— О, Рен. Я тоже буду по тебе скучать. Но... — моргнув, она приглаживает мои волосы. — Ну то есть, при условии, что мы всё ещё будем вместе. Я надеюсь, что будет так...

Я целую её.

— Фрэнки, — шепчу я ей в губы. — Боже, я сделаю что угодно... — эта правда крепкая и стабильная, подобная биению сердца в моей груди.

«Я люблю тебя».

Всегда любил. Я любил её с того самого момента, как впервые увидел. Каким-то необъяснимым образом это так и случилось.

Я снова целую её, сплетаясь языками, прижимая её бёдра к моим, показывая, как сильно я в ней нуждаюсь.

— Ты знаешь, как долго я тебя хотел? — говорю я ей в шею, проводя языком по ключицам.

Она вздыхает.

— Я тоже, — её руки поднимаются к моему галстуку, берутся с узлом. Я рывком ослабляю его, затем нападаю на пуговицы рубашки. Фрэнки хватается за пряжку моего ремня и дёргает с такой силой, что теряет равновесие и едва не налетает на плиту. Я ловлю её за локоть и обвиваю одной рукой, чтобы поддержать.

— Чёрт, — бормочет она, глядя на еду, которую готовила.

Я тянусь мимо неё, выключая конфорки.

— Потом.

Она кивает, приподнимаясь и целуя меня, обвивая руками мою шею. Я подхватываю её и заставляю обвить ногами мою талию.

— Так тебе не больно? — спрашиваю я, не отрываясь от её губ.

— Нет, — шепчет она, роня голову и подставляя шею для моих поцелуев.

Я стону, когда она тянется между нами и накрывает меня ладонью через брюки.

— Закончились? — спрашиваю я.

Она пылко кивает.

— Сегодня. Слава Богу.

Посадив её на кухонный шкафчик, я отстраняю её от себя, затем прокладываю дорожку поцелуев по её животу. Я стягиваю её шорты ниже по ногам, затем и вовсе отбрасываю в сторону.

— Что ты... О Господи, — ахает она, мягко опираясь руками на холодный гранит.

— Ты сказала приходить домой голодным, — я целую её живот, опускаясь языком всё ниже и ниже. — И я более чем счастлив подчиниться приказу.

Мои ладони раскрывают её, и я наконец-то, наконец-то вижу её вблизи, вдыхаю. Мягкая бархатная кожа, тёмные завитки, по которым я провожу пальцами. Изучая нежную кожу её живота, я тянусь выше и накрываю её грудь.

— Ты посмотри на себя. Идеальная.

Она выгибается мне навстречу, пока я дразню её соски и оставляю медленные, влажные поцелуи на внутренней стороне бедра.

— Рен, ты не обязан...

— Даже не утруждайся заканчивать это предложение, Фрэнки. Я умру, если не сделаю этого.

Она смеётся, задыхаясь.

— Такой драматичный... — у неё вырывается хриплый вздох, когда я наклоняюсь и провожу языком по тому месту, где она тёплая и влажная, порочно мягкая. Мой большой палец дразнит её клитор лёгкими, невесомыми касаниями, пока я пробую её на вкус и пронзаю языком.

У неё вырываются тихие, повторяющиеся крики. Её пальцы вплетаются в мои волосы, но не тянут, не давят, не направляют. Она колеблется.

— Ты сдерживаешься, Франческа?

Она шумно выдыхает.

— Н-нет.

— Ты берёшь то, чего тебе хочется?

Она кивает, но этот жест медленный. Робкий.

Я дёргаю её бедра к краю столешницы, накрываю ладонями её задницу, затем опускаюсь на колени и закидываю её ноги себе на плечи.

— Неправда.

Фрэнки издаёт надломленное рыдание, когда я накрываю её ртом и имею своим языком. Ввожу один палец глубоко внутрь, где она мягче, нежнее, и такая невероятно влажная. Затем два. Я хочу, чтобы она была готова. Не хочу причинить ей боль, когда окажусь внутри. Я желаю для Фрэнки лишь удовольствия, больше никакой боли. Не больше, чем уже есть в её жизни.

Она сладкая как мёд, как тёплый шёлк. Я утыкаюсь носом, легонько покусываю, затем наконец опускаю губы к её крохотному набухшему клитору и нежно посасываю...

— Да! — она ударяет ладонью по столешнице шкафчика и толкает бедра навстречу моему лицу.

Я отстраняюсь ровно настолько, чтобы нежно куснуть её бедро и тут же поцеловать.

— Скажи мне, чего ты хочешь.

— Я... — она снова вскрикивает, когда я игриво дразню её клитор пальцем. — Я хочу сильнее. Грубее.

— Ты хочешь трахнуть моё лицо.

— Иисусе, — стонет она. — С тебя станется оказаться неожиданным королём грязных фразочек.

— Скажи мне.

— Я хочу трахнуть твоё лицо! — орёт она.

Улыбаясь ей, я опускаю рот так, чтобы моё дыхание обдавало её блестящие от влаги и порозовевшие складочки.

— Так сделай это.

Когда я снова принимаюсь ласкать её языком, удерживая поближе к себе, она бешено и безудержно трётся, скачет на моем лице, сжимает мои волосы в кулаке, направляет меня, пока не взрывается с хриплым криком.

Её бедра крепче сжимаются на моих плечах. Она снова кричит, и на сей раз следом раздается хрипкое рыдание. Губами я чувствую мягкие пульсирующие волны. Прилив сладкой разрядки ударяет по моему языку, и я стону, рефлекторно накрывая себя ладонью. Я едва не кончаю только от её вкуса.

Она тяжело дышит, содрогаясь от дрожи, а я встаю, подхватываю её на руки и иду по коридору. В спальне я медленно опускаю её по своему телу, ставя на ноги и стискивая зубы, когда она задевает мой пах.

Фрэнки смотрит на меня, положив ладони на мою грудь. Время замедляется, из звуков слышен лишь рёв океана вдали и наше размеренное дыхание. Она осторожно заводит пальцы под мой пиджак и скидывает его. Сдёрнув рукава с моих рук, она бросает его на стул рядом. Я смотрю на неё, снимая галстук и быстро расправляясь с оставшимися пуговицами. Фрэнки торопит меня, дёргая ткань, пытаясь стянуть нижнюю майку.

Когда я оказываюсь голым по пояс, она прижимается горячим поцелуем к моей груди, царапает зубами сосок.

— Боже, — я стискиваю её волосы в кулаке, прижимаю к себе.

Фрэнки отстраняется, и я справляюсь с её маечкой, стянув ту через голову. При виде неё из моей груди вырывается стон. Она такая красивая. Дух перехватывает куда сильнее, чем я мог себе вообразить. Я смотрю на неё, и моё сердце оглушительно колотится. Мягкие груди с напряжёнными сосками. Длинные мышцы, безумно привлекательный изгиб бёдер. Золотистая кожа. Я провожу ладонями по её талии и вздыхаю. Она такая мягкая.

— Ты такая красивая, Фрэнки. Просто невероятно красивая.

Она улыбается и привстаёт на цыпочки, даря мне долгий, медленный поцелуй.

— Снимай одежду, — шепчет она, опять опуская руку к пряжке ремня. — Я хочу на тебя посмотреть.

Я скидываю брюки и боксёры-брифы, снова подхватываю её и несу к кровати. Аккуратно уложив её, я стою рядом.

Она прикусывает губу, пока её взгляд бродит по моему телу.

— Сорен. Ты великолепен.

Её бедра потираются друг о друга, пока она смотрит на меня. Я развожу её ноги и сжимаю себя в кулаке; медленное движение рукой по всей длине члена порождает хрипый стон, пока я смотрю на неё. Свирепая, примитивная сила побуждает меня прикоснуться к себе, пока я смотрю на самые интимные её части.

— Вот что ты делаешь со мной, Фрэнки. Ты делала это годами. Делала меня таким твёрдым, что я изнаиваю.

— Ну, это кажется справедливым, — отвечает она будто в трансе. Она смотрит на мою длину, пока я работаю кулаком; её глаза широко раскрыты, губы приоткрылись. — Учитывая, что я слишком долго была позорно влажной в твоём присутствии. Ты вообще знаешь, как некомфортно ходить в промокших трусиках, Рен?

У меня вырывается рычание. Опустившись на нее, я просовываю руку под её спину и подтягиваю выше по кровати вместе с собой, устраиваясь между её бедер.

— Сейчас будет признание.

Её ладони поднимаются по моим рукам и обхватывают мою голову.

— Я слушаю.

— Я ужасно боюсь, что всё это будет катастрофой.

Она смеётся и целует меня.

— Это невозможно. Это же ты и я. Мы разговариваем. Показываем друг другу, что нам нужно.

Я нагибаюсь и целую её, растеряв слова. Моё сердце грохочет в груди, плечи напрягаются от тревоги. И словно почувствовав это, ладони Фрэнки скользят по моей спине и принимаются мягко массировать плечи.

— Посмотри на меня, — шепчет она, убирая мои волосы от лица и улыбаясь мне. — Доверяешь мне?

Я киваю.

— Хорошо. Я тебе тоже доверяю.

Мы с Фрэнки уже поговорили о предохранении. Проверились и показали справки. Согласились, что не хотим, чтобы нас что-то разделяло. А значит, ничто не мешает нам наконец-то соединиться так тесно, как только физически возможно соединиться двум людям.

Взяв её руки в свои, я завожу их за её голову. От этого её груди приподнимаются, становится заметнее изгиб рёбер и впадинка между бёдрами, ждущая меня. Я опускаюсь на неё, удерживая взгляд.

Медленно, не дыша, я проникаю в неё буквально на несколько сантиметров и останавливаюсь. Фрэнки хватается ртом воздух, зажмурившись. Это не похоже на всё то, что я испытывал прежде. Тепло, тесно, невероятно гладко и в то же время как будто нет.

— Ты в порядке? — шепчу я.

Она лихорадочно кивает. Затем качает головой.

— Ты огромный. Это всё равно что пытаться загнать грузовую фуру в малюсенький переулок.

Я смеюсь, не отрываясь от её шеи.

— Прости. Я буду действовать медленно. Хочу, чтобы тебе было хорошо, — шепчу я.

Она нежно целует меня.

— Об этом я не беспокоюсь, — шепчет она в ответ.

— Хорошо. Хоть кто-то из нас двоих не беспокоится.

У неё вырывается смешок, и мне приходится стиснуть зубы из-за того, как её тело напрягается вокруг меня.

— Просто дай мне, типа... пять часов, чтобы привыкнуть, — бормочет она.

— Мне повезёт, если я продержусь хоть пять минут, Фрэнки.

— Пока можешь, двигайся медленно, хорошо? — шепчет она. — Так лучше. Нежнее. Вот так.

По её подсказке я ослабляю хватку и отпускаю её руки. Схватив меня за задницу, она направляет меня, отводя свои бёдра назад, а затем приподнимая вперёд. Весь воздух шумно вылетает из моих лёгких.

— Боже, ты ощущаешься невероятно, — я накрываю её губы своими, целую, пробуя на вкус, деля один воздух, пока я следую за её ритмом и инстинктами своего тела. Я отстраняюсь и беспомощно стону, вновь проникая внутрь.

Держа вес на локтях по обе стороны от её лица, я целую её шею, подбородок, губы, наконец-то погрузившись так далеко, что чувствую — глубже войти не получится.

Фрэнки ахает. Я рефлекторно отстраняюсь, но она останавливает меня, хватая воздух ртом.

— Всё хорошо. Продолжай, ладно?

Нужда моего тела толкаться и вбиваться берёт верх. Это слишком резко, слишком чересчур.

— Я не хочу причинить тебе боль.

— Не причинишь, — нежно говорит она, снова скользя ладонями по моему заду, направляя меня, притягивая к себе. — Обещаю, не причинишь.

Волны мышц сжимаются вокруг моего члена. У меня вырывается вздох, когда я отстраняюсь, затем вхожу в неё в размеренном и медленном ритме. Я чувствую, как по моим ногам будто пробегают искры, свирепая потребность в движении направляет меня.

— Ещё, — шепчет она. — Ещё.

Мы стонем в губы друг друга, пока я толкаюсь в неё, а Фрэнки крепко меня обнимает. Её бедра двигаются в ритме с моими, сначала медленно, затем нетерпеливо. Ускоряясь.

— Быстрее, Рен, — хрипит она. — Быстрее.

Последние нити моего колебания лопаются, выпуская поток нужды. Я нахожу большим пальцем её клитор и размеренно потираю в ритме с каждым толчком. Быстро. Намеренно. Шлепки кожи по коже, тихий ритм её вскрикивания. Снова волны, трепещущие и слабые, дразнящие спазмы по всей моей длине, пока наши тела движутся вместе.

Я уже так близок, что мне приходится остановиться. Ещё один толчок, и я сорвусь. Погрузившись в неё, я целую груди Фрэнки, грубо сосу её соски. Моё тело дрожит, пока я сдерживаюсь.

— Рен, всё хорошо, — мягко говорит она. — Ничего страшного, если ты кончишь. Ты уже довёл меня...

— Нет, — бормочу я в её кожу. — Я хочу почувствовать, как ты кончишь со мной. Я хочу почувствовать, как ты кончаешь на моём члене. Мне это нужно, Фрэнки.

Её тело крепче сжимается вокруг меня.

— Мне тоже, — тихо говорит она.

— Тогда позволь мне сделать это, — я дразню её клитор, посасываю соски и медленно двигаюсь в ней.

— Да, — тихо повторяет она. Её руки блуждают по моему телу, пока она извивается подо мной. — Уже близко, — бормочет она. — Я кончаю. О Боже...

Она содрогается подо мной, и хватка её тела резко сжимает мою длину. Я хочу замереть и смаковать каждую секунду, пока она разлетается на кусочки, но не могу. Мне нужно двигаться. Это непоколебимое требование, всепоглощающая нужда свирепо толкаться внутри неё, и вот молния простреливает мой позвоночник, и я вдалбливаюсь в неё с финальным рёвом.

Я проливаю своё семя так долго, что перед глазами уже начинают плясать звёздочки, и только потом мне удаётся вдохнуть. Фрэнки дрожит всем телом, пока я нежно целую её горло, подбородок.

Опустившись на Фрэнки, я поворачиваю её вместе с собой так, чтобы она прижималась к моему боку, а её больное бедро не лежало на матрасе и аккуратно покоилось на мне. Мои ладони бродят по её коже, губы прикасаются к щекам, и наконец наши рты встречаются, ладони нежно обхватывают лица, и мы оба протяжно и удовлетворённо выдыхаем.

Фрэнки приоткрывает глаза и улыбается со счастливым вздохом.

— Я же говорила, что нам не о чём беспокоиться.

Глава 27. Фрэнки

Плейлист: Lana Del Rey — Cinnamon Girl

Рен отбрасывает в сторону маленькое полотенце, которым он нежно вытер меня между ног и свою длину. Плюхнувшись обратно на кровать и притянув меня поближе, он смотрит в потолок, и лунный свет придаёт его волосам прохладный медный оттенок. Его кожа такая же бледная, как лучи луны, а взгляд напоминает ледяное зимнее небо. Тугие крепкие мышцы бугрятся на его руках, когда он обнимает меня. Я трогаю его везде, где только могу, провожу руками по длинным мускулам, крепкой коже, резкому изгибу там, где бедро переходит в задницу.

— Вау, — сипло сглотнув, он поворачивается ко мне. — Это было... нормально для тебя?

Я смеюсь и оставляю поцелуй на его шее.

— Намного лучше. Намного лучше, чем просто нормально. Это было вау, — переплетая наши пальцы, я целую его в ладонку. — А как насчёт тебя?

Он мотает головой из стороны в сторону.

— Ничто... ничто даже близко не сравнится с тем, что я только что испытал с тобой, — прижавшись губами к моему лбу, он тесно прижимает меня к себе, затем смотрит на меня, задыхаясь, и его глаза сверкают.

Улыбаясь, он убирает мои волосы со лба.

— Ты невероятная, — тихо говорит он.

Я провожу ладонью по его груди и целую в район сердца.

— И ты тоже.

Закинув ногу повыше на него, я провожу ладонью по рельефу его тела, прослеживая контуры мышц и костей. Я целую его, проводя ладонью по его животу, нежно прикасаясь к нему. Даже без эрекции он толстый и тяжёлый.

А я уже изнываю от желания большего.

Я наблюдаю, как с каждым прикосновением он твердеет. Я испытываю нечто сродни исступлению, узнавая эту новую сторону Рена — его возбуждение, его желания, каждую своеобразную деталь его удовольствия.

Он запрокидывает голову, когда я опускаю руку ниже, когда мои пальцы накрывают его, изучая мягкую бархатистую кожу, жёсткие мышцы. Его пресс сокращается, рука сильнее сжимает моё плечо.

— О чёрт, — бормочет он. Его бёдра дёргаются, когда он вжимается в мою ладонь. Я медленным дразнением прохожусь по его телу, прокладывая дорожку поцелуев вниз по рёбрам, по узкой дорожке волос, ведущей к его эрекции.

— Фрэнки, ты не обязана...

— Я хочу, — шепчу я. Я хочу попробовать его на вкус. Я хочу подарить ему удовольствие ради удовольствия. И это будет первый раз, когда он мне позволил.

Рен стонет, и его бёдра перекатываются, когда я делаю первое, мягкое лижущее движение. Он тянется к моей талии и разворачивает меня так, чтобы дотянуться до местечка между моих бёдер. Потирая мой клитор большим пальцем, он запускает в меня два пальца.

У меня вырывается хриплый крик, после чего я стискиваю основание его члена и беру

его глубоко в рот. Мои ноги трясутся, пока он поглаживает мою точку G, массирует клитор. Рен дышит неровно, свободной рукой мягко накрывает мою голову и запутывается пальцами в моих волосах.

— О Боже, Фрэнки. Твой рот. Иисусе.

Я стону от удовольствия, наблюдая, как он рассыпается на части от моих прикосновений. Я встречаюсь взглядом с этими бледными глазами, которые распахиваются шире, когда бёдра сбиваются с ритма.

— Близо, — шепчет он, предупреждая меня и пытаюсь отстраниться. Я качаю головой, крепко держа его в своей хватке.

«Останься. Я хочу этого».

Мой оргазм зарождается в самом центре моего нутра и расходится во все стороны. Рен чувствует это, его глаза раскрываются шире, а затем словно пьянеют, пока он толкается в мой рот. Весь воздух вылетает из моих лёгких, когда я срываюсь, и перед глазами пляшут искорки. Рен с болезненным криком выгибает спину и проливается горячими, долгими импульсами мне в горло. Его дыхание хриплое и сбивающееся. Я медленно отпускаю его, напоследок поцеловав головку, и улыбаюсь ему.

Безо всякой преамбулы он тянется ко мне и прижимает вплотную к своему телу. Спустя несколько тихих мгновений он прикасается прохладными губами к моей шее, к губам, и тяжело и удовлетворённо выдыхает.

— Ну, Зензеро, — довольно говорю я ему в шею. — Не то чтобы я удивлялась, но твой статус «Новичка Года» и самого ценного игрока команды остаётся неизменным.

У него вырывается рокочущий смех, и он прижимается к моим губам нежным поцелуем.

— У меня такое чувство, будто мы только этим и должны заниматься. Будто мне хочется уволиться и остаток жизни заниматься этим с тобой.

— Знаешь что? — шепчу я.

— Что?

— Для этого и предназначено межсезонье.

Его лицо озаряется тёплой, озорной улыбкой.

— Всё желание выиграть серию только что вылетело в трубу.

Раньше утро после секса с кем-либо казалось мне неловким. Главным образом потому, что это всегда было ошибкой. Я никогда не собиралась оставаться, быть «маленькой ложечкой»¹² и спать на мускулистой руке мужчины вместо подушки. Но как и со всем, что касается Рена, каждое утро после нашей первой ночи оказывается восхитительно отличающимся.

Я просыпалась от того, что между моих ног скользнула ладонь. От тёплых, горячих поцелуев в шею. В другой раз от того, что меня нежно укладывали на спину. Или на живот. Подо мной всегда был тёплый матрас с подогревом, нежные ладони массировали мои заочневшие суставы. Рьяный, уже умелый рот, пальцы, тело подводили меня к изумительным оргазмам, заставляли искорки взрываться под моими веками точно так же, как солнце вспыхивает за горизонтом.

Это первая и моя любимая часть нашей рутины. Вторая — это утренняя прогулка, по крайней мере, пока погода достаточно тёплая.

Я прогуливаюсь по песку и наблюдаю, как океанский бриз ерошит волосы Рена до

сумасшедшего безумия медных волн. Я держу его под руку для опоры и чувствую, как моё тело становится более подвижным, суставы раскрываются с каждым шагом по твёрдому прохладному песку.

— Я вчера совершенно отрубилась к тому моменту, как ты пришёл домой, — говорю я. Рен смотрит на меня и улыбается.

— О, я знаю. Я услышал твой храп сразу же, как только зашёл.

Я сердито смотрю на него.

— У меня насморк, — его лицо искажается от беспокойства. — Аллергия, Зензеро.

— Гм, — он отводит взгляд.

— Как прошло собрание Шекспировского клуба?

Я вчера едва не умерла от умиления. Я провела вечер тишины на диване с Паццой, но сначала получила прощание от милейшего чудика всех времен. Он стоял там с потрёпанной копией «Как вам это понравится», засунутой в задний карман джинсов, и с подносом вкусной выпечки от Вигго в руках. И с секретным, восторженным блеском в глазах, которого я никогда не видела прежде.

Словно вселенная решила доказать мою неправоту, Рен смотрит на меня, и в его кошачьих глазах блестит та же заговорщическая искра. Наклонившись, чтобы мягко поцеловать меня в висок, он бормочет:

— Было весело, — слова мягкой вибрацией отдаются в моих волосах, после чего он выпрямляется и смотрит вперёд.

Пацца срывается за очередной чайкой, гавкая как сумасшедшая, и когда птица улетает в небо, она мрачно садится на песок.

Наблюдая за ней, я не смотрю под ноги, так что когда наступаю в ямку, моя нога подкашивается, и я резко накрываюсь в сторону воды. Я уже предвкушаю ледяное купание, но тут меня дёргают обратно, теплая ладонь обвивает мою талию и поднимает в вертикальное положение.

— Уф, — я врезаюсь в грудь Рена, руки рефлекторно сжимают его футболку. Щёки краснеют от смущения, и вместо того чтобы смотреть ему в глаза, я опускаю голову на его грудь и слушаю размеренное биение его сердца.

Он целует меня в макушку.

— Ты в порядке?

Я киваю, но дурацкая слеза скатывается по моей щеке. Я впервые вот так споткнулась перед ним, и такое чувство, будто я выдала себя. Сделала себя непристойно уязвимой.

Прижимая к себе, Рен крепко обвивает меня обеими руками. Будто знает, что мне нужна минутка.

— Я сильная, — шепчу я.

— Я знаю, — он кивает.

— Я могу о себе позаботиться.

— Ты и заботилась, — говорит он. — И всё ещё заботишься. И всегда будешь заботиться о себе. Просто я тоже присоединился. Теперь мы заботимся друг о друге.

Я икаю от сдавленного плача и утыкаюсь лбом в его грудную клетку. Его подбородок идеально ложится на мою голову. Я чувствую движение его кадыка, когда он глотает.

— Фрэнки? — тихо зовет он.

— Хм? — отзываюсь я, шмыгнув носом.

Убрав одну ладонь с моей спины и медленно скользнув ею по моей руке, он отводит

мою ладонь в сторону и переплетает наши пальцы.

— Потанцуешь со мной?

Я отстраняюсь достаточно, чтобы встретиться с ним взглядом. Он улыбается, но щёки слегка порозовели. Я начинаю узнавать, что это выражение бывает у Рена, когда он нервничает.

— Ладно?

Вплотную прижав меня к себе, Рен подносит наши сцепленные руки к его груди. Покачивая нас, он тихо мурлычет мне на ухо. Звук получается тёплым и низким. Я не узнаю мелодию, но и неважно. Всё равно это прекрасно.

— Ты меня опередила, — тихо говорит он. — Попыталась выполнить наклон в танце ещё до того, как я пригласил тебя потанцевать.

Новые слёзы катятся по моим щекам.

— Сорен.

— Да, Франческа.

Между нами воцаряется несколько долгих секунд молчания, и незнакомая сила бурлит в моём нутре. Нечто мощное, рвущееся, непреодолимое ревёт в моей груди, раздирает сердце. Замок встаёт на место и фиксируется с тихим, но необратимым щелчком.

Дверь моего сердца распаивается, и оттуда вываливаются самые ужасающие слова. Неоспоримая правда внутри меня утверждает себя.

Я люблю Рена.

Понимание этого заставляет чувствовать себя свободной, невесомой, будто если бы Рен сейчас отпустил меня, то я бы оказалась подхвачена морским ветерком и безмятежно улетела в небо.

— Что такое, люттик?

Я поворачиваю голову ровно настолько, чтобы шутливо впиться зубами в его грудную мышцу.

— Ты лишил меня дара речи. Никаких прозвищ, когда я не могу защититься.

Он улыбается мне, замедляя наш танец, пока мы не встаём неподвижно, не считая ветра, который кружит вокруг нас, треплет волосы и одежду.

Рен наклоняет голову и целует меня. Мягкое, опаляющее касание его губ. Нежное и лелеющее.

— Я люблю тебя, Фрэнки, — эти зимние глаза всматриваются в мои, пока он прижимает меня к себе. — Я полюбил тебя уже давно. И я знаю, что ты, возможно, не испытываешь таких же чувств, и это нормально. Но мне нужно, чтобы ты знала. Это. Ты и я... — он убирает мои волосы, упавшие на лицо. — Это для меня самое важное.

Я киваю, пытаясь проглотить ком эмоций в горле. Но всё, что мне удаётся сказать, цепляясь за этого мужчину — это слабенькое, сдавленное от слёз:

— Для меня тоже.

Три игры одна за другой. Ещё одна дома, две в Денвере. Ноль побед. Много отличного секса. Много объятий и разговоров, тайных визитов в гостиничные номера и отдыха на диване. Но настроение в команде мрачное, и моё не намного лучше.

В горле что-то щекочет, в суставах зарождается ноющая боль. Моё тело тёплое и заторможенное. Или у меня будет «вспышка» года, или я вот-вот слягу с чем-то. И будь я

проклята, если скажу об этом Рену.

Сидя на террасе, Рен трёт лоб и читает спортивную колонку на телефоне. Он нахмурен, стискивает челюсти. И по какой-то причине я чувствую себя ответственной.

— Что, если я тебя сглазила?

Рен поднимает взгляд от телефона.

— Чего?

— С тех пор, как мы начали спать вместе, ты продул три игры подряд.

Рен усмехается про себя и делает плоток кофе. Но увидев моё лицо, со стуком отставляет кружку и наклоняется поближе.

— Ты серьёзно? Практичная, рациональная Фрэнки винит свою интимную жизнь в том, что у команды просто не лучшая серия плей-оффа.

Я пожимаю плечами и откусываю от своего бублика.

— Ну не знаю. Вы, ребята, прям отстойно играете. Очень отстойно.

— Блин, ну спасибо.

Положив ладонь на его массивное бедро, я с любовью сжимаю и смотрю на песок, где Пацца несётся к воде и лает на волны.

— Не именно ты, Зензеро, — тихо говорю я, доставая бумажный платочек и сморкаясь. Рен и Роб — практически единственные, кто удерживает команду в целостности. Мэддокс всё ещё болеет (не то чтобы он особо хорошо играл), но он также заразил нескольких ключевых игроков тем вирусом, что подарил ему лёгочную инфекцию.

Рен косится на меня, кладет ладонь на мой лоб, затем на щеку.

— Прощлой ночью ты начала шмыгать носом во сне. И сегодня утром не перестала.

— Я в порядке, — я легонько отталкиваю его ладонь и потягиваю кофе. — Сезонная аллергия.

Он уклончиво хмыкает. Слегка повернувшись ко мне лицом, Рен кладёт одну ногу на своё колено, а руку вытягивает на спинку моего стула. Его ладонь ложится на мою шею и массирует.

Я шиплю от приятной боли, вызываемой его касаниями. У меня всё ноет, и пусть пока что нет повышенной температуры, я думаю, это лишь вопрос времени. Не то чтобы Рен об этом знал. Потому что тогда он уложил бы меня в постель, настоял, что останется дома и будет заботиться обо мне. Не бывать этому, учитывая, что завтра пятая игра в серии, и если он не явится сегодня на тренировку, а завтра на игру, тренер его проклянёт, и они определённо проиграют.

Когда Рен проводит большим пальцем по моей шее к нежному основанию черепа, я едва не капитулирую и не признаюсь, как дерьмово себя чувствую. Но в кои-то веки имя моей матери, вызывающей меня по видеосвязи, становится желанным отвлечением.

— Надо ответить, — бормочу я, отстраняясь от его руки.

Рен не пытается уйти.

Я беру телефон и приподнимаю брови.

— Тебя не смущает?

Он улыбается, откидываясь на стул с кофе в руках.

— Ни капельки. Прощу, отвечай. Я бы хотел с ней познакомиться.

Растерявшись, я едва не роняю телефон.

— Я. Что? Рен...

— Ты сейчас пропустишь вызов, сникердудл¹³.

Я закатываю глаза и свайпаю, чтобы принять звонок.

— Привет, Ма, — губы Рена изгибаются, и я шлёпаю его по груди. — Мой нью-йоркский акцент вылезит на поверхность, когда я говорю с ней. Даже не смей прикалываться надо мной.

— Букашечка, я бы не посмел.

Я буквально рычу на него.

— Фрэнки? — орёт моя мама. Она смотрит через очки, низко сидящие на носу, и идёт по кухне.

— Ма. Сядь. Меня укачивает смотреть на тебя, когда ты так ходишь туда-сюда.

— И я тоже рада с тобой поговорить, — отвечает она. — Рада, что ты жива. Давно не виделись.

Рен укоризненно приподнимает бровь. Я показываю ему язык.

— Нечего показывать мне язык, юная леди...

— Ма, это было не тебе. Это предназначалось ему.

— Оооо, — воркует она. — Мужчина? Наконец-то. Я говорила Габби, что думаю, что ты запала на ту свою подругу с кучей пирсингов, но она сказала, что ты не из этих.

— И Габби была права. Кроме того, Лорена слишком хороша для меня, — вздохнув, я поворачиваю телефон, чтобы Рен попал в кадр камеры. — Ма, это Рен Бергман. Рен, это моя мама, Мария Зеферино.

Он машет в знак приветствия, и у мамы отвисает челюсть.

— Иисусе, — шепчет она.

Рен нервно смотрит то на неё, то на меня.

Я наклоняюсь к нему и улыбаюсь.

— А ты как думал, от кого я переняла свою любовь к рыжим, Зензеро?

Рен делается ослепительно красным. Прочистив горло, он улыбается ей.

— Приятно с вами познакомиться, миссис Зеферино. Фрэнки рассказывала о вас замечательные вещи.

Чёрта с два. Я впиваюсь пяткой в его босую ступню, но ему как будто всё равно.

Ма выгибает бровь.

— Приятно познакомиться, Рен. Но в последнем я сильно сомневаюсь. Я свожу её с ума. Поэтому она переехала на противоположный конец страны от меня.

Я закатываю глаза и поворачиваю телефон лицом только к себе.

— Я переехала на другой конец страны ради крутой работы и мягкого климата.

Она машет рукой.

— Как твоё здоровье?

— Нормально, — отвечаю я сквозь стиснутые зубы.

— Ты делаешь упражнения? Лекарства принимаешь? Сдаёшь анализы, рентгены...

— Ма. Я же сказала, всё хорошо.

Она щурится.

— Ты выглядишь похудевшей. И нос красный. Болеешь?

Рен издаёт неодобрительный звук.

— Видишь? — шепчет он. — Я же тебе говорил.

Я сердито смотрю на него.

— А я тебе говорила, — шиплю я в ответ, — что мне не нужна ещё одна опекающая мать. Так что отвали, Рен.

Он выпрямляется, прищурив глаза. Резко встав, он забирает свой кофе и уходит в дом. Мой живот скручивает чувством вины. Мне не стоило рывкать на него, но чёрт возьми, когда со мной разговаривают так по-отечески, это раздражает. Я взрослая женщина. Я сама могу заботиться о своём теле.

Или портить его.

Ну и вообще. Я предупреждала его, что это будет проблемой, что для меня это чувствительная и непоколебимая грань допустимого.

Пока я слышу через открытую дверь террасы, как он гремит на кухне и бурчит себе под нос, мой живот скручивает нервозностью, а на грудь давит бремя, которое не уйдёт от дыхательных упражнений. Я определённо заболеваю. Только не знаю, чем именно.

«Скажи ему. Доверься ему».

Я не могу. Потому что не верю, что он будет объективным. Он отбросит свои обязательства, и мы встанем на путь к этой ужасной ненависти. Я буду тянуть его на дно, он счастливо пойдёт за мной... а потом станет несчастен, и в итоге ему придётся выбирать между мной и нормальной жизнью, приносящей удовлетворение. Бл*дь. Я. Не буду. Этого. Делать.

— Закончила? — спрашивает ма.

Я резко опускаю голову и смотрю в телефон.

— Прости. Задумалась.

— Расскажи, где витали твои мысли, — она наклоняется и подпирает щеку ладонью. — У меня весь день в твоём распоряжении.

Всматриваясь в её глаза, я нерешительно прикусываю губу. Я люблю свою маму. И до того, как я превратилась в список проблем со здоровьем, мне казалось, что мы были близки. Сломало ли время этот барьер между нами? Могу ли я открыться ей и выговориться?

Её глаза — копия моих, и они становятся ярче, когда она улыбается.

— Знаю, я могу быть чрезмерно опекающей, — говорит она. — Но я позвонила, потому что скучаю просто по разговорам. Вот и всё. Я верю, что ты можешь о себе позаботиться, хорошо?

О, вот и чувство вины.

— Я не стану донимать или выпытывать у тебя что-то по здоровью, — говорит она. — Обещаю. Я просто послушаю. И мы можем поговорить на другие темы.

Обернувшись через плечо, я вижу, как Рен бродит по кухне и предположительно готовит завтрак. Моё сердце сжимается от сожаления. Я только что оттолкнула его. В этом я стала уже экспертом, не так ли? Будто нуждаясь в дополнительных доказательствах, я смотрю на свою мать, на женщину, которая любит меня неидеальным образом, но всё же любит. От которой я медленно и систематично отстранялась после всех наших обид и промахов.

Наклонившись поближе к её изображению на экране телефона, я прочищаю горло, всматриваясь в мамины глаза, которые она подарила и мне.

— Я по тебе скучаю, — нетвёрдо говорю я.

Её взгляд смягчается за очками. Она шмыгает носом.

— Я тоже по тебе скучаю, дорогая. Но ты выглядишь так, будто солнечный свет и климат теплее +20 круглый год идут тебе на пользу. Так что понимание, что ты счастлива там, немного облегчает тоску по тебе. Ты ведь счастлива, верно?

Я киваю.

— Ага, счастлива, — обернувшись через плечо, я вижу в окне Рена с опущенными

глазами. Словно почувствовав, что я наблюдаю за ним, он поднимает взгляд. Наши глаза встречаются. Я робко и виновато улыбаюсь. Он улыбается в ответ, затем поворачивается и скрывается в глубине кухни.

— У меня такое чувство, будто я вижу то, чего не должна, — с иронией говорит ма.

Оторвавшись от своего отвлечения, я снова сосредотачиваюсь на ней.

— Прости. Я сорвалась на него и хотела дать знать, что сожалею. И... — я вздыхаю. — Кажется, я должна извиниться и перед тобой тоже. Я отстранилась. При каждом разговоре Габби донимает меня, чтобы я просто выяснила с тобой отношения, но я не знаю, с чего начать, ма.

Она кивает.

— Я знаю, дорогая. Я чувствую то же самое. Но возможно, мы могли бы пока что просто пообщаться, а потом в конце концов прийти до сложных тем, да?

— Ладно, — робко соглашаюсь я. — Ну, о чём ты хочешь поговорить?

Ма устраивается на кресле и подхватывает кофе.

— Об этом рыжем качке, с которым ты так уютно устроилась, когда я позвонила.

Я мрачнею.

— Вот даже не отрицай, что ты нашла себе большую горячую кружку имбирного чая, — она играет бровями. — И раз уж затронули тему, выкладывай всё.

Глава 28. Рен

Плейлист: Jason Mraz — Let's See What The Night Can Do

— Ещё раз извини за сегодняшнее утро, — тихо говорит Фрэнки.

Я перестраиваюсь в другую полосу и, выкроив безопасный момент, улыбаюсь ей.

— Всё хорошо, Фрэнки. Я понимаю, почему ты расстроилась. Я слегка включил своего внутреннего папу.

Её рука машинально играет с моими волосами у основания шеи. У неё есть свои маленькие способы прикасаться ко мне — наматывать мои волосы на пальцы, размеренно водить моей ладонью по своей. Мне кажется, что она включила меня в свои сенсорные привычки, в свою потребность двигаться и прикасаться, и я не могу найти слов, чтобы описать, как много это для меня значит. Эмоции застревают в моём горле, когда она наклоняется и целует меня в шею.

— Зензеро, — говорит она, не отрываясь от моей кожи. — Почему ты не говоришь мне, куда мы едем?

«Потому что это дорогое заведение, и погуглив название ресторана, ты категорично откажешься».

Я крепче сжимаю руль, когда её ладонь поднимается по моему бедру. Поднимается до опасного высоко.

— Эй. Никаких допросов через соблазн, пока я за рулём.

Она смеётся и прикусывает мою шею.

— Ничего революционного, — выдавливаю я, повелевая себе сосредоточиться на дороге. — Просто абсолютно приватное место, где мы сможем поесть так, чтобы никто нас не донимал, и не было плохих публикаций в прессе, пока ты не ушла из команды.

Фрэнки внезапно отстраняется, и у неё вырывается резкий влажный кашель. Покрепче закутавшись в свитер, она смотрит в окно и отрешённо потирает своё горло. Сезонная аллергия, как же. Она вот-вот сляжет с чем-то — наверняка с той фигнёй, которой Мэддокс всех заразил, но она решительно отрицает.

— Приватное место, где мы сможем поесть — это не очень конкретно, — говорит она. — Я достаточно хорошо одета?

Я окидываю её взглядом, затем снова смотрю на дорогу. Под серым свитером она надела чёрное платье макси, красиво контрастирующее с её кожей. Декольте платья обнажает соблазнительную ложбинку груди, которая едва прикрывается её ожерельем с подвесками. Свет вечернего солнца отражается от её ключиц, кончика носа и подчёркивает бронзовые оттенки в её ореховых радужках.

— Ты идеальна, — говорю я ей.

Хрюкнув, она смеётся.

— Я далеко не идеальна, но если ты имеешь в виду, что я подобающе одета, то ладно.

Когда я сворачиваю на парковку с частным парковщиком, Фрэнки снова кладёт ладонь на моё бедро, и её голос звучит уже мягче.

— Но раз уж мы затронули тему, ты и сам выглядишь весьма идеально, Зензеро.

Я смотрю на себя. На мне всего лишь угольно-серые слаксы и белая рубашка с подвёрнутыми рукавами, без галстука.

— Ты сама меня одевала.

— Да. У меня великолепный вкус. И мой муз очень красивый. Несложно было вдохновиться.

Я улыбаюсь, выключая двигатель.

— Спасибо, медовый тортик.

— Эти прозвища становятся всё хуже и хуже, — бормочет Фрэнки, наклоняясь вперёд и глядя на кирпичный фасад здания. — Что это за место?

— Хорошо охраняемый секрет.

Она поворачивается и прищуренно хмурится.

— Надеюсь, это не какой-то приколы вроде вечеринки-сюрприза. Я ненавижу сюрпризы.

— Я это знаю, Фрэнки. Только ты и я.

Наконец-то.

После быстрого подъёма на лифте нас подводят к столику с видом на воду. Фрэнки опускается на свое место и аналитическим взглядом осматривается по сторонам, пока я помогаю ей подвинуть стул ближе к столу.

— Это место кажется дорогим, Сорен.

— Франческа. Пожалуйста, не делай этого.

Она приподнимает брови.

— Не делать чего?

— Не песочь меня за то, что я привёл тебя в приличное и приватное место, чтобы поесть, — я опускаюсь на свой стул и открываю меню. — Мы практически каждый вечер готовим дома. Изредка балуем себя китайской кухней с доставкой. Я могу раскошелиться на ужин вне дома.

Она мямлит что-то себе под нос, поднимает меню и открывает.

Оглядываясь по сторонам, я изучаю окружение, затем Фрэнки, которая отвлекается от меню и смотрит на воду с лёгкой улыбкой на губах. Именно этого я и хотел; именно этого, по-моему, хотелось бы Фрэнки. Океан позади нас. Уединение. Лампы обогрева, чтобы она не замёрзла. И её любимая еда.

Она возвращается к меню, тут же роняет его и смотрит на меня с отвисшей челюстью.

— Тут всё бургеры.

— В том и приколы.

— Ты как будто пытаешься соблазнить меня или типа того, Зензеро.

Я улыбаюсь, а она прикусывает губу и пытается не улыбнуться в ответ.

Внезапно её лицо искажается хмурой гримасой.

— Нам надо поговорить, — заявляет она серьёзно.

Моё сердце падает с обрыва прямоком в чистую панику.

— О? Что такое? — худшие сценарии из возможных прокручиваются в моей голове с поразительной ясностью.

«Её это не устраивает.

Ей не нравится, как всё складывается.

Она хочет просто остаться друзьями».

— Я не знаю твоё второе имя, — она хмурится ещё сильнее. — И я осознала, что это одна из тех деталей, которые надо знать, когда ты в серьёзных отношениях с кем-либо. У меня такое чувство, будто я провалилась, раз не спросила у тебя это. Это и ещё несколько вещей.

Уже не падая на верную смерть, моё сердце ёкает и приземляется лужицей сладкого облегчения. Я с шумным выдохом роняю голову.

Фрэнки не замечает.

— Я осознала ранее, когда принимала душ, — продолжает она. — Я делилась с тобой своей жизнью и занималась с тобой сексом больше, чем с кем бы то ни было, разговаривала о взглядах на мир и политику, но не знаю твоё второе имя. Я знаю, что ты хочешь как можно дольше играть за свою нынешнюю команду, что ты скучаешь по лесу так же сильно, как любишь океан, и что ты хочешь купить в дом пианино, но я не знаю твоё второе имя. А должна. Это вообще имеет смысл?

Наконец, моё тело успокаивается после свободного падения сердца, и я поднимаю глаза, встречаясь с ней взглядом.

— Что такое? — спрашивает она, глядя на меня с непониманием.

— О, я просто катастрофизировал. На минутку подумал, что ты со мной расстанешься.

У неё опять отвисает челюсть. Она часто моргает, затем взрывается хохотом. Истерическим, громким хохотом.

— Как? — выдавливает она между приступами смеха. — Как ты мог такое подумать?

— Мне не кажется смешной та мысленная паника, которую я только что пережил, Фрэнки.

Она серьёзнееет.

— Прости. Это не смешно, ты прав. Просто, Рен... я счастлива с тобой. Очень счастлива, — её лицо делается замкнутым. — А ты счастлив? — тихо спрашивает она.

Я подвигаю ладонь к её руке и переплетаю наши пальцы.

— Не просто счастлив, Фрэнки. Я на седьмом небе. Каждый день.

Её лицо теплеет, озаряясь лёгкой довольной улыбкой.

— Хорошо, — мгновение спустя она отстраняется и делает глоток воды. — Ладно, тогда восполни для меня пробелы. Второе имя. Выкладывай.

— Исак. Твоё — Кьяра.

— Откуда ты...? — она окидывает меня взглядом. — Ты украдкой посмотрел моё удостоверение личности, да?¹⁴

Я разглаживаю тканевую салфетку, чуть поправляю нож. Должен же мужчина сохранить немножко достоинства.

Приняв моё молчание за ответ, она двигается дальше.

— Ты правда хочешь пятерых детей?

Подняв взгляд, я смотрю ей в глаза, пытаюсь определить направление нашего разговора, что не всегда ясно в случае со мной и Фрэнки. Она не делает пауз и ответвлений, которые бывают в «типичном» диалоге. Иногда мне нужно несколько секунд, чтобы нагнать, но такие прямолинейные разговоры — это по-приятному в новинку.

— Это просто навскидку, — говорю я ей. — Я открыт для обсуждений. А ты?

— Минимум двоих.

Я смотрю на неё, и мне легко представить её матерью, к тому же весьма хорошей. Игривой, сочувствующей, ласковой. Я представляю, как она сидит у воды в комфортном пляжном шезлонге и читает книгу, пока младенец спит на её груди. Эта картинка, этот момент перед моим мысленным взглядом — то, чего я хочу почти с осязательным голодом.

Фрэнки улыбается и просовывает свои ноги между моих под столом.

— Думаю, я нравлюсь тебе, Зензеро. С кочками в разговорах и всем остальным.

Боже, если бы она только знала, насколько.

— Ты мне не просто нравишься, тыковка. Я люблю тебя в точности такой, какая ты есть.

Она улыбается и снова смотрит в меню.

— Вот это-то и пугает.

Сделав заказ, мы смотрим, как садится солнце, и я улыбаюсь тому, как она стонет и вдыхает над гурманским бургером. Когда официант уносит наши опустевшие тарелки и оставляет десертное меню, Фрэнки выбирает самое шоколадное лакомство, затем со вздохом откидывается на спинку. Морской бриз играет её волосами, бросает тёмные пряди на лицо. Фрэнки проворно убирает их назад и косится на меня, заметив, что я смотрю на неё.

— Привет, — тихо произносит она.

Я улыбаюсь и вытягиваю ноги дальше под столом, переплетая с её ногами.

— Привет.

— Это было очень здорово, Рен. Спасибо.

— Вот и хорошо, — я приподнимаю бокал воды в жесте тоста. Я не притрагиваюсь к алкоголю, поскольку мне везти её домой. — Поздравляю с поступлением на юрфак, сливушка.

Её губы подёргиваются, пока она делает глоток рутбира.

— Спасибо, пудинг мой ненаглядный.

Официант откашливается с таким видом, будто не подписывался на подобное, когда соглашался обслуживать эксклюзивный столик на двоих. Фрэнки отводит взгляд, пряча улыбку в бокале.

Приняв чек, я достаю бумажник и протягиваю ему карточку.

— Спасибо.

Будучи лучшим официантом в мире, наш официант просто ставит десерт прямо перед Фрэнки, вставляет в него свечку, зажигает и безмолвно исчезает.

— Ха, — Фрэнки тянется к чему-то в центре стола. — Что это?

Я словно в замедленной съёмке смотрю, как она берёт бумажку из печенья с предсказанием. Должно быть, та выпала из моего бумажника. Я не хотел, чтобы она её увидела. Пока что нет.

Быстрее, чем можно было ожидать, Фрэнки хватается и разворачивает потёртую бумажку пальцами. Но я тоже быстрый и зажимаю её ладонью.

Она прищуривается.

— Что такое?

— Это... личное.

— Личное предсказание? — она пытается выдернуть руку, но моя хватка остаётся крепкой. — В чём дело?

— Пожалуйста, Фрэнки. Это своего рода сувенир. Особенный для меня.

Она хмурится.

— Почему ты не даёшь мне прочесть?

Тут над её головой зажигается лампочка. Её глаза распахиваются ещё шире.

— Сувенир? Это с того вечера? Когда ты пришёл в гости и съел всю мою китайскую еду?

— Прошу прощения. Мы честно разделили ту еду пополам, мисс Перепишу Историю. Более того, я помню, что ты стащила один мой вонтон. Может, даже два.

Высвободив бумажку из её хватки (за что я чувствую себя немного виноватым — под конец дня руки Фрэнки становятся более окоченелыми и «неуклюжими», по её словам), я открываю бумажник и убираю предсказание обратно внутрь.

Я приберегаю эту бумажку с предсказанием для одного дня в будущем. Дня, в котором будет сверкающее кольцо и я, изнывающий от волнения.

Мрачно зыркнув на меня, Фрэнки поднимает вилку, чтобы приняться за свой торт, но потом медлит, увидев одинокую свечку. Выражение её лица становится пустым.

— А свечка-то зачем? У меня же не день рождения, — говорит она.

— Я сказал официанту, что у нас праздник в твою честь. Думаю, он неправильно понял.

Фрэнки смотрит на пламя свечи так, будто в нём содержится некая тайна.

— И что мне делать?

Я потираю коленом её колени, зная, что иногда прикосновение — это всё, что ей нужно для лёгкого приободрения.

— Может, сегодня и не твой день рождения, Фрэнки. Но ты всегда можешь загадать желание.

Она смотрит на меня и удерживает мой взгляд. Закат полыхает в её глазах, создавая иллюзию, будто её кожа горит изнутри. Я впитываю каждую деталь, когда она закрывает глаза и одним сильным выдохом задувает крохотный огонёк.

Дым вьётся в воздухе, и моё сердце тоже произносит своё желание.

Как только мы паркуемся в гараже и заходим внутрь, Пацца в восторге от того, что мы пришли. Фрэнки даже не ругает её, когда она прыгает и пытается меня облизать. Она где-то далеко, хмурит лоб. Её шестерёнки вращаются.

Следуя за Паццей на террасу, Фрэнки наблюдает, как собака бежит на песок и бродит по берегу, принюхиваясь и копая. Я иду за ней по пятам, подключая телефон к колонкам.

Фрэнки поворачивается и смотрит на меня, затем на колонки.

— С чего вдруг музыка?

Я кланяюсь, выпрямляюсь и протягиваю руку.

— Мадам. Могу я пригласить вас на танец?

Складка между её бровями разглаживается, и она от души хохочет.

— Ты точно родился не в то столетие, — шагнув ближе, она стискивает мою рубашку в кулаке и дёргает меня к себе. Я накрываю ладонями её щёки, наклоняясь для поцелуя. — Подожди, — Фрэнки кладёт ладонь на мою грудь.

Я отстраняюсь.

— Что?

— Тебе не стоит меня целовать... — она медлит, прикусывая губу.

— Насколько я знаю, аллергия не заразна, Франческа.

— Не франческой мне тут, Сорен, — ворчит она, затем мгновение спустя смотрит мне в глаза. — Ладно, возможно, я немножко простыла, ясно? Но пожалуйста, пожалуйста, не переходи в режим медбрата. Вот что я имела в виду в тот день за ланчем. Когда мы начали это всё, Рен.

Я удерживаю её глаза, затем целую в щёку. Потом в уголок рта.

— Рен...

— Если к этому времени я не заразился, Фрэнки, то уже не заражусь. Просто позвол

мне целовать тебя, — я накрываю её губы дразнящим лёгким касанием, пока мои большие пальцы нежно гладят её щёки. У неё сладкий привкус шоколада, и её губы такие порочно мягкие.

Пока я углубляю поцелуй, нас обдувает лёгким бризом, одеялом морского воздуха и слабым запахом цветов. Фрэнки обвивает руками мою шею и льнёт ближе.

— Моё сердце в твоих руках, Сорен Бергман, — шепчет она мне в шею. — Пожалуйста, пожалуйста, будь с ним осторожен.

Я крепко обнимаю её, покачиваясь из стороны в сторону вместе с ней.

— Всегда, — оставив мягкий поцелуй в уголке её рта, я опускаю одну руку на её талию, а другой беру её ладонь. — То же относится и к тебе, Франческа. Иначе мне придётся начать писать жалостливые любовательские стихи.

Она кладёт голову на моё плечо и счастливо вздыхает, пока я веду нас в медленном танце по террасе.

— Такой хороший танцор, — бормочет она. — Ты раздражающе хорош во всём, что ты делаешь.

— Ну, не во всём. Я не смогу встать на мостик, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Вообще не умею делить числа столбиком. И до сих пор учусь, как стать хорошим кое в чём ещё.

Фрэнки поднимает на меня взгляд.

— В чём же?

Я тихо фыркаю, чувствуя, как к щекам приливает румянец.

— Ты заставишь меня сказать это вслух?

— Оооо, — она машет рукой. — Тут никаких поводов для беспокойства. Ты лучший любовник, что у меня был, Зензеро. Однозначно.

Моё сердце сжимается. Не от прилива гордости, а потому что я говорю себе — это связано во многом с тем, что Фрэнки чувствует, когда мы вместе. Что она чувствует в сердце, а не только в теле. Что для неё, как и для меня, это не просто секс. Это занятия любовью.

— Прости, если я недостаточно говорила тебе, — шепчет она. — Это не потому, что я не думала об этом. Думала. Много. Часто.

Я мягко целую её в губы.

Её глаза встречаются с моими, и она с любопытством смотрит на меня.

— Помнишь, ты сказал мне, что чтобы попасть в Шекспировский клуб, надо процитировать строки, которые имеют для тебя значение?

— Угу.

— Если бы я стояла на пороге твоего собрания и определяла, стоит тебя впускать или нет, что бы ты мне сказал?

Ветер бросает завиток тёмных волос на её лицо. Я мягко убираю его за её ухо, провожу пальцами по раковинке её уха, по гладкой линии шеи.

— Франческа, ты пытаешься сказать, что желаешь ухаживаний в стихотворной форме?

Она улыбается.

— Ну, я пыталась действовать лукаво. И как у меня вышло?

— Превосходно, — я привлекаю её поближе, грудью чувствуя, как сильно бьётся её сердце. — Давай подумаем. А, всего лишь одно.

Прочистив горло, я всматриваюсь в её глаза.

— «Не верь, что звёзд огонь сияет, что солнце путь свершает свой, не верь, что правда лжи не знает, но верь, что ты любима мной», — я смотрю на неё и дарю нежный поцелуй. — Как тебе такое?

Фрэнки улыбается ещё шире и целует меня в ответ. Я обнимаю её под россыпью огненных звёзд на ночном небе.

Глава 29. Фрэнки

Плейлист: Arcade Fire — My Body Is a Cage

В команде царит беспокойная энергия. Черты лица Рена нехарактерно напряжены, будто он лишь наполовину присутствует в моменте и отвлекается на беспокойство. Надеюсь, это беспокойство не связано со мной. Хотя я логичный кандидат. Я чувствую себя говном, прилипшим к подошве старого кроссовка.

Вчера я легла спать, чувствуя себя не очень хорошо, а сегодня проснулась, зная, что устремляюсь напрямик в эпицентр шторма. Моя грудь ощущается тяжёлой. Я то и дело сдерживаю влажный кашель, уткнувшись в сгиб локтя. И когда я буквально десять минут назад ходила в туалет, моя моча была тёмной, а кожа в отражении над раковиной казалась пожелтевшей. Я знаю, что мне надо пить воду, но едва могу влить её в своё горло.

Хуже всего то, что я — не самая плачевно выглядящая из собравшихся в комнате. Энди тихий (он никогда таким не бывает), Тайлер раздражителен, Лин делает всё как-то с неохотой. На лице Роба хмурая гримаса, которая в моей памяти сохранена под меткой «я поссорился с жёнушкой», а если Франсуа начнёт стрессовать ещё сильнее, я точно подсуну ему одну из своих таблеточек лоразепама, припасённых на крайний случай.

Как всегда, команда собралась в складской части арены, куда заезжают грузовики со всякими штуками, которые вы бы наверняка не посчитали нужными, но видимо, они необходимы для поддержания работы спортивного учреждения. Здесь парни обычно выполняют свой футбольный ритуал, который должен помочь им оставаться проворными, слаженными и просто позволяет отвлечься перед игрой.

Их версия футбола — это не матч в привычном понимании слова. Парни просто разогреваются, встав в круг и перебрасывая мяч друг другу. Единственная цель этого упражнения — не дать футбольному мячу упасть на пол. Это заставляет их следить за своими движениями и товарищами по команде. Словом, классное упражнение перед игрой.

Только сегодня оно даётся им отстойно.

Рен стоит на противоположной стороне комнаты, будучи на голову выше обоих парней, стоящих в круге возле него, и держит руки на бёдрах. Он смотрит на меня, явно задумавшись. Я приподнимаю голову и мотаю подбородком. *«Удели внимание происходящему».*

Когда Крис роняет мяч, Рен наконец-то моргает и отрывается от меня.

Роб вздыхает и подхватывает мяч.

— Ещё раз.

— А зачем? — спрашивает Тайлер. — Мы сегодня проиграем, серия плей-оффа завершится, и ты это знаешь.

Рен опускает руки и делает жест Робу. Роб бросает мяч ему. Принимая мяч на грудь, Рен лёгким движением бедра отправляет его обратно Робу, затем орёт:

— Повеса!

Роб прищуривается, когда мяч летит в его сторону, но отправляя его ударом головы в сторону Лина, он улыбается и кричит:

— Пройдоха!

Половина парней резко оглядывается на меня. Я старательно утыкаюсь в телефон, чтобы они не чувствовали, что в их ритуал вторгаются. Мне сложно фокусировать взгляд, но

краем глаза я вижу, как все они обмениваются какими-то нечитаемыми взглядами, будто их поймали за чем-то, что не следовало выдавать.

Я сипло кашляю в сгиб руки, когда Лин произносит своё слово, так что я его пропускаю. Но когда Франсуа отбивает мяч в сторону Энди, его ругательство рёвом разносится по комнате:

— Гнилое сморщенное яблоко с заднего двора!

Лин фыркает. Тайлер истерично сгибается пополам, а Энди рывком устремляется за мячом, не давая тому упасть на пол. Подбрасывая его лёгким пинком, он потом удерживает его на стопе, смотрит на Крису и смертельно серьёзно говорит:

— Мявкаящая пилотка.

Комната взрывается хохотом, мяч летает туда-сюда, ни разу не задевая пол. Их плечи опускаются, хмурые гримасы уходят. Я словно в психоделическом трансе наблюдаю за перелётами мяча в пространстве, а перед глазами начинают плясать звёздочки. В комнате будто становится теплее, моё затруднённое дыхание напоминает рефрен, пока мир накрывается и кружится вокруг.

Я делаю шаг назад и прислоняюсь к стене, потирая ладонью лицо. Моя рука становится мокрой. Я потею. Откашливаясь, я стараюсь сделать медленный вдох и прищуриваю один глаз, надеясь, что это поможет прояснить взгляд.

На мгновение мир как будто становится отчётливее, и я вижу, как очевидно изменилась атмосфера в помещении. Будто кто-то щёлкнул выключателем, настроение становится в разы лучше, будто солнышко вырвалось из-за тучи и озарило землю.

Ругательства продолжают разноситься эхом, смех нарастает и становится громче, напоминая рой пчёл. Либо эти парни заметили креативные ругательства Рена на протяжении последних трёх лет, либо они тоже сделались знатными шекспировскими задротами. Как бы там ни было, результат один и тот же. Командный дух восстановлен. Настроение улучшилось.

Боже, как гениально. Рен сделал то же самое, что и всегда — принёс радость, помог людям почувствовать себя лучше. И вот почему он так важен для команды. Вот почему, когда мои ноги подкашиваются, и я сползаю на пол, я могу лишь надеяться, что он занят и не заметит, что даже его чудодейственного солнечного света недостаточно, чтобы уберечь это маленькое облачко от шторма.

Не открывая глаза, я уже знаю, где я. Знаю по запаху, по шершавым простыням, по гулу флуоресцентных ламп поблизости. Может, свет в туалете не выключили, и дверь приоткрыта.

Бл*дская больница.

Когда я втягиваю прерывистый вдох, мои лёгкие уже не кажутся переполненными супом, как это было, когда пол ушёл из-под меня, а ноги превратились в желе. Когда бы это ни было. У меня нет осознания, сколько времени прошло.

Я чувствую, что моё бедро пи**ец как пульсирует. Я облизываю губы и с удивлением обнаруживаю, что они не пересохли. Я чувствую рукой тепло мозолистой ладони, длинные пальцы собственнически сжимают мою руку.

Рен.

Мои глаза открываются, взгляд косит вправо, к той ладони, что он держит. Я невольно

улыбаюсь при виде него, спящего рядом. Он сгорбился на одном из этих ужасно неудобных больничных стульев, рот слегка приоткрыт, под глазами виднеются мешки.

Я слаба. Я это чувствую. Моё тело ощущается тяжёлым, и я уже хочу заснуть обратно, но ещё сильнее мне хочется дать Рену знать, что я в порядке.

Мой нос чешется. Я поднимаю руку, чтобы почесать его, и неловко натыкаюсь на кислородную канюлю. Моя ладонь ноет в том месте, где пластырь удерживает иглу капельницы, вводящей в мой организм Бог знает что. Антибиотики. Солевой раствор. Стероиды. Обезболивающие.

Список назначенных препаратов неряшливо нацарапан маркером на белой табличке, висящей в изножье кровати. Я ни черта не могу прочитать. Просто знаю, что список длинный. Рен ёрзает на стуле, не просыпаясь, и я наблюдаю за ним. Я и раньше смотрела, как он спит, и может, это звучит странно. Но иногда я просыпаюсь раньше его и смотрю, как рассвет озаряет его лицо, отбрасывает тени от скул, мягких губ, гладкого лба, расслабленного во сне. Сейчас его лоб вовсе не расслаблен. Он хмурится. Беспокоится.

Я пытаюсь сжать его ладонь, но почти не получается. Прочистив горло, я хриплю:
— Рен.

Его глаза распахиваются, мечутся в мою сторону, затем раскрывается ещё шире. Выпрямившись, он встаёт и наклоняется надо мной, накрывая мои щёки ладонями.

— Привет, — произносит он нетвёрдым голосом. Его глаза покраснели.

— Я в порядке, — шепчу я.

Он кивает. Моргает глазами, влажными от непролитых слёз. Я пытаюсь поднять руки и обнять его, предложить утешение, но конечности кажутся слишком тяжёлыми.

Моё горло ощущается раздражённым, но я откашливаюсь и каркаю:

— Иди сюда, Зензеро.

У него вырывается беспомощный звук, когда он наклоняется ближе и опускает голову в изгиб моей шеи. Я поворачиваю голову и целую его в висок. Его руки аккуратно проскальзывают между мной и матрасом. Он делает медленный и тяжёлый вздох. Вздох облегчения.

— Фрэнки, — только и говорит он, но я чувствую, что он имеет в виду. Любовь и беспокойство вплетаются в моё имя.

Отстранившись, Рен садится и подвигает стул поближе. Пригладив мои волосы, он заводит канюлю обратно туда, где она должна зацепляться за моё ухо.

— Сколько я была без сознания? — шепчу я.

Он сосредотачивается на моих волосах, его пальцы мягко распутывают спутанные места. Я уверена, что я выгляжу так, будто меня дважды пропустили через мясорубку.

— Сорок восемь часов.

Я приподнимаю брови.

— Впечатляет, — снова прочистив горло, я ищу кнопку, приподнимающую изголовье больничной койки. — Как прошла игра?

Рен убирает руку из моих волос, сжимает мою ладонь.

— Мы проиграли.

— Мне жаль, Рен...

— Доброе утро, засоня! — Лорена стоит на пороге, читая мои мысли, видя раздражение, смущение.

Беспомощность.

Подойдя к кровати с другой стороны, она с чмокающим звуком прижимает губы к моему лбу.

— Даже спрашивать не буду. Вижу, что ты чувствуешь себя дерьмово.

Опустившись в изножье кровати, она начинает массировать мои ноги. Я стону, поскольку это ощущается изумительно, и мне ненавистно, что близкие люди так хорошо меня знают. Я чувствую себя слабой и нуждающейся в особом обращении.

— Я слышала, твой уход был весьма драматичным, — она дерзко улыбается мне.

Я сверлю её сердитым взглядом.

— Почему, говоришь, ты вообще тут оказалась?

Рен скрывает улыбку, откашливаясь в кулак.

— Потому что у тебя двусторонняя пневмония, — говорит Ло, — и ты одна из моих людей. Потому что я люблю тебя, и когда мы болеем, нам нужна вся любовь, которую мы можем получить.

Рен подносит мою руку к своей щеке, целует мою ладонь, затем прикладывает к своей бороде. Я рефлекторно запускаю пальцы в мягкие волосы, царапаю ногтями щетину.

Ло вздыхает.

— Ну, я оставлю вас, голубки. Пойду донимать твою медсестру. Покомандую кем-нибудь, — встав, она ещё раз целует меня в лоб и похлопывает по ноге. — С возвращением, детка.

Рен провожает её взглядом, затем плавно встаёт и закрывает дверь за ней.

Я наблюдаю за его движениями, наслаждаясь тем, как красиво простая одежда обрамляет его тело. Низко надвинутая бейсболка. Тёмные и поношенные джинсы, старенькая синяя футболка, которая подчёркивает льдистость глаз и медный оттенок волос. Сев обратно, Рен поглаживает мою щёку костяшками пальцев.

Я хрипло откашливаюсь, затем облизываю губы. Рен рефлекторно тянется к больничному подносу и берёт бальзам для губ. Сняв крышечку, он проводит им по моим губам, затем надевает крышечку обратно.

— Ты делал это? — спрашиваю я. В моем голосе слышатся слезы.

— Практически единственное, что я мог сделать — это убедиться, что ты не очнёшься с потрескавшимися губами, — его улыбка слабая. — Фрэнки. Почему ты не сказала мне, насколько плохо ты себя чувствовала?

Я всматриваюсь в его глаза.

— Я знала, что ты будешь беспокоиться. Я не хотела отвлекать тебя от игры, лишать лучшего шанса на победу.

Уголки его глаз будто напрягаются.

— То есть, ты решила сделать этот выбор за меня?

Поёрзав в постели, я пытаюсь подарить своему бедру хоть немного облегчения.

— Я знаю тебя, Рен. Так ты получил шанс сыграть, а я была спокойна, зная, что не стала для тебя препятствием. Вот о чём я говорила, когда мы согласились дать шанс нашим отношениям. Я не хочу доходить до точки отторжения. Я не хочу, чтобы мои проблемы со здоровьем мешали тебе выполнять свою работу и быть успешным.

Рен просто таращится на меня.

— Фрэнки, ты важнее, чем хоккейный матч. Однозначно.

— Может, важнее одного матча. Но со мной такое бывает, Рен. Я цепляю всякую заразу, потому что моя иммунная система меня ненавидит, и лекарства не помогают делу. Поверь

мне, это не последний раз. Дальше ты только порадуешься, что я оставляю такие вещи при себе.

Он качает головой, часто моргая.

— Я... я... Ты серьёзно?

Я хмуро кошусь на него.

— Абсолютно серьёзно. Скажи, как бы ты себя чувствовал, чёрт возьми, если бы не участвовал в игре, и команда проиграла бы. Если бы ты без толку сидел рядом со мной в больнице, пока я спала в одурманенном ступоре с абсолютно излечимым заболеванием, а ты бы наблюдал, как твоя команда борется без тебя и проигрывает. Мысленно ты бы гадал — может, тебе надо было играть с ними, может, с твоей помощью они бы победили. И ты бы думал: «Вот если бы Фрэнки не заболела...»

— Это последнее, что пришло бы мне в голову.

Я горько смеюсь, но это переходит в приступ кашля. Рен наливает стаканчик воды, кидает туда трубочку и подносит к моему рту. Я выпиваю половину и со вздохом плюхаюсь обратно на подушку.

Его лицо напряжено, челюсти сжаты.

— Почему ты злишься? — спрашиваю я, уверенная, что правильно трактую его эмоцию.

Рен резко разворачивает голову в мою сторону, пригвождая взглядом этих зимних глаз, которые сейчас кажутся особенно холодными.

— Потому что ты несёшь полную херню, — это слово хлётко ударяет по воздуху. Мат действительно оказывает больший эффект, когда человек редко ругается.

Он смотрит на меня, не моргая.

— Я был здесь с тобой. Я тот, кто присматривал за тобой краем глаза и поймал тебя перед тем, как ты едва не разбила себе башку о бетон. Я тот, кто знал, что делать. Я тот, кто не позволял ничему и никому разлучить нас, пока не убедился, что ты в порядке, и что ты придёшь в сознание.

Я смотрю на него с неверием.

— Ты пропустил игру.

— Естественно, я пропустил игру, Фрэнки! — он откидывается назад и потрясённо смотрит на меня. — Как ты вообще...

— Я же говорила тебе, я меньше всего этого хотела! — хрипло ору я. — Мне не нужно было, чтобы ты торчал здесь, Рен.

Он наклоняется, оказываясь на расстоянии одного вдоха от меня.

— Это мне нужно было находиться здесь.

— Вот именно. Это твой путь. И каждый раз, когда ты будешь ставить мои проблемы со здоровьем превыше своей собственной жизни, это тоже будет твой путь. Потом, когда всё наложится одно на другое, когда ты раз за разом будешь принимать такие решения, ты меня возненавидишь. Если бы ты не вёл себя как влюблённый идиот каждый раз, когда я подхвачу простуду...

— Двустороннюю. Пневмонию, — рычит он, сдирая с головы бейсболку и швыряя её на медицинскую тележку рядом. — Ты потеряла сознание. Твой уровень кислорода в крови был просто пугающим. Это не какой-то насморк, Франческа.

— Не стоило тебе приходить, — я подтягиваю себя выше на постели, стараясь хоть как-то дать ему отпор. — Ты не можешь ставить меня и моё херовое здоровье превыше своей карьеры и обязательств. В конечном счёте...

Рен резко встаёт, отчего стул отлетает назад по полу. Упёршись руками в мою больничную койку, он наклоняется, не сводя с меня взгляда.

— Я всегда буду выбирать тебя. И я никогда не возненавижу тебя за это. Мы же договорились — я продемонстрирую это своими действиями. Но видимо, даже моим поступкам невозможно верить. Я обязан быть мудаком, который бросает свою тяжело больную девушку в больнице, чтобы участвовать в дурацком хоккейном матче и проявить себя.

— Но знаешь что, Фрэнки? Я не такой парень и никогда им не буду. Если ты не можешь доверять мне даже после всего, что я доверил тебе, показывая, кто я, и что я человек слова, тогда это пи**ец как ранит.

— Ты сводишь всё к себе, — парирую я. — Ты позволяешь эмоциям исказить твои суждения. И именно так в итоге больно будет мне. В пылу момента ты не хотел испытывать чувство вины за то, что тебя не было рядом. Чтобы избежать этого, ты остался. Но с каждым разом, когда ты будешь так поступать, тебе всё чаще будет казаться, что оно того не стоит. И с каждым разом ты будешь чуточку сильнее винить меня. Хотя я говорю тебе, что мне не нужно твоё присутствие здесь.

Рен отталкивается от кровати, расхаживая по палате как загнанное в клетку животное. С силой проводя пальцами по волосам, он подхватывает бейсболку с больничной тележки и натягивает её, надвигая козырёк низко на лоб.

— Поверить не могу, что ты настолько цинична, Фрэнки. Поверить не могу, что ты говоришь такое обо мне.

Я смотрю на него, и горячие слёзы катятся по моим щекам.

— Я не цинична. Так и происходит, Рен.

— Нет, так происходило в прошлом. И это было неправильно. Но это был не я, Фрэнки. А как же я? Разве я не имею права голоса в том, как всё будет?

Его слова отдаются неприятно близко к моему сердцу.

«Доверься ему. Верь ему».

Он бросает один взгляд на моё лицо и вздыхает, словно терпя поражение.

— Потому что если нет, то как мне вообще тягаться с твоим прошлым? Как бы я ни заверял тебя, что никогда тебя не возненавижу, что никогда не буду считать тебя помехой моему счастью, ты мне не веришь. Я должен вести себя так, как ты считаешь нужным. Я не могу иметь свои потребности в этих отношениях.

— Это несправедливо, — моё горло болит от разговоров. Я тянусь к стакану с водой, и Рен подходит, помогая мне, когда я даже не могу держать руку поднятой достаточно долго, чтобы попить.

Я пью через трубочку и смотрю на него, пока на глаза наворачиваются новые слёзы. Он действительно будет смотреть на меня вот так в мои худшие моменты? Будто он любит меня, будто моя боль для него не менее реальна, чем для меня?

Будто он не хочет находиться где бы то ни было ещё?

— В каком месте это несправедливо? — спрашивает он, поставив стакан с водой.

— Рен, я просто пытаюсь сказать, что тут должен быть компромисс. Когда я в таком состоянии, ты можешь заботиться обо мне в пределах разумного, но не ставь свою жизнь на паузу.

Он качает головой.

— Нет. Ты буквально говоришь, что моя любовь к тебе должна соблюдать некие

условия. Меня это не устраивает. Ты пытаешься найти лазейку, чтобы не пришлось доверять мне всецело.

Я сверлю его сердитым взглядом.

— Бл*дь, ты сейчас говоришь так снисходительно!

— Фрэнки, — он вздыхает, трёт лицо. — Я думал, что быть парой — это среди прочего означает, что когда одному из нас плохо, мы уже не одни в этом. То есть, у меня есть отношения с твоей болью. Это не моя боль, и я не имею права диктовать тебе, что с ней делать, но я могу сделать выбор и любить тебя на протяжении всей этой боли. Если/когда тебе понадобится забота и утешение (а нравится тебе это или нет, в последние сорок восемь часов ты в этом нуждалась), то я получаю право быть тем человеком, который даёт тебе эту заботу. В этом фактически и заключается суть отношений. Разве нет?

Мои челюсти стиснуты. Я чувствую, что меня давят, загоняют в угол, уговаривают; я ощущаю себя уставшей, больной и раздражающе поверженной.

— Ну, тогда за ужином нам надо было обсуждать эту твою философию вместо вторых имён и количества детей. Потому что я не уверена, что согласна с этим.

Он шурится и склоняет голову набок.

— Я был здесь, потому что я люблю тебя. Любящие партнёры поддерживают друг друга. Ты с этим не согласна?

Упрямство натягивает тетиву. Задетая гордость наводит прицел. Злость совершает фатально точный выстрел.

— Я никогда не говорила, что люблю тебя.

Рен открывает рот, затем застывает. Он медленно выпрямляется и пригвождает меня взглядом. Я вижу, как вертятся его шестерёнки. Это игра с семантикой. Мы оба знаем, что я подразумевала это, пусть и не произносила вслух те самые слова.

На его подбородке дёргается мускул. Глаза блестят, пока он смотрит на меня.

— Что ты хочешь сказать?

Мне чертовски больно смотреть на него. Знать, что я отталкиваю лучшего человека, что был в моей жизни, но в том и проблема. Мне не место рядом с кем-то столь хорошим, как Рен. Он недостаточно отстранённый, недостаточно эгоистичный. Его границы слишком податливы, его порывы к близости слишком быстрые.

Правда никуда не девается, как всегда. Солнце и грозы делят одно небо, но они никогда не вместе. Они вскользь схлёстываются в беглых моментах поразительной красоты — слепящее, дарующее жизнь солнце пронзает почерневшее небо — а потом всё заканчивается так быстро, что ты гадаешь, было ли это вообще.

— Я говорю, что тебе лучше уйти, Рен.

Он отшатывается так, будто я его ударила. Заморгав, он отворачивается, затем смотрит в пол.

— Ты это не серьёзно, Фрэнки. Ты злишься. И пусть я с тобой не согласен, ты имеешь право злиться на меня. Но я не уйду.

Я закрываю глаза, вжимаюсь спиной в кровать и глотаю слёзы.

— Нет, уйдёшь.

— Фрэнки...

— Убирайся.

На несколько долгих секунд воцаряется тишина. Ничего, кроме фоновых шумов — открывающиеся и закрывающиеся двери, писк медицинских аппаратов. Я не открываю глаза,

задерживаю дыхание и молюсь, чтобы мучительный момент завершился.

Внезапно его голос раздаётся у самого моего уха.

— Я дам тебе время. Но я не уйду от этого навсегда. Ты заслуживаешь лучшего. И я тоже.

Я прикусываю язык, слёзы катятся по щекам. Наконец, я чувствую, как этот жар, этот чистый пряный запах испаряются. Широкие шаги по палате стихают, дверь закрывается.

А потом я разваливаюсь на куски.

Не проходит и минуты, как Ло возвращается в палату, смотрит на моё залитое слезами лицо, затем на пустующий стул Рена.

— Ладно. И какой уровень самосаботаж мы только что активировали?

Одной рукой я вытираю лицом, а другой показываю средний палец, ноготь которого выкрашен лаком с блёстками.

— Ворчун, помноженный на блёстки, — говорит она. — Мне нравится.

— Так было уже целую вечность.

— Как и в случае с твоей дерьмовой натурой.

Я ударяю кулаком по кровати и сердито смотрю на неё.

— Я прогнала его. И тебя могу прогнать.

— Ооо, — она изображает дрожь. — Боюсь-боюсь.

Я стискиваю зубы и снова зажимаюсь. Закрыв за собой дверь, Ло неспешно подходит ко мне.

— На самом деле, — произносит она, — это ты боишься, — моя ладонь сжимает простыни, пока Ло подвигает стул Рена ближе к кровати и плюхается на него. — Вопрос вот в чём — чего именно ты боишься?

Когда я не отвечаю ей, она берет мою ладонь и наклоняется ко мне.

— Отношения не идеальны, Фрэнки. Они подобны живым и дышащим существам. У них бывают боли роста, как у детей. У них есть взлёты и падения. Они требуют доверия и прощения. Они не требуют идеальности и безупречности. Нужны лишь два человека, которые хотят любить друг друга и постоянно узнавать лучшие способы делать это.

Я открываю глаза и бросаю на неё резкий взгляд.

— Кому нужны сопливые мелодрамы, если есть ты и Рен?

Ло всматривается в моё лицо.

— Ох, милая, — она вздыхает и вытирает мои слёзы. — Вот чего ты боишься, да? Что тебя будет любить этот большой рыжий плюшевый медведь, боготворящий землю, по которой ты ходишь?

Я сердито вытираю со щеки слезинку, которая опять вытекла из уголка глаза.

— Я вышвырнула его, Ло. Что я наделала?

— Ты плохо среагировала на то, что тебя хорошо любили.

— Я люблю его, — рыдаю я, закрывая лицо руками. — И я заставила его уйти.

— Я знаю, Фрэнки. И над этим нам придётся поработать. Потому что Рену не нужно такое дерьмо в его жизни, и тебе тоже, — Ло нежно сжимает мою ладонь. — Так что сказала психолог? Когда ты говорила с ней о нём?

— Ну... — я откашливаюсь. — Вообще-то я не...

— Ох, женщина, — Ло отпускает мою руку. — Ты не говорила о нём.

Я качаю головой.

— Потому что ты знала, о чем она тебе напомнит, и тебе слишком страшно признать

правду, которую она на тебя вывалила бы.

Я киваю.

— А именно? — настаивает Ло.

— То, что я заслуживаю, чтобы меня любили такой, какая я есть, — несчастно признаюсь я. — Что человек, заслуживающий моей любви, будет любить всю меня.

Именно так мне сказал психолог. Именно так я сама сказала Рену той ночью на пляже. Я чертовски хорошо даю советы и чертовски плохо сама им следую.

Ло откидывается на спинку стула и укладывает ноги на мою койку.

— Верно. То есть, тебе надо принять решение. Если ты веришь, что тебя можно любить, то ты должна верить и в то, что на свете есть человек, готовый тебя любить. Разве это не он?

— Он, — шепчу я, вытирая слёзы.

— Да, ты никогда со стопроцентной точностью не узнаешь, причинит он тебе боль или нет. Но знаешь что, Фрэнки? Никто не знает, причинит любовь боль или нет. Надо просто рискнуть.

Моё дыхание делается учащённым и неглубоким. Я стискиваю простыни, стараясь дышать нормально. Боже, я всё просрала. Капитально. Я до сих пор ужасно напуганная, неуверенная в себе и безумно уязвимая, но она права. Я права. Если кто и будет меня любить, если я и хочу кого-то любить и быть достойной любви, то это Рен. И когда он показал, как сильны его чувства ко мне, я оттолкнула его. Потому что это пугает. Прекрасно и уязвимо пугает.

Я пытаюсь улыбнуться ей.

— Да всё нормально. Я в порядке.

Она выгибает бровь.

— Да что ты говоришь? Ибо ты выглядишь так, будто готова обосраться.

Я стону.

— Ты же знаешь, что я не могу улыбаться по команде.

— Так затем пытаешься передо мной?

— Улыбка передаёт, что всё хорошо. Я пытаюсь показать тебе, что могу с этим справиться.

— Эй, — Ло сжимает мою ладонь. — Да, с тобой всё будет хорошо. И да, ты способна с этим справиться. Но знаешь что?

— Что?

Она улыбается.

— Ты не обязана делать это в одиночку.

Три недели. Куча препирательств с Ло, которая только несколько дней назад съехала от меня, убедившись, что я не потеряю сознание в душе и не впаду в очередной припадок тревожных рыданий. Пять дистанционных сессий с моим психологом, чтобы проговорить все мои загоны насчёт отношений.

Я не починила себя. Я не идеальна. И никогда не буду. Но я достаточно здорова, чтобы отправиться в дорогу, и я готова быть храброй. Остаётся лишь надеяться, что Рен посчитает это достаточным.

В аэропорте я сижу у терминала, зажав телефон между ухом и плечом.

— Итак, слушай, — говорит Уилла на линии. — Ходят слухи, что Эйден заявился в

Любовное Гнёздышко...

— Что, прости?

— Любовное Гнёздышко, — просто повторяет она. — Поверь мне. Когда доберёшься до коттеджа, всё будет предельно ясно.

— Мне повезёт, если Рен не развернёт меня с порога и не скажет убираться туда, откуда припёрлась.

Уилла издаёт хрюкающий смешок.

— Я тебя умоляю. Да он слетит с катушек от счастья, когда тебя увидит. Единственный, кого он пошлёт куда подальше — это Эйден.

— Главное, не уезжай сразу, как высадишь меня.

— Не уеду, конечно, — обещает она. — Но говорю же, тебе не о чём переживать...

Стюардесса по громкоговорителю объявляет раннюю посадку, перебив наш разговор. Попрощавшись с Уиллой, я встаю и улыбаюсь бабулькам, которые косятся на мою трость и ясно и отчётливо бормочут «симулянтка».

Даже когда твоя болезнь не является невидимой, люди всё равно могут оставаться слепы. Но мне надоело стыдиться, унижаться или оправдываться. Я буду собой. Потому что этого достаточно. И впервые за много лет я знаю, что меня любят такой, какая я есть. Человек, напомнивший мне об этом, ждёт меня в маленькой хижине среди лесов. Я могу лишь надеяться, что он до сих пор меня любит и простит.

Глава 30. Рен

Плейлист: Lord Huron — The Night We Met

— Полегче, — Эйден бросает топор и вытирает ладонью потный лоб. — Что плохого тебе сделало это бревно?

Я поднимаю глаза, встречаясь взглядом со своим зятем.

— Надо же себя занять.

Эйден закатывает глаза.

— Ты не мог страдать ещё очевиднее?

— Я тебя сюда не звал, Эйден. Это мой черёд в хижине, моё время здесь, а ты припёрся без приглашения.

Мои родители владеют А-образным коттеджем в штате Вашингтон, где я провёл большую часть своего детства вплоть до десятого класса. Мы переехали в Лос-Анджелес, потому что папе сделали отличное предложение от больницы при университете КУЛА, и пусть мне нравится Южная Калифорния, мне также нравится возвращаться на Тихоокеанский Северо-запад. Кутаться потеплее, видеть, как после пробуждения моё дыхание превращается в пар. Быть в окружении хвойных деревьев и насыщенно-синего неба.

Все братья и сестры имеют право пользоваться хижинкой, но старшие должны посещать её по графику и заниматься ремонтом, чтобы сохранять эту привилегию. Мой черёд обычно летом, потому что тогда моё рабочее расписание наиболее гибкое, но Райдер поменялся со мной и отдал мне этот отрезок времени поздней весной, поскольку я практически умолял его.

— В последнее время это становится повторяющимся мотивом, — грубо отвечает Эйден. — Мне не рады здесь. И мне также не рады в моём же доме. Хотя я чертовски усердно работал, чтобы купить его и привести в порядок, — Эйден поднимает топор и замахивается, раскалывая бревно пополам. — Спасибо за напоминание. Хотя ты не спрашивал, зачем я здесь и что случилось.

— Ты прав, — я охаю, взваливая охапку дров на вершину стопки и укладывая их туда. — Я не спрашивал.

— И это очень на тебя не похоже, — кричит мне вслед Эйден.

— Видимо, я начал новую веху в своей жизни.

Я замахиваюсь и раскалываю очередное полено, чувствуя ноющую боль в мышцах, жжение в спине. Здесь я только и делал, что пытался себя вымотать. Иначе я ни за что не сумею уснуть.

Три недели.

Три недели, и то слово до сих пор звенит в моей голове. «Убирайся».

Приехав домой, я выбил всё дерьмо из боксёрской груши, поплакал в душе (да, вы верно расслышали, я плакал), а потом воспользовался готовностью Райдера поменяться временем в хижине и приехал прямиком сюда. Если бы я провёл ещё хоть минуту в своём доме, где на полу валяются игрушки Паццы, а простыни пахнут Фрэнки, я бы сошёл с ума.

Эйден буквально два дня назад притащил сюда свою нахальную задницу, выглядя помятым и невыспавшимся. Я не спрашивал, что у него происходит с Фрейей, потому что не хотел знать. Мне и своих проблем хватает.

В больнице я сказал Фрэнки, что дам ей время, что ухажу не навсегда. Но моя способность ждать уже практически на исходе. Я пообещал себе, что через месяц ей придётся выслушать меня, посмотреть мне в лицо и поговорить обо всём.

— Мрачная версия тебя очень странная. Ты похоже на Аксея, когда хмуришься, — Эйден плюхается на землю и прислоняется спиной к массивной тсуге, тяжело дыша и делая глотки воды между вздохами. — Чёрт, когда я успел растерять физическую форму?

— Такое бывает, когда ты постоянно работаешь.

Он награждает меня взглядом.

— Так ты знаешь, почему я здесь.

Я кошусь на него через плечо, затем поворачиваюсь и замахиваюсь, раскалывая очередное бревно.

— Я понятия не имею, почему ты здесь. Просто знаю, что ты трудоголик.

Эйден — профессор в КУЛА. На самом деле, это он свёл Уиллу и Райдера, когда они были его студентами. Причем поначалу против их воли.

— Ты преподаёшь, оцениваешь работы студентов, читаешь лекции, проводишь конференции, постоянно публикуешь научные работы. Когда у тебя найдётся время на поддержание физической формы? Или на что бы то ни было ещё, если уж подняли тему.

На подбородке Эйдена дёргается мускул. У него почти чёрные волосы (на тон темнее волос Фрэнки), и трёхдневная щетина, резко контрастирующая с его синими глазами и мешками под ними. Он выглядит злым и измождённым.

«Добро пожаловать в клуб, Эйден».

— Фрейя вышвырнула меня из дома.

Я резко вскидываю голову.

— Она вышвырнула тебя из дома?

Он вздыхает, закрыв глаза и прислонив затылок к дереву.

— Повтори ещё разок. Мне же так нравится это слышать.

— Эйден, у меня сейчас нет терпения для твоего искромётного сарказма. У меня... — я шумно выдыхая, чувствуя, как в горле встаёт ком от эмоций. — У меня свои проблемы. Говори, что тебе надо сказать, но я сейчас не могу служить для тебя плюшевым мишкой. Позвони Райдеру или типа того.

Эйден швыряет бутылку воды на землю.

— Зачем, чтобы он приехал сюда и избил меня до соплей за то, что я сделал больно его сестре? Нет уж, спасибо. Это ты у нас слушатель в семье.

Я с гулким ударом бросаю топор на землю.

— Ты сделал больно Фрейе?

Эйден поднимает ладонь и отшатывается.

— Не физически. Иисусе, Рен, ты вообще какого обо мне мнения?

— Неважно. Эмоциональные раны причиняют такую же боль или даже сильнее.

Кое-как встав, Эйден встречается со мной взглядом.

— Я не хотел делать ей больно, Рен. Я даже не знаю, когда всё это произошло. Я знаю одно — в какой-то момент наши отношения отошли от курса. В последнее время я был занят, постоянно отвлекался.

— Я что-то упустил, сам не знаю что, но она зла на меня. По-настоящему зла. Я умолял её поговорить, твердил, что хочу всё исправить, но она сказала... — он трёт ладонью лицо и смотрит на воду. — Она сказала, что ей нужно время. И что она не знает, можно ли это

исправить.

Когда он смотрит на меня, его глаза покраснели и налились кровью. Он выглядит разбитым.

— Я не могу её потерять.

— Так не теряй. Поезжай домой и борись за неё.

Он смеётся, но этот звук срывается от эмоций.

— Как бороться за женщину, которая не хочет, чтобы за неё боролись? Как починить отношения, если тебе говорят, что они безвозвратно сломаны?

— Ты приходишь и демонстрируешь надежду. Показываешь, что да, вещи ломаются и никогда не будут прежними, но если собрать осколки воедино, они всё равно могут быть прекрасными, пусть и другими.

Вдалеке гремит гром, и за ним следует большая капля дождя, которая приземляется на мою щёку и скользит вниз.

Эйден вздыхает.

— Она никогда не была такой. Я никогда не видел её такой потухшей. Тот свет, что всегда сиял в глазах Фрейи, угас.

— Так разожги его обратно, — я сую ему в руку охапку дров. — Прекрати прятаться здесь и иди борись за то, за что ты обещал бороться. Любовь на всю жизнь, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии...

Боже, эти слова просто рвут мне душу надвое будто раскалённый нож. Я пинаю кучу брёвен и уношусь прочь. Эйдену хватает ума оставить меня в покое. Я слышу, как он кладёт свою охапку и идёт обратно в хижину. Для его же блага я надеюсь, что он планирует собрать вещи и поехать домой.

Капли дождя превращаются в ливень. Небо чернеет, грохочет гром, и пусть я под навесом деревьев, я откровенно отбрасываю осторожность и иду по лесу, подхватывая ветки и ударяя по всему подряд, как на тренировке ударял бы по шайбам.

Этого недостаточно. Вернувшись обратно на поляну, я подбираю топор и иду к засохшему дереву, которое мы с Эйденем начали рубить сегодня днём. Мои ладони пульсируют, свежие мозоли разрываются в кровь, но мне всё равно. Лучше испытывать боль на поверхности, чем глубоко внутри.

Удар.

Удар.

Удар.

С каждым замахом у меня вырывается хриплое оханье. До тех пор, пока я уже не могу держать топор, и он падает к моим ногам. Я стону, прижимаясь лбом к дереву. Как я её потерял? Я сделал именно то, чего обещал не делать. Я принял решение, из-за которого она почувствовала себя проблемой, воздвигнутой в ранг приоритета, а не моим любимым человеком.

И в этом, как сказал бы Шекспир, и есть камень преткновения. Потому что я всегда буду выбирать её. Я буду приходить и заботиться о ней так же, как она приходила и заботилась обо мне, с нежностью и сочувствием. Но пока Фрэнки не перестанет считать себя бременем, она всегда будет смотреть на мои поступки через линзы обязательств. А значит, я могу лишь надеяться, что со временем она сумеет воспринимать это иначе. И вновь мне остаётся ждать.

Я ждал её прежде. Можно подумать, что я сумею с этим справиться, но без неё я как будто медленно задыхаюсь, мучаюсь желанием знать, как она, чего она хочет, и есть ли хоть

малый шанс, что она наконец-то увидит себя моими глазами.

Злость и беспомощность завладевают моим телом. Разъярённый крик вырывается из моего горла, и я ору в лес, но тут молния раскалывает небо. Я инстинктивно отпрыгиваю, когда мир полыхает бело-голубым, озаряя силуэт женщины на подъездной дорожке у главной дороги. Мучительный силуэт женщины.

Длинные волосы, льнущие к лицу, короткая трость. Она поднимает глаза, и я задыхаюсь, узнав их — золотисто-зелёные глаза, как солнце и земля, проглянувшие в отсветах грозы.

Моё сердце ёкает в груди.

— Фрэнки?

Она улыбается и приподнимает руку, чтобы помахать.

Я снова повторяю её имя. И ещё раз. Потом я несусь к ней, бегу по грязной дороге, и воздух впервые за недели наполняет мои лёгкие. Смех перебивает дыхание. Она здесь. Она приехала.

Я остаиваюсь лицом к лицу с ней, пока она смотрит на меня, дрожа. Слипшиеся тёмные ресницы. Две завесы мокрых тёмных волос обрамляют лицо.

— П-привет, — нетвёрдо говорит она.

Я сглатываю, чувствуя, как по щеке скатывается слеза.

— Как ты сюда попала?

— Самолетом. А потом Уилла, — просто отвечает она.

Я смотрю поверх её плеч и вижу Субару Уиллы и Рая, уезжающий по главной дороге и издающий серию коротких гудков. Посмотрев на Фрэнки, я трясую головой и моргаю. Этого же не может быть на самом деле.

— Рен, — шепчет она и, шагнув ближе, накрывает мою щёку ладонью. Я вздрагиваю от прикосновения, и моё сердце как бешеное припускает в груди. — Я так сожалею. Ты любил меня, а я швырнула это тебе в лицо. Это... это напугало меня, Зензеро. Не буду врать. Никто никогда не любил меня без оговорок.

Я смотрю на неё, пока дождь продолжает хлестать по нам, пока любовь, магнитуду, глубину и силу которой я едва могу осознать, окутывает моё сердце и тянет меня к ней.

Её глаза всматриваются в мои.

— То, что я сказала в больнице, не было правдой. Я... Я... — прерывисто выдохнув, она подходит ближе на шаг. — Я люблю тебя, Рен.

— Фрэнки. Я люблю тебя, — шепчу я, обхватывая ладонями её лицо, такое близкое, такое мягкое.

— До сих пор? — настороженно переспрашивает она. — Даже после последних нескольких недель?

— До сих пор. Всегда. Я бы ждал тебя несколько жизней, Фрэнки. Ты всегда была этого достойна.

Она поднимает на меня взгляд.

— Спроси меня.

— Спросить что? — тупо уточняю я.

— «Членство зависит от аутентичности», — повторяет она то, что я сказал ей месяцы назад. — «От слов, произнесённых от самого сердца». Спроси, что я подготовила.

Я качаю головой.

— Фрэнки, ты не обязана...

— Туда, — она кладёт ладонь поверх моего сердца, всматриваясь в мои глаза. — Я хочу туда. В идеале с пожизненными привилегиями, но если придётся, я буду довольствоваться пробным членством с ежемесячным продлением.

— Фрэнки, у тебя уже есть эти привилегии.

— Любовь не есть любовь, — выпаливает она, вытирая дождь с лица и глядя на меня. — Когда она при каждом колебании то исчезает, то приходит вновь. О нет! Она незыблемый маяк, навстречу бурь глядящий горделиво.

— Холодно же, а ты всё ещё...

— Пожалуйста, Рен, позволь мне сказать тебе. Позволь сказать, что ты значишь для меня, — она делает хриплый вдох, затем кричит сквозь дождь и гром, сквозь порывы ветра меж деревьев:

— И не игрушка времени она,

Хоть серп его и не проходит мимо.

Недель и дней ей смена не страшна —

Она в веках стоит неколебимо.

Я крепко прижимаю её к себе и целую, затем отстраняюсь ровно настолько, чтобы посмотреть в эти большие, глубокие глаза.

— Я люблю тебя. Всегда любил, — ветер свистит меж деревьев, воеет вокруг нас, пока я обнимаю её, целую в губы и шепчу: — Всегда только ты.

Её плач прерывает мой поцелуй, и я подхватываю её на руки, по возможности заслоняя её от дождя. Фрэнки визжит и хохочет, крепко прижимая к нам трость и сумочку, запрыгивая голову к открытому небу. Слезы душевной боли сменяются слезами радости, и облака расступаются перед решительным солнцем.

Я целую Фрэнки и чувствую вкус надежды.

Глава 31. Рен

Плейлист: Meghan Trainor, John Legend — Like I'm Gonna Lose You

Я смотрю, как отсветы пламени играют на её коже, напоминая палитру закатных оттенков акварели. Золотые, бронзовые, рубиновые тени под её подбородком, на округлостях её обнажённых грудей. Голая Фрэнки, растянувшаяся на диване перед огнём — это воплощение удовлетворённой красоты.

Наклонившись через неё, я ворошу угли и подкидываю ещё полено. Её ладонь скользит вверх по моей спине и запутывается в моих волосах.

— Со стороны Эйдена было мило удалиться, — говорит она.

Я сухо смеюсь.

— Со стороны Эйдена было просто необходимо удалиться.

Так он и сделал. Один взгляд на меня с Фрэнки на руках, когда мы оба были насквозь промокшими, хохочущими и опьяневшими от любви, и он взвалил свою сумку на плечо, пробурчал что-то про аэропорт и вышел. Я услышал, как под шинами его арендованного авто захрустел гравий, затем шум двигателя стих за звуками дождя. А потом я сорвал с Фрэнки одежду, поставил под горячий душ и опустился на колени, чтобы показать, как сильно я по ней скучал.

Фрэнки улыбается мне.

— Я чувствую себя виноватой, но даже лучше, что его здесь нет. Вы весьма шумный любовник, мистер Бергман.

Румянец заливает мои щёки, пока я сверлю её притворно сердитым взглядом.

— Думаю, вы хотели сказать «страстный», мисс Зеферино.

Её улыбка становится шире и лишь на мгновение прерывается остаточным кашлем, который звучит далеко не так страшно, как три недели назад.

Я провожу пальцем по ямочке на её щеке.

— Она мучила меня много месяцев, Франческа. Лет, если быть точнее.

— Моя ямочка? — она шлёпает ладонью по своей щеке и моему пальцу, выглядя смущённой. — Странно, что у меня их не две, да? Меня это всегда бесило, потому что мой мозг жаждет симметрии.

— Поэтому мне и нравится. Ты всегда такая аккуратная и точная. Но у тебя есть эта ямочка, которую я видел лишь при твоих редких улыбках. Даже если это несовершенство, мне это кажется красивым.

Её улыбка гаснет.

— Некоторые несовершенства не столь красивы, Рен.

— Да. Возможно, это так, — я провожу пальцами по её волосам. — Но если это твои несовершенства, то я люблю их. А ты любишь мои.

Она хватается меня за запястье, заставляя мою руку замереть.

— Мне надо это объяснить. Мне нужно, чтобы ты понял.

Глядя её щёку пальцами, пока она всё ещё держит моё запястье, я смотрю на неё сверху вниз.

— Я слушаю.

Фрэнки по возможности удерживает мой взгляд, но её глаза всё же скользят по моему

телу, к огню, к моим губам и волосам.

— Несколько недель назад мой психолог кое-что мне сказала... и я много думала об этом.

Я жду её, слушая в тишине, если не считать потрескивания древесины в камине.

— Она сказала, что нельзя поверить в чью-то любовь к тебе, пока ты не считаешь, что ты её достоин, — тихо говорит она, глядя в огонь. — Надо любить себя. И я думаю, что в этом отношении ты меня намного опережаешь, Рен.

— Что ты имеешь в виду?

Она вздыхает.

— Иногда я правда чувствую себя циничной. Иногда я оптимистична. Я думаю, что в плохие дни, когда всё болит и всё кажется таким сложным, мне не кажется, что я заслуживаю любви. И я знаю, что это неправда, что мне дозволено испытывать трудности, и это не лишает меня любви... но это всё равно ощущается реальным.

Я прижимаю её к себе потеснее.

Фрэнки смотрит на меня, выглядя душераздирающе одинокой, обнажённой и омытой дождем, настороженной и полной надежды.

— Ты меня понимаешь? — спрашивает она.

— Думаю, да. Я не говорю, что это одно и то же, но это немного напоминает мне те моменты, когда я погружаюсь в старые настроения тех лет, когда надо мной издевались. Когда я говорил себе, что я никуда не вписываюсь, ничего не могу сделать нормально, и что я недостаточно хорош, потому что я не «нормальный парень».

— Что ты делаешь, когда такое случается?

— Иногда я звоню Райдеру и просто позволяю ему рассмешить меня. Иногда я перечитываю книгу, которая послужила бегством от всего мира в критический момент прошлого и помогла почувствовать себя менее одиноким. Но чаще всего я просто считаю минуты до тех пор, как вновь увижу тебя. Потому что ты, Фрэнки, всегда делаешь меня счастливым. Ты всегда помогаешь мне почувствовать, что я именно тот, кем я должен быть, и что всё хорошо.

Она шмыгает носом.

— Как? Я всегда была такой кислой.

Я смеюсь.

— Может, в этом и дело. Ты была самой доброй кислой ворчуньей из всех, кого я когда-либо встречал. Ты заботилась. Ты по меньшей мере уловила те части меня, что я пытался минимизировать. И те части, что делают меня странным, как будто на самом деле нравились тебе больше всего.

— Рен, — говорит она, накрывая мою щёку ладонью. — Ты правда странный.

Мы оба хохочем, а она гладит мою бороду и крадет беглый поцелуй.

— И я тоже. Но не все должны любить нас, только те люди, что имеют значение. Я говорила тебе это, но ты мне показал: будь собой и позволь тем, кому повезло любить тебя, любить тебя таким, какой ты есть.

Я обвиваю её руками, целую в волосы, в висок, в щёку. Мои губы находят уголок её рта, а Фрэнки запрокидывает голову, чтобы встретиться мой поцелуй. Заведя руку за её спину, я прижимаю её к себе.

— Я люблю тебя, — я похлопываю её по попе и сжимаю. — Очень сильно.

Она улыбается мне.

— И мою попу ты любишь.

— Ну это справедливо. Ты же любишь мою.

Вздыхнув, Фрэнки целует меня, задевает своим носом мой.

— Эта хижина такая уютная. Давай переедем сюда.

— Вот уж не думаю. Ты вообще не захочешь выходить из дома. Заложить окна стопками книг и заставишь доставку еды возить тебе китайские блюда на квадроцикле.

— Звучит как прекрасная жизнь.

Я улыбаюсь ей.

— Куда бы ты ни пошла, я пойду следом. Ты не казалась мне любительницей сквозняков Тихоокеанского Северо-Запада, но...

Словно по команде, она дрожит, и её соски напрягаются от холода. От этого кое-какие части моего тела тоже напрягаются. Я пялюсь на неё и нежно накрываю ладонью её груди.

— Прошу прощения. Мои глаза расположены повыше, Зензеро.

Я не поднимаю взгляд. Я целую каждый сосок, описываю круги языком и лижу, пока они не превращаются в тугие горошинки, а её дыхание не учащается, становясь неглубоким.

— Что? — спрашиваю я.

— Я... — она вздыхает, увлекая меня на себя, беря мой ноющий член в свои ладони, проводя большим пальцем по чрезвычайно чувствительной головке. — Я забыла. Я собиралась о чём-то поспорить, но это куда приятнее.

— Фрэнки, — шепчу я, постепенно входя в неё и прижимая к себе.

— Рен, — выдыхает она, не отрываясь от моей кожи.

Наши губы встречаются, я пробую её на вкус, целую и дразню. Плавно двигаю бёдрами, каждый толчок размеренный и благоговейный. Мои ладони находят мягкие полушария её груди, бархатные складочки между её ног. Мои пальцы ласкают её, пока её ладони сжимают мои плечи, потом обвивают шею, пока она вздыхает и тихо вскрикивает всё с большим отчаянием.

Комната погружена в дымку отсветов пламени и свечей. Полумрак, пот, мягкие одеяла, сползающие на пол. Её ладони удерживают мои и переплетают наши пальцы. Великолепная, мучительная нужда, резкая потребность курсируют по моему телу.

Я зову её по имени, вминаясь своим телом глубоко в неё. Фрэнки крепко прижимает меня к себе, выгибается подо мной, когда волны её разрядки захватывают меня своей силой и увлекают за собой.

Хватая воздух ртом, я поворачиваю её вместе с собой, наши тела близки, но сердца ещё ближе. Я целую её в волосы, смотрю в глаза. И я изучаю Фрэнки несколько долгих тихих мгновений, запоминая отсветы огня на её коже, то, как языки пламени танцуют в её глазах, напряжённо наблюдающих за мной.

Я приподнимаюсь на локтях, осторожно отстраняясь от неё.

— Сейчас вернусь.

— Куда ты пошёл? — её ладони скользят по моей груди, голос звучит робко.

— Увидишь, — поцеловав её, я улыбаюсь. Я собирался подождать, но этот опыт научил меня одному: если есть единственно верный момент сказать кому-то, что они для тебя значат, то этот момент — прямо сейчас. Больше никакого ожидания. Больше никакой частичной правды.

Я встаю и перемахиваю через диван, прохожу по коридору и нахожу свои джинсы в куче возле ванной. Достав бумажник, я извлекаю оттуда бумажку и отбрасываю бумажник в

сторону.

Закинув руки за голову и широко улыбаясь, Фрэнки наблюдает, как я возвращаюсь в гостиную.

— Думаю, тебе лучше передвигаться помедленнее, — говорит она. — Пол кажется скользким. Ты, спешащий, голый, освещённый лишь огнём... это кажется опасным.

Я улыбаюсь, замираю буквально на мгновение, давая ей полюбоваться, затем подбегаю к дивану и останавливаюсь ровно для того, чтобы мягко плюхнуться рядом с ней.

Фрэнки вздыхает.

— Однажды я превращу тебя в эксгибициониста ради своей выгоды.

— Вот, — поцеловав её в висок, я протягиваю ей бумажку из печенья с предсказанием, зажав её между двумя пальцами. — Окажи мне честь.

Фрэнки разворачивает бумажку, поворачивает лицевой стороной к себе, затем тихо читает:

— «Ты смотришь на свою любовь». О, Рен, — шепчет она, обняв меня одной рукой и поцеловав в шею. — Это безумно мило. И слава богу, ты не смотрел на суп с вонтонами, когда читал это.

Я смеюсь, целуя её в ответ.

— Я так рад, что вместо супа оказалась ты.

— Но ты же не полюбил меня с первого взгляда, — говорит она скептически. — Такого не бывает.

— Ну не знаю, лютик. В мой первый рабочий день ты вошла в двери, и моё сердце ёкнуло в груди. Прямо весь воздух из лёгких вышибло.

— Хм. Ну, я со своей стороны осознала, что ты мне нравишься, когда врезалась в эту великолепную обнажённую грудь.

— Франческа, — я тихо рычу в её шею и покусываю.

— Ладно. Это случилось, когда ты делал отжимания без футболки.

Вжав её в диван и сползая ниже по одеялу, я устраиваюсь меж её ног.

— Мармеладка, ты меня дразнишь.

— Жучок-паучок, — Фрэнки проводит руками вниз по моей спине. — Я буду честна и признаюсь, что первое, что мне в тебе понравилось — это твоя задница, но только потому, что ты прошёл мимо меня, пока я держала голову опущенной и шла в комнату для совещаний, так что я увидела лишь заднюю часть тебя, — она одобрительно сжимает вышеупомянутый зад.

— Но потом я вошла, увидела эти медные волосы, эти зимние глаза, — она вздыхает. — И я подумала: «Ну чёрт возьми. Он под запретом, Фрэнки. Так что забууудь».

— Не замечай то, как он внимательно слушает. Не влюбляйся в то, какой он нежный, как усердно он трудится. Не чувствуй, как влюбляешься ещё сильнее, видя, как он демонстрирует, что эта сила кроется не в утверждении власти, а в служении другим. Не люби его, когда он читает детские книжки и пускает слезу, или держит ребёнка твоей подруги так, будто он создан для того, чтобы держать детей. Определенно не отдавай ему своё сердце, когда он танцует с тобой на берегу и помогает почувствовать себя лёгкой и подвижной.

Она улыбается подо мной, лаская моё лицо.

— Не влюбляйся в него, когда он прикасается к тебе. Когда он заставляет тебя испытывать чувства в том уголке своего сердца, о существовании которого ты даже не знала.

Но вопреки всем этим нелепым отрицаниям у меня всё равно не было ни единого шанса.

Её ладонь ложится на моё сердце, пока я удерживаю её взгляд.

— Франческа?

— Да, Сорен.

— Я люблю тебя. Всегда.

— Всегда, — шепчет она и скрепляет это поцелуем.

КОНЕЦ

История Рена и Фрэнки завершилась, но это не последняя ваша встреча с ними! Далее идёт история Фрейи и Эйдена, про их супружеские проблемы и про то, как вся семья Бергманов будет строить планы по спасению их брака.

¹КУЛА, здесь и далее — Калифорнийский Университет в Лос-Анджелесе.

²«Совпадает ли цвет ковра с занавесками» — английская идиома, обозначающая то, совпадает ли цвет волос на голове человека с цветом его лобковых волос.

³«Запрещенный» на немецком и французском языках соответственно.

⁴В английском есть слово ginger, которое означает и рыжий цвет волос, и имбирь. Поэтому Фрэнки зовёт Рена «имбирём», хотя итальянское слово zenzero означает именно «имбирь», а не «рыжий».

⁵Ben fatto. Brava (итал.) — отличная работа, молодец.

⁶Eccellente (итал.) — превосходно, отлично.

⁷Fresterska (швед.) — соблазнительница.

⁸Здесь пришлось использовать буквальный, нестихотворный перевод текста Шекспира, потому что иначе дальнейший диалог Рена и Фрэнки не будет иметь смысла. Если хотите ознакомиться с литературным переводом в стихах, это «Ромео и Джульетта», акт 1, сцена 5.

⁹Non compos mentis — латинская юридическая фраза, означающая «нездравый разум». Фразу употребляли в отношении людей с психическими заболеваниями, потерей памяти — словом, в отношении тех, кто не имел полной власти над своим разумом.

¹⁰Тест Бекдел — это тест на гендерную предвзятость. Чтобы книга или фильм прошли данный тест, должна иметься минимум одна сцена, где две женщины разговаривают о чём-либо, помимо мужчин. В некоторых источниках уточняется, что женщины обязательно должны быть названы по именам.

¹¹Бэби-лихорадка — это шуточный термин, обозначающий состояние, когда пара или

отдельный человек очень хочет ребёнка или активно пытается забеременеть. Часто это бывает, когда кто-то из знакомых родил совершенно очаровательного младенца, и теперь человеку/паре тоже захотелось своего ребёнка.

¹²Имеется в виду поза, когда пара лежит на боку, и мужчина обнимает женщину со спины. Получается они лежат как будто две ложки одна в другой, где мужчина — большая ложка, а женщина — маленькая.

¹³Сникердудл — традиционное рождественское печенье с корицей.

¹⁴В США вместо паспорта местным удостоверением личности служит айди-карта, выглядящая как водительские права, и её часто носят в кошельке. Поэтому Рен легко мог увидеть айди-карточку Фрэнки.